И. АЛЕШИНЦЕВЪ.

СОСЛОВНЫЙ ВОПРОСЪ И ПОЛИТИКА

ВЪ

ИСТОРІИ НАШИХЪ ГИМНАЗІЙ

ВЪ XIX ВѢКѢ.

(Историческій очеркъ).

Изданіе журнала «Русская Школа».

Цѣна **50** коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1908.

Вышло въ свѣтъ новое 9-е изданіе

Исторія Греціи и Рима

Курсъ систематическій

съ прилож. хронологич. таблицы.

сост. Я. Г. Гуревичъ.

Изд. журнала «Русская Школа» СПБ. 1908 г.

Цѣна 1 руб.

Скл. изд. въ книжномъ магазинѣ Стасюлевича. СПБ. В. О., 5-ая линія, д. 28,

---

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

З. Кипріяновой.

Художественное образованіе въ школѣ и новые пріемы его преподаванія.

Со мног. рисунками.

Изд. журн. „Русская Школа“, СПБ. 1908 г.

Ц. 30 к.

Складъ изданій въ книжн. магаз. Стасюлевича (СПБ. В. О. 5-ая л. д. 28).

И. АЛЕШИНЦЕВЪ.

СОСЛОВНЫЙ ВОПРОСЪ И ПОЛИТИКА

ВЪ

ИСТОРІИ НАШИХЪ ГИМНАЗІЙ

ВЪ XIX ВѢКѢ.

(Историческій очеркъ).

Изданіе журнала «Русская Школа».

Цѣна **50** коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1908.

5 Та 774

им. ГОРЬКОГО
БИБЛИОТЕКА
М. Г. У.

341247

Сословный вопросъ и политика въ исторіи нашихъ гимназій въ XIX вѣкѣ.

(Историческій очеркъ).

Въ моменты, когда неудовлетворительность какого-либо учрежденія сознается настолько остро, что всѣ видятъ необходимость коренной реформы, бываетъ всегда очень полезно и важно послѣдовательно прослѣдить исторію его образованія.

Въ такомъ точно положеніи находится въ настоящее время наша средняя школа и, въ частности, мужская гимназія.

Не имѣя возможности на страницахъ журнала дать полную ея исторію, мы думаемъ, что будетъ далеко не безполезно прослѣдить и частичный вопросъ, поставленный у насъ въ заголовкѣ,—тѣмъ болѣе, что врядъ-ли гдѣ въ Европѣ сословные предразсудки и всякія политическія соображенія играли въ школьномъ дѣлѣ такую видную роль, какъ у насъ, гдѣ есть историческіе моменты (напр., царствованіе Николая I-го), когда очеркъ на нашу тему является почти исчерпывающей исторіей гимназіи.

Царствованіе императора Александра I-го. Первая половина.

Гранью, которая полагаетъ начало гимназіи, какъ типу учебнаго заведенія общеобразовательнаго и какъ типу общему для всей имперіи, надо признать день выхода Предварительныхъ правилъ (24 января 1803 г.),—но въ рамкахъ настоящей работы можно не отдѣлять этотъ день отъ 15-го ноября 1804 года, когда появился университетскій и гимназическій уставъ, тѣмъ болѣе, что послѣдній явился только болѣе подробной регламентаціей Предварительныхъ правилъ. Уставъ этотъ дѣйствовалъ, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ потомъ видѣ, до 1827 года, т.-е. во все царствованіе Александра I-го, но во вторую половину царствованія разными отдѣльными распоряженіями онъ былъ настолько обезображенъ, что гимназія 1820 года, напр., была далеко не то же, что гимназія, положимъ, 1805 года.

Разница эта зависѣла отъ измѣнившагося настроенія правительства того времени, почему мы и принуждены предварительно коснуться императора Александра и его сподвижниковъ. Послѣднее тѣмъ болѣе важно, что въ Россіи, гдѣ общество и теперь лишено политическихъ правъ, а въ то время и образованія—личность правителя имѣетъ вліяніе гораздо болѣе значительное, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Что же представлялъ изъ себя Александръ I?

Вотъ что говоритъ о немъ и его воспитаніи В. О. Ключевскій—«Александра I-го учили, какъ чувствовать и держать себя, но не учили думать и дѣйствовать. Съ пеленокъ надъ нимъ перепробовали не мало воспитательныхъ экспериментовъ: его не во время оторвали отъ матери для опыта натурально-раціоналистической педагогіи—изъ недоконченнаго Эмиля превратили въ преждевременнаго политика и философа, едва начавшаго развиваться студента превратили въ незрѣлаго семьянина; а тихое теченіе семейной жизни и недоконченныя занятія прерваны были развлеченіями легкаго эрмитажнаго общества, а потомъ казарменными тревогами гатчинской дисциплины. Это все было или не во время, или не то, что нужно.

Все было сдѣлано такъ, чтобы затруднить великому князю знакомство съ дѣйствительностью, которой онъ былъ долженъ управлять. Изъ воспитанія своего великій князь вынесъ кругъ политическихъ идей, которыя должны были надѣлать ему чрезвычайно много хлопотъ. Еще въ царствованіе Екатерины онъ признавался кн. Чарторыйскому, что онъ принимаетъ сердечное участіе во французской революціи, ненавидитъ деспотизмъ во всякомъ его проявленіи, любитъ свободу, которая должна принадлежать всякому; что наслѣдственность власти есть несправедливое и нелѣпое установленіе, что верховная власть должна быть ввѣряема не по случайности рожденія, а по голосу націи, которая сумѣетъ выбрать наиболѣе достойнаго управлять ею. Что же могъ сдѣлать великій князь съ обильнымъ запасомъ такихъ ненужныхъ идей? Къ тому же воспитаніе не развило въ немъ чутья дѣйствительности, практическаго глазомѣра».

«Извѣстно, что во вторую половину царствованія императоръ очень мало занимался внутренними дѣлами Россіи; все его вниманіе постепенно сосредоточилось въ устройствѣ политическаго порядка въ Польшѣ, на поддержаніи устройствомъ священнаго союза политическаго порядка въ Западной Европѣ. Такимъ образомъ, прежняя русская національно-политическая идиллія смѣнилась идилліей всемірно-исторической» [1]).

---

[1]) Лекціи. Лит. изд. 1904 г. Спб.

Правдивость этой блестящей характеристики приходится все время наблюдать и при изслѣдованіи частичнаго вопроса объ образованіи; увидимъ это и мы на нашемъ, еще болѣе частномъ, вопросѣ. А пока замѣтимъ, что въ эпоху созданія гимназическаго устава настроеніе Александра было таково, что само правительство питало болѣе смѣлые планы, чѣмъ кто-либо изъ передовыхъ людей тогдашняго общества [1]). Идеи Государя раздѣлялись ближайшими его друзьями: кн. А. Чарторыйскимъ, Н. Н. Новосильцевымъ, П. А. Строгановымъ, гр. В. П. Кочубеемъ. Участіе ихъ сначала въ такъ называемомъ неоффиціальномъ комитетѣ, а затѣмъ—троихъ изъ нихъ—въ управленіи Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, и опредѣлило характеръ нашего перваго гимназическаго устава. Дѣятели Екатерининскаго времени, привлеченные къ участію въ реформѣ (гр. Завадовскій, Озерецковскій, Фусъ, Ст. Румовскій, Янковичъ-де-Маріево), сдѣлали только, что она проводилась на исторической почвѣ, т.-е. были использованы существовавшіе уже въ большинствѣ губернскихъ городовъ главныя народныя училища (по уст. 1786 г.), а духъ устава продолжалъ оставаться въ гармоніи со взглядами реформаторски настроеннаго правительства.

Въ результатѣ явился уставъ, за которымъ при всемъ стараніи нельзя ничего найти, кромѣ желанія разлить вездѣ просвѣщеніе. Доказательствомъ серьезности этого желанія служитъ, напр., 24 статья Предв. правилъ, утверждающая, что «ни въ какой губерніи, спустя 5 лѣтъ по устроеніи въ округѣ, къ которому она принадлежитъ, на основаніи сихъ правилъ училищной части, никто не будетъ опредѣленъ къ гражданской должности, требующей юридическихъ и другихъ познаній, не окончивъ ученія въ общественномъ или частномъ училищѣ».

Намъ здѣсь нѣтъ необходимости излагать подробно уставъ 1804 года, тѣмъ болѣе, что общая его структура извѣстна,—намъ нужно только отмѣтить, что съ его появленіемъ для общества сильно облегчалась возможность получать образованіе.—Отнынѣ впервые въ Россіи создавалась сѣть среднихъ общеобразовательныхъ и однообразныхъ учебныхъ заведеній. Вмѣсто трехъ прежнихъ гимназій—теперь должно было открыться ихъ столько же, сколько было губернскихъ городовъ. Если же это сопоставить еще съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ гимназію поступали дѣти, окончившія уже уѣздное училище, которое предполагалось въ каждомъ

---

[1]) А. Н. Пыпинъ. „Обществ. движ. въ Россіи при Александрѣ I“. Спб. 1885 г., стр. 11.

уѣздѣ, то будетъ ясно, насколько увеличивалась для населенія фактическая возможность получать образованіе.

Отсутствіе всякихъ сословныхъ ограниченій—вещь, во всякомъ случаѣ, по тому времени очень смѣлая—еще болѣе увеличивало эту возможность.

Вообще,—какъ бы уставъ гимназій 1804 года мы не разсматривали,—мы сможемъ увидѣть: запрещеніе тѣлесныхъ наказаній и вообще гуманный его характеръ, стройную систему управленія съ очень видной ролью университетовъ, постоянную заботу о томъ, чтобы преподаваніе стояло на надлежащемъ уровнѣ; замѣтимъ излишнюю многопредметность и энциклопедичность курса; но никакихъ сторонніхъ цѣлей не найдемъ.

Можетъ возбудить подозрѣніе, правда, очень бдительный контроль и нѣкоторыя ограниченія по отношенію къ учебнымъ заведеніямъ частнымъ (§ 141—154 устава), но всѣ эти мѣры совершенно понятны и для того времени совершенно извинительны.—Рѣшившись проводить нѣкоторыя идеи, къ которымъ отрицательно относилось общество, правительство тѣмъ самымъ не могло относиться безразлично къ конкурирующимъ съ его школами учебнымъ заведеніямъ и пансіонамъ частнымъ, тѣмъ болѣе что послѣдніе сплошь и рядомъ были хуже гимназій.

Просматривая дальше дѣятельность высшаго учебнаго начальства въ ближайшее за выходомъ устава время, приходится констатировать неуклонную вѣрность тому же духу. Надѣемся, что съ этимъ согласятся и читатели послѣ краткаго изложенія предпринятыхъ Министерствомъ въ ближайшее за выходомъ устава время отдѣльныхъ мѣръ и распоряженій.

Такъ, напр., въ подтвержденіе мысли, что общеобразовательная школа не должна знать никакихъ національныхъ и сословныхъ ограниченій, въ 1804 же году (9 декабря) вышло Высочайше утвержденное положеніе о евреяхъ, въ которомъ говорилось: «Всѣ дѣти евреевъ могутъ быть принимаемы и обучаемы, безъ всякаго различія отъ другихъ дѣтей, во всѣхъ россійскихъ народныхъ училищахъ, гимназіяхъ и университетахъ»—[1]), а въ 1805 г. опубликованъ планъ военнаго воспитанія, опредѣлявшій учебную часть его правилами, для уѣздныхъ училищъ и гимназій предписанными [2]).

Подтверждая основныя мысли устава новыми законодательными актами, первое Министерство, а за нимъ и второе, ревниво слѣдило и за исполненіемъ своихъ старыхъ предписаній.—Высказавъ, напр.,

---

[1]) Сборн. пост. т. 1-й 67.

[2]) Сборн. пост. т. 1-й 81.

пожеланіе, чтобы обученіе въ гимназіяхъ было разумно, и осудивъ тѣлесныя наказанія, учебное начальство неослабно боролось какъ съ механической учебой [1]), такъ и съ розгами [2]).

Выдерживая, такимъ образомъ, борьбу со своими подчиненными, недоросшими еще до настоящаго пониманія многихъ требованій устава,—реформаторски настроенное молодое правительство старалось всякими мѣрами и способами завоевать моральную и матеріальную поддержку со стороны общества.

Для этой цѣли открытіе гимназій обставлялось необычайной помпой и пышностію. Другой мѣрой воздѣйствія на общество, особенно въ цѣляхъ привлеченія его къ пожертвованіямъ, были измѣненія въ уставѣ гимназій въ угоду лицамъ, сдѣлавшимъ вклады.

Такъ, въ 1804 году учреждена коммерческая гимназія въ Одессѣ, во вниманіе къ потребностямъ края [3]), и классы коммерческихъ наукъ при Смоленской гимназіи, во вниманіе къ пожертвованію Гжатскаго купечества [4]). Въ 1805 году, благодаря пожертвованію дворянъ, былъ расширенъ курсъ Волынской (въ Кременцѣ) гимназіи [5]), въ 1806 г. то же и по тому же поводу было сдѣлано съ гимназіей Кіевской [6]), а въ 1811 году послѣдней даны были особыя, высшія по сравненію съ другими гимназіями, права [7]).

Однимъ словомъ, учебное начальство въ періодъ младенчества нашей гимназіи вполнѣ искренне желало ей процвѣтанія и для этой цѣли дѣлало все, что могло.

Къ сожалѣнію, у другой стороны, отъ которой также много зависѣлъ успѣхъ нашей средней школы, такого къ ней интереса и готовности сдѣлать что-либо для ея процвѣтанія почти совсѣмъ не замѣтно,—разумѣемъ общество вообще и дворянство по преимуществу. Для послѣдняго судьба гимназій, казалось бы, должна быть особенно интересной, но его отношеніе къ новымъ учебнымъ заведеніямъ, выражаясь современнымъ языкомъ, можно бы очень точно обозначить терминомъ «пассивной забастовки».

На призывъ Императора Александра I-го къ пожертвованіямъ въ пользу учебныхъ заведеній изъ всего русскаго дворянства откликнулись болѣе или менѣе крупными суммами только Демидовъ,

---

[1]) Цирк. 8 іюля 1810 г. Сбор. расп. т. I-й. 56 и Арх. М. Н. Пр. д. № 39,174.

[2]) Цирк. 18 март. 1811 г. и 14 ф. 1814 г. Сборн. расп. т. I-й и Арх. М. Н. Пр. д. № 9,195.

[3]) Сборн. пост. т. I-й. 45.

[4]) Тамъ же. 38.

[5]) Сборн. пост. т. I-й. 89.

[6]) Сборн. пост. т. I-й. 123.

[7]) Тамъ же 239.

харьковскіе [1]), пензенскіе [2]), волынскіе [3]) и кіевскіе [4]) дворяне, да и то у послѣднихъ могли быть свои національно-польскія соображенія. Если принять во вниманіе, что дворянство того времени, при своей многочисленности, находилось въ самой порѣ расцвѣта въ матеріальномъ отношеніи,—то будетъ ясно, что указанныя пожертвованія прямо ничтожны,—это просто дѣйствія отдѣльныхъ просвѣщенныхъ личностей и группъ.

Не желая жертвовать на учебное дѣло, несмотря на призывъ популярнаго Государя, несмотря на чисто царскую награду Демидова, дворянство игнорировало гимназіи и на практикѣ, продолжая предпочитать имъ частные пансіоны и домашнихъ учителей.

Не трудно понять и причину такого поведенія дворянства,—она заключалась, главнымъ образомъ, въ общесословности новой школы. Зараженные сословными предразсудками о своей бѣлой кости александровскіе дворяне не хотѣли видѣть своихъ дѣтей вмѣстѣ съ разночинцами и смердами.

Но въ то же время они не могли не видѣть и преимуществъ гимназій предъ частными пансіонами, хотя бы, напр., сравнительной дешевизны обученія. Поэтому съ самаго ранняго времени начинаются попытки дворянъ какъ-нибудь въ самой гимназіи отгородить своихъ недорослей отъ гимназистовъ прочихъ сословій. Уже въ 1806 году гр. С. Потоцкій писалъ: «Во всякую бытность мою въ Харьковѣ я видѣлъ общее дворянства сей губерніи желаніе имѣть какое-нибудь заведеніе, гдѣ бы дѣти ихъ могли быть содержимы и обучаемы съ меньшими издержками противу цѣнъ, требуемыхъ за то содержателями частныхъ пансіоновъ. Желая всѣми зависящими способами облегчить для онаго средства воспитанія ихъ дѣтей, и чрезъ то привлечь благорасположеніе ихъ къ учебной части, которое напредь сего не такъ было въ нихъ примѣтно, я предположилъ устроить при Свободно-Украинской гимназіи пансіонъ». Предположеніе это было приведено въ исполненіе — и первый параграфъ положенія о пансіонѣ гласилъ, между прочимъ: «Въ пансіонъ сей принимаются только дѣти такихъ дворянъ округа Харьковскаго университета, коихъ доходы не достаточны для заплаты за ученіе и присмотръ въ пансіонахъ, содержимыхъ частными людьми» [5]), для насъ важно, что это было правительственное заведеніе чисто дворянское,—такъ какъ это была уже принципіальная уступка могущественному сословію.

---

[1]) 400 т. рублей на универс. [2]) 2,250 р. ежегодно на гимназію, [3]) $^0/_0$ съ 194,400 руб. [4]) до 500 т. рублей. Сбор. пост. т. I.

[5]) Арх. М. Н. Пр. д. № 39,351, к. 1052.

Если дворянство сознательно холодно встрѣтило новыя гимназіи, то остальныя сословія оказались къ нимъ слишкомъ равнодушными просто потому, что у нихъ не ощущалась еще потребность въ образованіи въ такой степени. Любопытно, что даже изъ тогдашней литературной интеллигенціи только одинъ издатель «Патріота» [1]) оцѣнилъ отсутствіе сословныхъ ограниченій въ образованіи, и что даже такой интеллигентъ, какъ И. П. Пнинъ, пытается обосновать сословность науки [2]).

При такомъ отношеніи общества не удивительно, что гимназіи подвигались не особенно быстро. Къ 1809 году, т.-е., когда согласно обѣщанію Предварительныхъ правилъ, для занятія всякой гражданской должности должно быть непремѣннымъ условіемъ окончаніе курса въ какомъ-либо учебномъ заведеніи,—число гимназій было очень не велико и не доходило даже до своего минимума, т.-е. еще не всякій губернскій городъ былъ украшенъ гимназіей, и число учащихся въ существовавшихъ гимназіяхъ было далеко не многочисленно.

Это явленіе, подлежащее количественному учету — и особенно недостатокъ учащихся дворянъ—не могло пройдти незамѣченнымъ для правительства. Всю ненормальность его хорошо понималъ и ближайшій совѣтникъ Александра 1-го, М. М. Сперанскій, единолично вставшій на мѣсто развалившагося къ этому времени неоффиціальнаго комитета. Въ его головѣ и зародилась мысль о рѣшительной мѣрѣ, которая неминуемо должна была произвести впечатлѣніе на дворянство и служилое чиновничество.

Задумавъ бороться со зломъ, препятствующимъ успѣху просвѣщенія, которое мы выше обозначили терминомъ пассивной забастовки, М. М. Сперанскій приготовилъ обстоятельный докладъ «Объ усовершенствованіи общаго народнаго воспитанія», который своей неумолимой логикой долженъ былъ склонить на его сторону Государя.

«Главныя средства, писалъ въ этомъ докладѣ Сперанскій, которыми правительство можетъ дѣйствовать на воспитаніе народное, состоятъ:

1) Въ доставленіи способовъ къ просвѣщенію. Сюда принадлежитъ устройство училищъ, библіотекъ и тому подобныхъ публичныхъ заведеній.

2) Въ побужденіяхъ и нѣкоторой моральной необходимости общаго образованія.

---

[1]) Вл. Измайловъ.

[2]) Въ его „Опытѣ о просвѣщеніи относительно къ Россіи“. Спб. 1804 г.

Въ Россіи первое изъ сихъ средствъ давно уже было принято и, переходя разныя постепенности, въ настоящее царствованіе нарочито усилено. Можно съ достовѣрностію сказать, что никакое правительство не употребило въ сей части ни болѣе щедрости, ни болѣе усилій.

Но второе средство доселѣ не было еще довольно употребляемо. Доселѣ правительство ограничивало себя частными поощреніями, отличіями, напоминаніями. Но ученіе никогда еще не было у насъ поставляемо условіемъ необходимымъ и обязанностію непремѣнною для вступленія въ службу и занятія гражданскихъ мѣстъ.

Между тѣмъ, извѣстно, что условіе сіе въ другихъ государствахъ существуетъ»... «И въ Россіи условіе сіе предварительно уже принято, въ правилахъ народнаго просвѣщенія (ст. 24) [1]). Положенныя симъ правиломъ лѣта истекаютъ, но какимъ образомъ привести мѣру сію въ дѣйствіе [2]), когда во всѣхъ университетахъ и гимназіяхъ количество учащихся столь малочисленно?

Нужно прежде всего разсмотрѣть причины сей малочисленности.

Изъ опытовъ извѣстно, что у насъ существуетъ три рода гражданскаго ученія: 1) ученіе домашнее, 2) ученіе въ частныхъ пансіонахъ, 3) ученіе въ казенныхъ училищахъ.

Ученіе домашнее обыкновенно употребляется въ домахъ дворянъ богатыхъ, имѣющихъ способъ нанять учителей и гувернера.

Ученіе въ пансіонахъ есть удѣлъ дворянъ среднихъ.

Ученіе въ училищахъ большею частію оставляется людямъ бѣднымъ, свободныхъ состояній.

Первый способъ ученія, очевидно, для государства неудобенъ, 1) потому, что для великаго числа людей нельзя найти довольно хорошихъ учителей. Отсюда всѣ странности и укоризны, коимъ выборъ иностранныхъ учителей издавна и не безъ основанія у насъ толико оглашенъ; 2) способъ сей неудобенъ и потому, что онъ не оставляетъ правительству средствъ наблюдать за духомъ воспитанія и приводить юношество къ нѣкоторому единообразію общественныхъ нравовъ.

Второй способъ (ученіе въ частныхъ пансіонахъ) въ меньшей степени, но тѣ же представляетъ неудобства.

Третій всѣхъ былъ бы предпочтительнѣе.

Но всѣ три вмѣстѣ имѣютъ то главное неудобство, что въ нихъ ограничиваются первыми токмо начатками словесности и считаютъ воспитаніе поконченнымъ, какъ скоро пріобрѣтено нѣкоторое по-

---

[1]) Они выше нами приводились.

[2]) Т.-е не принимать на службу не окончившихъ кл. училища.

знаніе въ иностранныхъ языкахъ, въ ариѳметикѣ и тому подобныхъ стихійныхъ наукахъ, т.-е. считаютъ его покончennымъ тамъ именно, гдѣ оно, дѣйствительно, только начинается.

Нужно разсмотрѣть причины сего страннаго расчета, чтобы обнаружить самый корень зла.

Всѣ успѣхи гражданской службы измѣряются у насъ чинами, ибо съ чинами сопрягаются не мнимыя только отличія, но и мѣста и всѣ выгоды. Чины же даются большею частію по лѣтамъ службы. Отсюда сіе всеобщее странное влеченіе къ чинамъ и отсюда раннее вступленіе въ службу...

Отсюда совершенная преграда ученію основательному и нѣкоторой въ умѣ зрѣлости.

Отсюда предпочтеніе пансіоновъ частныхъ и домашняго воспитанія, въ коихъ всѣ науки пробѣгаются слегка и поверхностно, и отчужденіе отъ училищъ государственныхъ, коихъ ходъ основанъ не на блескѣ, но на методахъ правильныхъ.

Посему если бы чиновъ гражданскихъ не было, а мѣста занимались бы по успѣхамъ просвѣщенія или, по крайней мѣрѣ, если бы чины раздаваемы были въ точной соразмѣрности съ науками, то каждый по необходимости принужденъ бы былъ учиться, чтобъ достигнуть или мѣстъ или отличій.

Итакъ, въ чинахъ и неудобномъ ихъ распредѣленіи состоитъ первое и главное начало настоящаго заблужденія.

Изъ предыдущаго явствуетъ, что въ лучшемъ распорядкѣ гражданскихъ чиновъ должно искать той моральной необходимости, коею правительство можетъ дѣйствовать на успѣхъ воспитанія.

Два средства здѣсь представиться могутъ, одно можно сказать коренное, а другое приготовительное.

Первое средство—это чины уничтожить и вернуться къ первоначальному ихъ положенію, т.-е. чтобы чинъ означалъ мѣсто, дѣйствительно занимаемое.

Второе средство—экзамены на чины [1]).

Считаясь съ трудностями, которыя должно было вызвать примѣненіе перваго средства, Сперанскій рекомендовалъ примѣнить пока второе. Александръ I послѣ нѣкотораго колебанія согласился на рекомендуемую его совѣтникомъ мѣру, и съ 6-го августа 1809 года порядочная служебная карьера безъ образованія или, по крайней мѣрѣ, безъ положеннаго экзамена стала очень затруднительной.

На экзаменѣ отъ лицъ, желающихъ вступить въ дальнѣйшее

---

[1]) Бумаги гр. Сперанскаго въ Арх. М. Н. Пр. № 24. Весь докладъ цѣликомъ напечатанъ въ „Русской Старинѣ“ 1907 г., декабрь.

производство по гражданской службѣ, указъ 6-го августа [1]) требуетъ знанія предметовъ общеобразовательныхъ.

Какъ громъ небесный обрушился этотъ указъ на мирно дремавшее дворянское чиновничество и возбудилъ цѣлую бурю негодованія. «Стонъ и плачъ,—пишетъ г. Дмитріевъ,—распространился по цѣлой имперіи, и провинціи, до тѣхъ поръ равнодушныя къ Петербургскимъ сплетнямъ, присоединились къ столицамъ въ общемъ хорѣ проклятій. Сарказмы посылались на дерзкаго поповича... Всѣхъ поражала явная несообразность — требовать отъ чиновниковъ не спеціальнаго образованія, необходимаго для службы, а общаго, которое, повидимому, вовсе для нея не нужно» [2])...

Даже Карамзинъ и тотъ, собравъ въ своей запискѣ «О древней и новой Россіи» всѣ неблагопріятные отзывы объ указѣ, оказался на сторонѣ недовольныхъ. Мы не будемъ разбирать всѣхъ этихъ нападокъ и слабыхъ сторонъ указа,—для насъ важно только дѣйствіе, которое онъ произвелъ. А дѣйствіе это было громадно. Хоть самъ М. М. Сперанскій въ 1811 году и назвалъ излишними затѣями всѣ свои предположенія и желаніе двинуть грубую толщу, но толща эта указомъ 6-го августа была сдвинута, пассивная забастовка общества по отношенію къ гимназіямъ кончилась, будущіе чиновники стали учиться.

«Ранній толчекъ не переставалъ постоянно оказывать свое дѣйствіе; пробужденное сперва силою отъ вялости и невѣжества общество пришло мало-по-малу къ сознанію своей умственной наготы; возбужденіе... дѣйствіемъ времени и даннымъ единожды движеніемъ вошло въ общую привычку, словомъ изъ средства искусственнаго обратилось въ естественный порядокъ вещей» [3]) и привело къ такимъ результатамъ, что въ слѣдующее царствованіе, когда просвѣщеніе стало считаться опаснымъ, пришлось наложить на стремленіе къ образованію искусственныя преграды. Это, полагаемъ, лучшій судъ и самая вѣрная оцѣнка мѣропріятія Сперанскаго. Взяточничество, развившееся на почвѣ этого указа, касается не мѣры, а только ея исполнителей.

Остановиться же на ней такъ подробно можно уже потому одному, что уже никогда больше не приходилось правительству побуждать общество къ образованію, но, наоборотъ, только его сдерживать [4]).

---

[1]) См. Сборн. Пост. т. I-й 163.

[2]) Р. Арх. 1868 г., стр. 1638.

[3]) Шмидъ. Исторія средн. учебн. заведеній въ Россіи, стр. 78.

[4]) Примѣненіе принудительныхъ мѣръ, въ цѣляхъ успѣха гимназическаго ученія, рекомендовалось и раньше, напр., въ 1803 г. въ имперскомъ

Изложеннымъ исчерпывается тотъ періодъ въ жизни нашихъ гимназій, когда онѣ служили чисто образовательнымъ цѣлямъ. Въ послѣдующее время эти цѣли сплошь и рядомъ осложняются политическими и сословными соображеніями. Что касается царствованія Александра I, то это случилось или, лучше, стало случаться послѣ 1812 года.

Вторая половина царствованія.

1812-й годъ оставилъ самый сильный слѣдъ какъ въ правящихъ классахъ, такъ и въ обывателяхъ.

Пожаръ Москвы и другія злоключенія способствовали возбужденію патріотическаго и религіознаго чувства. Блестящее же окончаніе первоначальныхъ неудачъ изгнаніемъ французовъ и парижскимъ походомъ еще болѣе разогрѣли въ темныхъ массахъ и патріотизмъ, и національное самомнѣніе.

Самого Александра I война 12-го года сдѣлала отчаяннымъ мистикомъ и привела во внутренней политикѣ къ библейскимъ обществамъ, а во внѣшней—вмѣстѣ съ Парижскимъ походомъ—къ Священному Союзу.

Переживъ всѣ волненія и ужасы 12-го года, опытно, такъ сказать, испытавъ опасность даже сосѣдства революціи и лично насмотрѣвшись на разгромъ Западной Европы, Александръ I изъ нетерпѣливаго реформатора превратился въ самаго яраго охранителя внѣшняго и внутренняго status quo. Сдѣлать это ему было тѣмъ легче, что и преобразовательные опыты первой половины царствованія недостаточно обдумывались и плохо соглашались одни съ другими, т.-е. были тоже плодомъ настроеній, но не глубокой и продуманной мысли.

12-й годъ всколыхнулъ новыя чувства, и на смѣну нетерпѣливымъ преобразовательнымъ порывамъ пришла осторожность, охранительныя тенденіи и подозрительность, тѣмъ болѣе, что для послѣдней могла найтись почва.

Дѣло въ томъ, что была часть русской публики, на которую Парижскій походъ произвелъ совсѣмъ обратное впечатлѣніе—онъ познакомилъ ее съ конституціонализмомъ Запада, съ его политической свободой и этимъ людямъ — я разумѣю часть интеллигенціи, офицерство—по возвращеніи въ Россію стало видно много такихъ недостатковъ, о которыхъ они раньше и не подозрѣвали. Началось

докладѣ директора Саратовскихъ училищъ Шестакова. Записку Шестакова мы предполагаемъ опубликовать въ нашей „Исторіи Гимназическаго Образованія“.

время тайныхъ организацій и кружковъ, завершившееся потомъ декабрьской катастрофой. Всѣ эти организаціи и кружки, конечно, были слишкомъ слабы для того, чтобы вынудить у правительства истинно либеральныя мѣры,—но слишкомъ достаточны для того, чтобы еще болѣе усилить подозрительность Александра I и привести его въ общей внутренней политикѣ къ Аракчееву, а въ учебномъ мірѣ къ Магницкому и Руничу.

Такъ измѣнилась историческая обстановка во вторую половину царствованія императора Александра I. Конечно, она не замедлила сказаться и на Министерствѣ Просвѣщенія. Исторія послѣдняго за данное время раздѣляетъ общую съ государствомъ судьбу и носитъ характеръ систематическихъ отступленій отъ тѣхъ благородныхъ чертъ, которыя возвышали уставъ 1804 года, несмотря на всѣ его методическіе и педагогическіе недостатки.

Первое такое отступленіе въ исторіи гимназій относится къ 1813 году. Было разъяснено, что дѣти не свободныхъ состояній могутъ поступать въ гимназію каждый разъ съ особаго разрѣшенія министра [1]). Эта, правда, слабая еще пока попытка подойти къ сословности гимназій, но она очень симптоматична.

Новое время выдвинуло и новыхъ людей. Среди нихъ самыми крупными фигурами являются новый министръ кн. А. Н. Голицинъ (съ 4 сент. 1816 г.), Магницкій и Руничъ, попечители Казанскаго и Петербургскаго округовъ, давшіе имя эпохѣ, хотя дѣятельность ихъ простиралась, главнымъ образомъ, на университетъ и мало задѣвала гимназію.

Свое личное настроеніе Императоръ Александръ I выразилъ открыто въ минифестѣ 1 января 1816 года, повторивъ тамъ идеи Свящ. Союза. А 24 октября 1817 года онъ учредилъ Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, «дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія» [2]).

Упоминавшіеся выше руководящіе дѣятели новаго министерства рѣшительно осуждали систему народнаго просвѣщенія, созданную реформаторами первой эпохи. «Въ либерализмѣ той эпохи и въ ея безусловномъ довѣріи къ просвѣтительнымъ идеямъ XVIII вѣка представители новаго направленія видѣли источникъ разнаго рода политическихъ потрясеній и религіозныхъ смутъ. На почвѣ народ-

---

[1]) Сборн. расп., т. I-й.

[2]) Какое вліяніе имѣло настроеніе Императора на учебныя дѣла видно, напр., изъ того, что Магницкій всѣ свои мѣропріятія по отношенію къ Казанскому университету объяснялъ желаніемъ устроить образованіе, согласно съ актомъ Свящ. Союза.

Арх. М. Н. Пр. д. № 20145 к. 298.

наго просвѣщенія должна была теперь открыться борьба противъ политическаго либерализма и религіознаго вольнодумства XVIII и первыхъ годовъ XIX вѣка. Школа должна была стать орудіемъ политики»[1]).

До чего доходило стремленіе разыскивать вездѣ вольнодумство, показываетъ, напр., отчетъ визитатора проф. Успенскаго о ревизіи Кіевской гимназіи въ 1819 году, гдѣ онъ, между прочимъ, обвиняетъ преподавателя словесныхъ наукъ Орловскаго въ вольнодумствѣ за то, что тотъ при изъясненіи правилъ о баснях представлялъ въ примѣръ притчи Евангелія [2]). Обвиненіе это повлекло за собой увольненіе Орловскаго.

Ясно, что при такомъ настроеніи министерства гимназіямъ 1804 года, гдѣ было столько страшныхъ предметовъ, трудно было сохранить свое прежнее положеніе. Къ новому настроенію былъ гораздо ближе учебный планъ С. С. Уварова [3]).

Отмѣчая несомнѣнную связь между реакціей, охватившей правительство, и учебной реформой 1819 года, мы не рѣшаемся, однако, утверждать, что къ этому измѣненію учебныхъ плановъ привели одни только мотивы политическіе: слишкомъ ужъ сильно давалъ себя знать основной недостатокъ гимназій 1804 года — многопредметность и энциклопедичность образованія и недостаточная ихъ согласованность съ университетомъ. Новый учебный планъ гимназій введенъ 27-го марта 1819 года.

Изъ послѣдующихъ измѣненій въ программахъ гимназій, уже безспорно характерныхъ для настроенія новаго учебнаго начальства, можно отмѣтить, напр., исключеніе естественнаго права изъ числа предметовъ, преподаваемыхъ въ С.-Петербургской гимназіи, потому,

---

[1]) С. В. Рождественскій. Истор. обзоръ дѣят. М. Н. Пр. СПБ. 1902 г. стр. 110.

[2]) Арх. М. Н. Пр. д. № 12477; к. 253.

[3]) Уварова, еще когда онъ былъ попечителемъ, не удовлетворяла гимназія 1804 г., и онъ еще въ 1811 году преобразовалъ въ видѣ опыта С.-Петербургскую гимназію. Его реформа состояла въ упрощеніи курса и опиралась на принципы, что если цѣль гимназій вообще есть приготовленіе учащихся къ слушанію академическихъ или университетскихъ курсовъ, то въ курсъ гимназій не должны входить такіе предметы, которые предоставляются однимъ университетамъ. Такими предметами онъ считалъ политическую экономію, коммерческія науки, финансы, эстетику и философскую грамматику, какъ требующихъ зрѣлаго и предуготовленнаго ума, и потому изъ учебнаго плана ихъ исключилъ. Видное положеніе въ его планъ заняли: Законъ Божій (14 ур.), Русскій яз. (40 ур.), Математика (42 ур.) и Латин. яз. (32 ур.). На Греч. яз. положено 8 ур. Докладъ Уварова былъ утвержденъ 7 ноября 1811 г. Арх. М. Н. Пр. д. № 563, к. 93.

что естественное право, какъ говорилось въ докладѣ Рунича, преподавалось проф. Плисовымъ на началахъ и умозрѣніяхъ, противорѣчащихъ истинамъ христіанства, «на коехъ всѣ безъ изъятія теоріи сей науки основаны», и потому еще, что, по мнѣнію главнаго правленія училищъ, и всякій другой преподаватель естественнаго права будетъ оное изъяснять столько же превратно и ложно, пока не будетъ издано отъ правительства особаго руководства» [1]).

Эта охрана и защита христіанскихъ истинъ и образованіе въ духѣ благочестія проводилось настолько старательно, что даже сдѣлано было распоряженіе по всѣмъ училищамъ, чтобы при раздачѣ наградныхъ книгъ ученикамъ выдавать большею частію книги св. Писанія или, по крайней мѣрѣ, духовнаго содержанія [2]). Даже прописи подверглись передѣлкѣ въ отношеніи какъ почерка, такъ и помѣщенныхъ въ нихъ примѣровъ. Для новаго изданія прописей извлечены статьи изъ книги «Подражанія Христу» и чтенія четырехъ Евангелистовъ; статей же нравственно-философскихъ комитетъ не принялъ, «желая и въ прописяхъ ознакомить учащихся съ единою на потребу истинною нравственностію христіанскою» [3]). — Все это—проявленія новой, по сравненію съ первой половиной царствованія Александра I-го, охранительной тенденціи, получившей свое гармоническое развитіе уже въ царствованіе Николая I-го.

Изъ идей, намѣчавшихся уже въ первую половину царствованія, сохранилась и даже получила болѣе яркое выраженіе идея государственнаго обученія.

Еще въ 1811 году было обращено особенное вниманіе на частныя заведенія. 25-го мая этого года А. К. Разумовскій въ своемъ докладѣ писалъ: «Въ отечествѣ нашемъ далеко простерло корни свои воспитаніе, иноземцами сообщаемое. Дворянство, подпора государства, возрастаетъ нерѣдко подъ надзоромъ людей, одною собственною корыстію занятыхъ, презирающихъ все не иностранное, не имѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности, ни познаній. Слѣдуя дворянству, и другія состоянія готовятъ медленную пагубу обществу воспитаніемъ дѣтей своихъ въ рукахъ иностранцевъ. Всѣ почти пансіоны въ имперіи содержатся иностранцами, которые весьма рѣдко бываютъ съ качествами для сего потребными. Не зная на-

---

[1]) 18 ф. 1822 г. Арх. М. Н. Пр. д. № 12831, к. 255.

[2]) Сборн. распор. т. 1-й.

[3]) Сухомлиновъ. Матеріалы. ч. 2. стр. 40. Вообще нужно замѣтить, что заботы Министерства въ этотъ періодъ о религіозномъ воспитаніи, окрашиваясь министромъ-мистикомъ въ нездоровый цвѣтъ и преломляясь въ такихъ исполнителяхъ, какъ Магницкій и Руничъ, воплощались часто въ чудовищныя формы, сильно отдававшія лицемѣріемъ и ханжествомъ.

шего языка и гнушаясь онымъ, не имѣя привязанности къ странѣ, для нихъ чуждой, они юнымъ россіянамъ внушаютъ презрѣніе къ языку нашему и охлаждаютъ сердца ихъ ко всему домашнему и въ нѣдрахъ Россіи изъ россіянина образуютъ иностранца».

Къ прекращенію такого положенія съ Высочайшаго утвержденія было предписано въ дозволеніяхъ на открытіе новаго пансіона основываться не только на степени учености содержателя, но еще болѣе на удостовѣреніи о доброй его нравственности, требовать отъ содержателя пансіона и учителей знанія русскаго языка и преподаванія на немъ всѣхъ предметовъ. Наконецъ, съ 1-го мая 1811 г. каждый содержатель частнаго пансіона обязывался вносить въ Министерство Просвѣщенія ежегодно по 5 процентовъ съ платы, получаемой на содержаніе пансіонеровъ [1]).

Въ 1812 году ограниченія коснулись и домашнихъ иностранныхъ учителей: 19 января было утверждено Государемъ мнѣніе министра о необходимости требовать отъ домашнихъ учителей письменныхъ свидѣтельствъ отъ русскихъ училищныхъ начальствъ объ ихъ способностяхъ и знаніяхъ.

Поводомъ къ установленію экзаменовъ для домашнихъ учителей послужило представленіе Харьковскаго университета, что во многихъ домахъ проживаютъ иностранцы, которые, по большей части, не бывъ нигдѣ испытаны въ знаніяхъ своихъ и не имѣя никакого узаконеннаго свидѣтельства о способностяхъ своихъ, берутъ на себя воспитаніе дѣтей, ни мало ни заботясь о томъ, могутъ-ли надлежащимъ образомъ удовлетворить принимаемой на себя обязанности или нѣтъ; побуждаемы же будучи однимъ корыстолюбіемъ, нерѣдко выдаютъ себя знающими такіе предметы, о которыхъ едва-ли имѣютъ какое понятіе [2]).

Выходя, такимъ образомъ, изъ указаній опыта и побужденій педагогическихъ, эта мѣра вмѣстѣ съ тѣмъ весьма способствовала и упроченію школъ государственныхъ, сильно уменьшая конкуренцію домашняго обученія сокращеніемъ количества правоспособныхъ учителей.

Чѣмъ ближе къ концу царствованія Александра I-го, тѣмъ надзоръ за частными пансіонами становился строже. Проникнутое охра-

---

[1]) Арх. М. Н. П. д. № 39118, к. 1024; тоже и сб. Пост. т. I. 217. Нужно замѣтить, что послѣдняя мѣра продержалась всего нѣсколько лѣтъ. Рескриптомъ на имя А. Н. Голицина отъ 5-го дек. 1816 г. 5%-й сборъ былъ отмѣненъ, ибо оказалось, что содержатели пансіоновъ обращаютъ сей налогъ на родителей. Всѣ же прочія ограниченія были оставлены въ силѣ Сб. Пост. т. I. 329.

[2]) Сборн. пост. т. I-й, 250.

нительными тенденціями правительство еще ближе стало присматриваться къ внутренней жизни пансіоновъ. Такъ, напр., для контроля надъ частнымъ издательствомъ учебниковъ въ 1817 г. была учреждена особая изъ членовъ Главнаго Правленія цензура [1]).

Если идея государственнаго обученія продолжала крѣпнуть и развиваться, потому что охранительныя тенденціи реакціи дѣлали ее еще болѣе необходимой, — то совсѣмъ въ другомъ положеніи оказалась мысль устава 1804 года о всеобщности и общедоступности средняго образованія.

Правительство, такъ ясно выразившее эту мысль сначала, начинаетъ впослѣдствіи мало-по-малу ее ограничивать. Выпустивъ, какъ мы это выше отмѣтили, въ 1813 году разъясненіе относительно пріема въ гимназіи дѣтей несвободныхъ состояній, — въ 1816 году оно лишило уже евреевъ права на полученіе университетскихъ степеней по части юриспруденціи [2]), а въ 1817 г. дало видныя преимущества воспитанникамъ Московскаго благороднаго пансіона. Надѣляя ихъ чинами отъ 14 до 10 класса сразу же по окончаніи и правомъ на высшіе чины безъ дальнѣйшихъ опредѣленныхъ для гражданскихъ чиновниковъ испытаній, правительство двигалось къ этому однимъ только мотивомъ, что въ указанномъ пансіонѣ учатся исключительно дворяне.

Въ докладѣ Московскаго попечителя [3]), возбудившаго вопросъ объ этихъ преимуществахъ, мы не могли замѣтить никакого другого повода или основанія. Всѣ другіе мотивы, напр., что благородный пансіонъ одно изъ полезнѣйшихъ отечественныхъ заведеній, что онъ пріобрѣлъ общую довѣренность и уваженіе соотечественниковъ (разумѣютъ дворяне же), что онъ ежегодно приготовляетъ много людей для гражданской и военной службы,—или подразумѣваютъ все тотъ же первый мотивъ, или звучатъ, какъ общія мѣста, одинаково приложимыя ко многимъ учебнымъ заведеніямъ.

Отказываясь отъ одной изъ своихъ свѣтлыхъ идей о всесословности или безсословности образованія, правительство двадцатыхъ годовъ довольно охотно и все чаще становится на общую точку зрѣнія дворянъ. Актъ 1817 года, надѣлившій незаслуженными преимуществами Московскій благородный пансіонъ и тѣмъ одобрившій

---

[1]) Арх. М. Н. Пр. д. № 39210, к. 1039. Отъ 1823 г. въ архивѣ Министерства сохранилось и дѣло изъ этой области по поводу изъятія Руничемъ нѣкоторыхъ учебниковъ изъ употребленія въ частныхъ пансіонахъ. Арх. М. Н. Пр. д. № 20375, к. 302.

[2]) Сборн. пост. т. I-й, 309.

[3]) Арх. М. Н. Пр. д. № 39211, к. 1039

стремленіе дворянъ имѣть свою обособленную отъ другихъ сословій дворянскую среднюю школу,—далеко не единственный.

Открытіе благородныхъ пансіоновъ въ это время начинаетъ уже одобряться и, во всякомъ случаѣ, не встрѣчаетъ никакихъ препятствій или затрудненій,—а всякій благородный пансіонъ, открываемый на ряду съ существующей уже гимназіей, и являлся какъ разъ выраженіемъ желанія дворянства имѣть свою школу. Въ Положеніи Пензенскаго дворянскаго пансіона (1822 г.), напр., такъ прямо и сказано, что цѣль сего заведенія—а) доставленіе новаго способа пензенскому дворянству для приличнаго званію сему воспитанія и б) приготовленіе онаго къ продолженію наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и ко вступленію въ службу государственную (§ 2),—т.-е. какъ разъ цѣль гимназій, но только гимназій для однихъ дворянъ (§ 6) [1]).

Если къ этому прибавить еще указанія на новыя нотки, прозвучавшія по Министерству Просвѣщенія въ 1820 году,—то физіономія школьнаго законодательства во вторую половину царствованія Александра I-го будетъ полной. Разумѣемъ вышедшій въ этомъ году уставъ Дерптскаго университета.

34/247

Въ этомъ уставѣ сословныя тенденціи, проявлявшіяся ранѣе только въ опредѣленныхъ случаяхъ, какъ бы въ видѣ исключенія, положены уже прямо въ основу. Второй общій параграфъ устава прямо безъ всякихъ прикрытій заявляетъ, что «кругъ дѣйствія и цѣль училищъ всякаго рода сами собою опредѣляются различными классами, на которые человѣческое общество раздѣляется. Классы сіи въ отношеніи къ публичному ученію могутъ быть слѣдующіе: первый тотъ, принадлежащіе къ коему снискиваютъ себѣ ежедневное пропитаніе тяжелою тѣлесною работою; второй тотъ, состоящіе въ которомъ назначаются къ ремесламъ или промышленности; третій классъ тотъ, котораго члены посвящаютъ себя наукамъ для службы государственной или общественной».

Соотвѣтственно съ сословностью гимназій, цѣлью ихъ на ряду съ приготовленіемъ къ университету ставится не общее образованіе или необразованіе вообще, какъ таковое, а приготовленіе служилаго сословія (§ 7).

Заканчивая обзоръ законодательства Александра I-го по учебнымъ дѣламъ, приходится констатировать, что принципамъ, возвѣщеннымъ въ началѣ царствованія, не суждено было удержать позиціи. Вторая половина этого періода представляетъ изъ себя сплошной рядъ отступленій отъ принциповъ первой, вызванныхъ обстоя-

---

[1]) Положеніе для Пензен. бл. пансіона. Москва, 1822 г.

тельствами, сознаніемъ ихъ ошибочности или, что всего чаще, измѣнившимся настроеніемъ самого правительства.

Такимъ образомъ, стройность системы 1804 года была нарушена часто совершенно не гармонировавшими съ ней поправками и заплатами, но нарушена не настолько, чтобы совсѣмъ вытравить ея духъ. Въ результатѣ явилась путаница, недоговоренность, неясность,— устранить которую могла только новая коренная учебная реформа.

Сознаніемъ необходимости такой реформы и начинается новый періодъ въ исторіи гимназій, открываемый сначала Шишковымъ, а потомъ Николаемъ I-мъ съ типичнымъ его представителемъ, министромъ Уваровымъ.

Конецъ царствованія Александра I. Министерство А. С. Шишкова.

Твердое намѣреніе произвести коренную реформу школьнаго образованія обнаруживаетъ слѣдующій за А. Н. Голицинымъ министръ А. С. Шишковъ.

Будучи назначенъ (15 мая 1824 г.) безъ своего вѣдома, «стоя, какъ онъ самъ высказался Государю, одной ногой въ гробу и чувствуя себя неспособнымъ нести возложенное на него бремя» [1]), семидесятилѣтній Шишковъ взялся, однако, не медля за учебную реформу.

Православный старовѣръ и національстъ-патріотъ стараго закала, онъ не могъ раздѣлять либеральныхъ начинаній прошлаго устава, равно какъ не могъ сочувствовать и своему предшественнику, А. Н. Голицину.

Въ своемъ первомъ предложеніи Главному Правленію училищъ онъ говоритъ: «Вступивъ въ управленіе Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, усмотрѣлъ я изъ хода дѣлъ, что Министерство сіе отъ самаго начала своего не имѣло постояннаго плана, которымъ бы всегда руководствуясь, могло оно въ продолженіе времени всѣ части онаго привесть въ желаемое устройство... Неопредѣленность въ правилахъ народнаго воспитанія должна была произвесть разстройство управленія по частнымъ и различнымъ мнѣніямъ. Многіе въ разныхъ училищахъ возникавшіе отъ сего безпорядки и продерзости, строгостію и наказаніемъ обузданныя, показывали отъ сихъ худыхъ началъ таковые же и плоды. Пріемля все сіе въ разсужденіе, почитаю я необходимо нужнымъ принять надлежащія мѣры —первое, къ приведенію въ извѣстность всѣхъ дѣйствій и распоря-

---

[1]) Воспоминанія Папаева. „Вѣстникъ Европы“ 1867 г. IV, 92.

женій, по части народнаго воспитанія, донынѣ производимыхъ, и второе, извлечь изъ того постоянныя правила, какія изъ худыхъ или ненужныхъ наставленій, вкравшихся въ преподаваніе наукъ, оставить, искоренить и обратить къ началамъ, основаннымъ на чистотѣ вѣры, на вѣрности и долгѣ Государю и Отечеству, на спокойствіи, пользѣ и пріятности общежитія».

Вслѣдствіе сего, былъ образованъ изъ членовъ Правленія, Муравьева-Апостола, Магницкаго и Казадаева особый Комитетъ для составленія подробнаго обозрѣнія нынѣшняго управленія всѣхъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ обязанность его входило представить обо всемъ этомъ Главному Правленію подробный отчетъ и составить, на основаніи полученныхъ свѣдѣній, проектъ общаго устава для университетовъ и училищъ. Ему же предоставлены были разсмотрѣніе, выборъ и способы изданія учебныхъ книгъ.

Основныя начала новаго плана народнаго образованія были опредѣлены Шишковымъ слѣдующимъ образомъ:

1) «*Воспитаніе народное* по всей Имперіи нашей, *несмотря на разность* вѣръ, ниже *языковъ, должно быть русское.*

2) Греко-католикъ, римско-католикъ и лютеранинъ должны быть воспитаны, первый въ твердомъ и незыблемомъ православіи, а второй и третій во всей точности положительнаго исповѣданія своей вѣры.

3) Все иновѣрное россійское юношество должно учиться нашему языку и знать его. Оно должно преимущественно изучать нашу исторію и законы.

4) Всѣ науки должны быть очищены отъ всякихъ не принадлежащихъ къ нимъ вредныхъ умствованій.

5) Излишнее множество и великое разнообразіе учебныхъ предметовъ должно быть благоразумно ограничено и сосредоточено, во-первыхъ, въ тѣхъ познаніяхъ, коп самымъ учрежденіемъ разныхъ учебныхъ заведеній поставлены, и во-вторыхъ, *сообразно съ званіемъ, къ которымъ учащіеся предназначаются.*

6) Языкъ славянскій, т.-е. высокій, и классическая россійская словесность повсемѣстно должны быть вводимы и ободряемы.

7) Языкъ греческій долженъ вездѣ, кромѣ училищъ иновѣрныхъ, имѣть преимущество предъ латинскимъ.

8) Не должно терять изъ вида особенно того, что одно обученіе не есть воспитаніе и даже вредно безъ воздѣланія нравственности, которой христіанину внѣ церкви, нигдѣ найти не можно; что Государь и польза отечества требуютъ отъ воспитанія юношества вѣрныхъ сыновъ церкви и вѣрныхъ подданныхъ, людей преданныхъ

Богу и Царю, и что въ семъ только смыслѣ человѣкъ просвѣщенный долженъ быть почтенъ благовоспитаннымъ» [1]).

Еще опредѣленнѣе эти принципы заявлены Шишковымъ въ его рѣчи 11 сентября 1824 года въ Главномъ Правленіи. Высказавъ сожалѣніе, что болѣзни и старость мѣшаютъ ему дѣйствовать съ тою подвижностью и быстротою, съ какой онъ бы желалъ, министръ сказалъ: «Науки не составятъ безъ вѣры и безъ нравственности благоденствія народнаго. Онѣ столько полезны въ благонравномъ человѣкѣ, столько же вредны въ злонравномъ. Сверхъ сего *науки полезны только тогда, когда*, какъ соль, *употребляются и преподаются въ мѣру, смотря по состоянію людей и по надобности, какую всякое званіе въ нихъ имѣетъ*. Излишество ихъ, равно какъ и недостатокъ, противны истинному просвѣщенію. *Обучать грамотѣ весь народъ, или несоразмѣрное числу онаго количество людей, принесло бы болѣе вреда, нежели пользы*. Наставлять земледѣльческаго сына въ риторикѣ было бы пріуготовлять его быть худымъ и безполезнымъ, или еще вреднымъ гражданиномъ. Но правила и наставленія въ христіанскихъ добродѣтеляхъ, въ доброй нравственности нужны всякому» [2])...

Принципіальная противоположность взглядовъ новаго Министерства съ дѣйствовавшимъ уставомъ настолько очевидна изъ приведенныхъ рѣчей, что врядъ ли къ нимъ нуженъ особенно подробный комментарій.

Заявивъ такъ открыто и рѣшительно о своихъ взглядахъ, А. С. Шишковъ не замедлилъ приступить и къ практическому ихъ осуществленію.

Въ первый же годъ, воспользовавшись безпорядками, случившимися въ Виленскомъ университетѣ, какъ поводомъ, онъ съ Высочайшаго утвержденія приказалъ: а) право естественное и науки политическія исключить изъ числа предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназіяхъ, а вмѣсто того умножить число уроковъ для преподаванія языковъ латинскаго, греческаго и россійскаго; б) число уроковъ, назначенныхъ для преподаванія риторики и поэзіи, уменьшить; в) выборъ для задаванія ученикамъ предметовъ или темъ для сочиненій не предоставлять выбору учителей, но назначать ихъ самому университетскому Правленію.

По части надзора, вмѣсто двухъ педелей въ гимназіи, были по-

---

[1]) Сборн. расп. т. I. и Арх. Мин. Нар. Пр. д. № 13120; к. 257.

[2]) Арх. Мин. Нар. Пр. д. № 19690; к. 291. Прекраснымъ показателемъ настроенія Шишкова служатъ также его записки, опубликованныя въ 1863 году г. О. Бодянскимъ.

ложены четыре и приказано списки учащихся въ гимназіяхъ и университетахъ отсылать въ городскую полицію [1]).

Въ Бѣлорусскихъ училищахъ найденъ былъ духъ «полонизма» и потому въ Комитетѣ Министровъ 18 октября приняты были, между прочимъ, слѣдующія мѣры, предложенныя генералъ-губернаторомъ Хованскимъ: Бѣлорусскія гимназіи выдѣлены изъ Виленскаго округа съ тѣмъ, чтобы подчинить Московскому или Петербургскому университету.

Введено преподаваніе всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ.

Какъ непремѣнное условіе для поступленія на гражданскую службу, кромѣ свидѣтельства объ окончаніи гимназіи, стало требоваться еще свидѣтельство о хорошихъ успѣхахъ въ русской словесности.

Учителями и особенно директорами гимназій съ этого времени стали назначаться только коренные русскіе [2]). Однимъ словомъ, идея обрусенія на окраинахъ была поставлена на первое мѣсто и сдѣлана цѣлью обученія.

«Система философскихъ наукъ, имѣющая руководствомъ мерцающій свѣтильникъ естественнаго разума, и отъ того всегда ненадежная и шаткая, какъ сказано во всеподданнѣйшей докладной запискѣ Шишкова [3]), стала разсматриваться нынѣ при свѣтѣ откровенія».

Однако, несмотря на эти важныя, имѣющія принципіальный характеръ, распоряженія и нововведенія, несмотря на подготовлявшуюся учебную реформу на новыхъ началахъ, Шишковъ не былъ удовлетворенъ, потому что и дѣятели прошлаго Министерства продолжали награждаться и самому ему не удалось подвинуть Александра I на прямое и формальное отреченіе отъ прошлыхъ началъ Министерства Народнаго Просвѣщенія [4]).

Царствованіе Николая Павловича.

Но вотъ, 20 ноября 1825 года Александра I не стало и его мѣсто занялъ Монархъ, съ Шишковымъ во многомъ, если не во всемъ, единомышленный.

Воцареніе Николая I не внесло чего-нибудь существенно новаго,

---

[1]) Сборн. постан., т. I. 599.

[2]) Сборн. пост., т. I. 601.

[3]) О главнѣйшихъ распоряженіяхъ М. Н. Пр. съ іюня 1824 г. по январь 1826 г.

Арх. М. Н. Пр. д. № 127. 280; к. 10.

[4]) См. Записки адмирала А. С. Шишкова, стр. 95 и 107.

по сравненію съ послѣдними годами царствованія Александра, оно явилось логическимъ ихъ продолженіемъ. Все отличіе его заключалось въ томъ, что у новаго Императора не было въ прошломъ либеральныхъ реформаторскихъ попытокъ и грандіозныхъ преобразовательныхъ плановъ, охранительная политика послѣднихъ дней Александра исчерпывала все его міровоззрѣніе, и потому характеръ новаго царствованія былъ опредѣленнымъ, договореннымъ и элементарнымъ, какъ самъ Императоръ Николай I.

Родившись за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти бабушки, Николай Павловичъ получилъ павловское воспитаніе, готовился только къ военной карьерѣ и потому вступилъ на престолъ, по замѣчанію В. О. Ключевскаго, съ очень скромнымъ запасомъ политическихъ идей. «Александръ,—говоритъ Ключевскій,—смотрѣлъ на Россію сверху, со своей философской, политической высоты, а какъ мы знаемъ на извѣстной высотѣ очертанія или неправильности жизни исчезаютъ; Николай имѣлъ возможность смотрѣть на существующее снизу оттуда, откуда смотрятъ на сложный механизмъ рабочіе, не руководствуясь идеями, не строя плановъ. Николай поставилъ себѣ задачей ничего не перемѣнять, не вводить ничего новаго въ основаніяхъ, а только поддерживать существующій порядокъ, восполнить пробѣлы, чинить обнаружившіяся ветхости, помощью практическаго законодательства, и все это дѣлать безъ всякаго участія общества, даже съ подавленіемъ общественной самодѣятельности, одними правительственными средствами; но онъ не снялъ съ очереди тѣхъ жгучихъ вопросовъ, которые поставлены были въ прежнее царствованіе и, кажется, понималъ ихъ жгучесть еще сильнѣе, чѣмъ его предшественникъ» [1]).

Провалъ реформаторскихъ попытокъ Александра показалъ, что самыя лучшія начинанія не могутъ устоять—разъ цѣлая половина населенія Имперіи зависитъ не отъ закона, а отъ произвола владѣльца,—разъ частныя гражданскія отношенія не согласованы съ основаніями новыхъ государственныхъ учрежденій. Императоръ Николай и захотѣлъ устроить частныя общественныя отношенія, чтобы на нихъ можно было потомъ выстроить новый государственный порядокъ, но путемъ чисто бюрократическимъ, путемъ необычайнаго усложненія чиновничьяго механизма и героической попытки остановить многомилліонную Имперію въ ея прежнихъ историческихъ рамкахъ, безъ всякаго движенія.

Встрѣтившись при самомъ вступленіи на престолъ съ проявленіемъ новой свободной мысли и опредѣливъ ее, какъ «заразу,

---

[1]) Ключевскій. Лекціи.

извнѣ къ намъ занесенную», [1]) новое правительство тѣмъ самымъ должно было притти къ мысли о необходимости преобразованія школьнаго дѣла на началахъ народности.

Заявивши же о событіи 14 Декабря, что «не просвѣщенію, но праздности ума, болѣе вредной нежели праздность тѣлесныхъ силъ,—недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, сію пагубную роскошь полупознаній, сей порывъ въ мечтательной крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ—погибель»,—[2]) т.-е., открыто объяснивши 14 Декабря послѣдствіемъ ложнаго направленія учебной системы—правительство, естественно, должно было приступить къ такому ея преобразованію, чтобы она оказалась политически благонадежной. Оно, дѣйствительно, и приступило къ ней въ самомъ же началѣ царствованія, образовавши Высочайшимъ рескриптомъ 14 Мая 1826 г. Комитетъ устройства учебныхъ заведеній, вмѣсто безплоднаго Шишковскаго, который подъ вліяніемъ Магницкаго свелся къ простой критикѣ и ревизіи С.-Петербургскаго округа [3]).

«Новый Комитетъ, какъ всѣ Николаевскіе, былъ составленъ изъ лицъ, пользующихся личнымъ его довѣріемъ и по большей части не принадлежащихъ къ непосредственно заинтересованному реформой вѣдомству» [4]).

Сословныя начала, которыя должны были лечь въ основу новаго устава, выражены особенно ярко въ рескриптѣ на имя А. С. Шишкова отъ 19 Августа 1827 года.

Въ послѣднемъ Николай Павловичъ, послѣ общаго положенія, чтобы правила народнаго воспитанія вполнѣ соотвѣтствовали истиннымъ потребностямъ и положенію Государства, заявилъ, что «для сего *необходимо, чтобы повсюду предметы ученія и самые способы преподаванія были, по возможности, соображаемы съ будущимъ вѣроятнымъ предназначеніемъ обучающихся*, чтобы каждый, вмѣстѣ здравыми для всѣхъ общими понятіями о вѣрѣ, законахъ и нравственности, пріобрѣталъ познанія, наиболѣе для него нужныя, могущія служить къ улучшенію его участи, и не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился чрезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ по обыкновенному теченію, ему суждено оставаться».

«До свѣдѣнія моего дошло,—говорилъ онъ,—между прочимъ, что часто крѣпостные люди, изъ дворовыхъ и поселянъ, обучаются въ

---

[1]) Слова манифеста 19 Дек. 1825 г.
[2]) Манифестъ 13 Іюля 1826 г.
[3]) Арх. М. Н. Пр. д. № 13120, к. 257.
[4]) Рождественскій, 179.

гимназіяхъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Отъ сего происходитъ вредъ двоякій: съ одной стороны, сіи молодые люди, получивъ первоначальное воспитаніе у помѣщиковъ или родителей нерадивыхъ, по большей части входятъ въ училища уже съ дурными навыками и заражаютъ ими товарищей своихъ въ классахъ, или чрезъ то препятствуютъ попечительнымъ отцамъ семействъ отдавать своихъ дѣтей въ сіи заведенія; съ другой же, отличнѣйшіе изъ нихъ по прилежности и успѣхамъ пріучаются къ роду жизни, къ образу мысли и понятіямъ, не соотвѣтствующимъ ихъ состоянію. Неизбѣжныя тягости онаго для нихъ становятся несносны, и оттого они нерѣдко въ унынiи предаются пагубнымъ мечтаніямъ или низкимъ страстямъ». Дабы предупредить такія послѣдствія, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ, Николай I-й нашелъ необходимымъ приказать, чтобы въ университеты, гимназіи и другія, равныя имъ по предметамъ преподаванія, заведенія принимали только людей свободныхъ состояній.

Останавливаясь на принципіальныхъ указаніяхъ новаго Императора, нельзя не видѣть, какая бездна его отдѣляетъ отъ духа перваго устава и его авторовъ.

Общее образованіе, воспитаніе «человѣка», согласно этимъ указаніямъ не можетъ служить цѣлію стремленій Комитета, оно должно быть замѣнено соображеніями профессіонально-сословными. Для новаго царя въ его царствѣ были только люди опредѣленныхъ положеній и состояній, сообразно которымъ и должно даваться имъ обученіе. Не стремленіе видѣть образованныхъ людей на всѣхъ ступеняхъ общественнаго положенія своей Имперіи руководитъ Николаемъ въ его учебной реформѣ, а *стремленіе дать каждому сословію соотвѣтствующее міровоззрѣніе, обезпечить ему опредѣленный тѣсный кругъ понятій*,—какъ будто подданные его были не люди, а какія то существа разнаго рода и порядка.

Въ этомъ отношеніи онъ сошелся со своимъ министромъ, который говорилъ: «*противно истинному просвѣщенію обучать грамотѣ весь народъ, или несоразмѣрное числу онаго количества людей*».

Всякому безпристрастному взору, мы думаемъ, ясно, что за вышеприведенными фразами не могло скрываться искреннее стремленіе къ просвѣщенію. Просвѣщеніе, школа сдѣланы были средствомъ для укрѣпленія извѣстнаго политическаго status quo.

Въ рескриптѣ Николая I отъ 19 Августа вѣрна одна мысль, что, дѣйствительно, невыносимо положеніе крѣпостного раба, всецѣло зависящаго отъ каприза своего барина-самодура, если у него проснулось и развилось человѣческое самосознаніе. Эта мысль тѣмъ болѣе характерна, что Императоръ Николай, высказавши ее въ

третій годъ по воцареніи, все царствованіе старался не объ освобожденіи своихъ рабовъ, а о томъ, чтобы у нихъ какъ-нибудь это самосознаніе не проснулось, т.-е. опять о сохраненіи прежняго рабскаго status quo. Съ такимъ напутствіемъ Комитетъ устройства учебныхъ заведеній приступилъ къ работѣ, и въ результатѣ, послѣ нѣсколькихъ обсужденій его начинаній въ особой комиссіи и въ Государственномъ Совѣтѣ, появился уставъ гимназій 1828 года. Это было уже въ министерство князя Ливена.

Сравнивая этотъ уставъ съ его предшественникомъ, мы прежде всего встрѣчаемъ сословность и профессіональную цѣль гимназій въ общемъ смыслѣ.

«Общая цѣль учебныхъ заведеній, состоящихъ въ вѣдомствѣ университетовъ, заключается въ томъ, чтобы при нравственномъ образованіи доставлять юношеству средства къ пріобрѣтенію нужнѣйшихъ по состоянію каждаго познаній»—читаемъ мы въ первомъ же параграфѣ новаго устава..

Соотвѣтственно съ этимъ, цѣлью гимназіи, на ряду съ приготовленіемъ къ университету поставлено не вообще «пріобрѣтеніе свѣдѣній, необходимыхъ для благовоспитаннаго человѣка», какъ это стояло въ уставѣ 1804 года, а приличное по званію учащихся воспитаніе (§ 134), т.-е., приличное воспитаніе для дѣтей дворянъ (§ 137).

Если въ сепаративныхъ актахъ по образованію во второй половинѣ царствованія Александра сословность и встрѣчается,—то какъ общее правило, какъ видная черта устава—она, во всякомъ случаѣ новость.

Насколько опредѣленно ставился въ Комитетѣ устройства учебныхъ заведеній вопросъ о сословности, можетъ показать слѣдующій отрывокъ изъ одной произнесенной тамъ рѣчи: «Дѣти, принадлежащія разнымъ сословіямъ, не могутъ быть воспитываемы вмѣстѣ. Въ разсужденіи нравственныхъ свойствъ, смѣсь сія не можетъ быть допущена. Что касается до познаній, то и тутъ различія необходимы. Воспитаніе человѣка не оканчивается въ учебныхъ заведеніяхъ: государственныя установленія довершаютъ начатое образованіе». Вообще, въ Комитетѣ высказывались о сословности очень ярко, и если въ уставѣ гимназія осталась все-таки только преимущественно дворянской, а не исключительно, такъ это въ значительной степени потому, что двѣ пятыхъ тогдашнихъ учениковъ гимназій были не дворяне. Доставленная по иниціативѣ графа Сиверса таблица о сословности учащихся содержала слѣдующія свѣдѣнія: (см. таблицу на стр. 37).

ОКРУГИ.	Дворянъ.	Гражданскихъ чиновниковъ.	Купцовъ.	Мѣщанъ.	Придворныхъ служителей.	Духовныхъ лицъ.	Цеховыхъ.	Солдатскихъ дѣтей.	Крестьянъ.	Свободнаго состоянія.	Всего.
С.-Петербургскій . .	364	—	58	46	35	28	21	24	21	56	635
Московскій	279	319	46	72	—	19	47	—	—	69	851
Харьковскій. . . .	687	402	116	67	—	12	—	18	5	80	1381
Казанскій.	154	267	50	38	—	5	2	89	25	17	647
Дерптскій.	172	118	155	28	—	74	66	—	8	150	771
Виленскій.	1952	1	—	121	—	65	—	—	65	20	2224
Итого. . .	3608	1107	425	372	35	203	136	131	124	392	6533

На 3.608 дворянъ падаетъ 2.925 прочихъ сословій, если же исключить отсюда Виленскій и Дерптскій округъ, то взаимоотношеніе цифръ будетъ такое: 2.489 человѣкъ дворянъ и 2.054 другихъ сословій.

Анализируя уставъ въ этомъ отношеніи, дальше мы встрѣчаемъ введенную въ интересахъ дворянства еще одну важную новость—устройство при гимназіяхъ пансіоновъ (гл. V). Возникшіе на широкихъ основаніяхъ, они должны были служить сближенію гимназій съ привилегированною частію нашего общества, для чего также была учреждена и должность почетнаго попечителя гимназіи.

Учрежденіе пансіоновъ, впрочемъ, можетъ быть истолковываемо, вообще, какъ полезная мѣра для того времени. Въ пользу ея энергично высказывался даже А. С. Пушкинъ [1]).

Идея государственнаго обученія, или точнѣе, тенденція къ монополіи государства въ этомъ отношеніи выражалась такъ же ярко, какъ и во вторую половину царствованія Александра.

Ставя частныя заведенія подъ ближайшій надзоръ губернскихъ директоровъ (§§ 309, 312) и допуская ихъ существованіе только «для содѣйствія видамъ правительства» (§ 307), Министерство Просвѣщенія могло руководиться въ данномъ случаѣ не только охранительной тенденціей, наличность которой мы не оспариваемъ, но и уровнемъ заведеній частныхъ.

Подтвержденіемъ послѣдней мысли можетъ служить, напримѣръ, вырвавшаяся у Пушкина фраза: «Нечего колебаться, во что бы то ни стало, подавить воспитаніе частное» [2]).

---

[1]) Записка о народномъ воспитаніи, XIX вѣкъ, 1872 г.

[2]) Его записка. XIX вѣкъ 1872 г. 209—215 стр.

Заканчивая изложеніе новаго гимназическаго устава, нельзя не отмѣтить, что въ концѣ концовъ онъ оказался гораздо лучше, чѣмъ можно было ожидать по первымъ принципіальнымъ указаніямъ со стороны Шишкова и Императора Николая I-го.

Не говоря о громадномъ, сравнительно съ прошлымъ, матеріальномъ улучшеніи, объ упорядоченіи и сокращеніи учебнаго курса и другихъ продиктованныхъ прошлымъ улучшеніяхъ, Комитету удалось даже до нѣкоторой степени парализовать рѣзко выраженную вначалѣ идею сословности.

Лучшій надзоръ за учащимися, связанный съ открытіемъ пансіоновъ, и—являющееся результатомъ пансіоновъ же—выдѣленіе дѣтей дворянъ—какъ идущее навстрѣчу могущественному, многочисленному и нуждающемуся въ образованіи классу—исторически были также плюсомъ.

Принимая все это во вниманіе, въ заключеніе нужно сказать, что уставъ 1828 года самъ по себѣ, несмотря на свою ярко сословную окраску, создавалъ гимназіямъ, сравнительно съ прошлымъ, значительно лучшую обстановку для дальнѣйшаго процвѣтанія и развитія.

Въ разсматриваемый нами періодъ смѣнились три министра (А. С. Шишковъ, кн. К. Ливенъ и С. С. Уваровъ), но духъ Министерства, несмотря на это, все время былъ одинъ—николаевскій.

Если онъ подъ вліяніемъ столкновенія съ множествомъ лицъ (въ Комитетѣ и Государственномъ Совѣтѣ), между которыми было еще много просвѣщенныхъ дѣятелей прошлаго царствованія и профессоровъ, значительно смягчился въ уставѣ, то здѣсь, гдѣ все зависѣло отъ министровъ—николаевскихъ ставленниковъ, онъ проявился во всей своей силѣ.

Во главѣ періода стоитъ извѣстная уже намъ фигура А. С. Шишкова, но онъ оставилъ Министерство, не успѣвъ даже провести до конца проектъ устава гимназій законодательнымъ путемъ. За нимъ слѣдовали 5 лѣтъ кн. Ливена и многолѣтнее владычество Уварова (1833—50 гг.).

На Уварова падаетъ большая часть лѣтъ, да и самъ онъ наиболѣе типиченъ для даннаго періода. Хорошо образованный, крѣпкій умомъ и твердый характеромъ, онъ много лѣтъ умѣлъ поддерживать свое вліяніе въ сферахъ и направлять учебное дѣло, согласно своимъ взглядамъ.

Взгляды Уварова опредѣленны, о нихъ, равно какъ и о цѣляхъ своей министерской дѣятельности, онъ заявлялъ совершенно открыто много разъ.

Вотъ, какъ, напримѣръ, онъ опредѣлялъ главную, по его мнѣ-

нію, задачу дѣятельности Министерства Просвѣщенія въ своемъ отчетѣ за десятилѣтіе 1833—43 гг. Надо было «преобразовать и согласить между собою всѣ дотолѣ учрежденныя учебныя заведенія и привести ихъ, такъ сказать, къ одному началу, поставляя это въ образованіи учебной системы, которая, съ одной стороны, возрастала бы изъ самыхъ основаній нашего быта, а съ другой, шла бы рядомъ съ современнымъ неизбѣжнымъ развитіемъ наукъ и просвѣщенія въ Европѣ; вмѣстѣ съ этимъ, расположить всѣ части публичнаго воспитанія такъ, чтобы оно привлекло къ себѣ не только юношество средняго сословія въ государствѣ, но и юношество высшаго, образованіе коего совершалось до тѣхъ поръ наудачу, посредствомъ иностранныхъ воспитателей и въ тѣсномъ кругу домашнихъ предразсудковъ» [1]).

Что онъ разумѣетъ подъ «самыми основаніями нашего быта» было опредѣленно заявлено имъ вскорѣ же по вступленіи въ министры. Въ циркулярномъ предложеніи къ одному изъ попечителей онъ писалъ: «*Общая наша обязанность состоитъ въ томъ, чтобы народное образованіе,* согласно Высочайшимъ намѣреніямъ Августѣйшаго Монарха [2]), *совершалось въ соединенномъ духѣ православія, самодержавія и народности*» [3]). Вотъ они «основанія нашего быта», надолго объявленныя потомъ китами нашей исторіи.

Что разумѣлъ Уваровъ подъ особымъ «распоряженіемъ публичнаго воспитанія», тоже будетъ совершенно ясно, если сопоставить вышеприведенную выдержку изъ «Десятилѣтія» съ заявленіемъ его еще въ 1832 году въ отчетѣ о ревизіи московскаго университета и гимназіи. А тамъ онъ писалъ, что «*рѣзкая граница, отдѣляющая въ гражданскомъ быту сословія между собою, требуетъ, чтобы и воспитаніе по сему мѣрилу распредѣлено было*» [4]).

Сопоставляя все сказанное вмѣстѣ, не трудно вывести, что тѣ цѣли, къ которымъ стремился Уваровъ въ своей дѣятельности по Министерству, были — *сословное разграниченіе образованія, насажденіе классицизма и охранительныя начала.*

Такъ какъ специфически уваровская цѣль — только насажденіе классицизма, а къ двумъ остальнымъ одинаково въ общемъ стремились и предшествующіе министры, то мы и позволимъ себѣ дать здѣсь обзоръ мѣропріятій Министерства, съ точки зрѣнія выше-

---

[1]) Десятилѣтіе М. Нар. Пр. (1833—43 гг.).

[2]) Эти же начала были представлены Императору во всеподданнѣйшей запискѣ и имъ одобрены.

[3]) Сборникъ распоряженій (33) т. 2-й, 423.

[4]) Сборникъ постановленій, т. 2-й, 209.

приведенныхъ началъ за время правленія всѣхъ трехъ министровъ вмѣстѣ.

Сословная дифференціація, указанія на которую мы наблюдали у Шишкова и Императора Николая, практическимъ же проводникомъ которой являлся Уваровъ, достигалась двоякимъ путемъ— отрицательнымъ, т.-е. чрезъ всякія ограниченія и запрещенія, и положительнымъ.

Послѣдній путь былъ сложнѣе перваго и достигался двумя средствами. Первое состояло въ простомъ созданіи спеціально-дворянскихъ заведеній, въ доставленіи имъ (дворянамъ) особыхъ удобствъ. Въ основѣ же второго лежало болѣе глубокое и очень характерное для николаевской эпохи стремленіе создать такую школьную сѣть, отдѣльныя части которой соотвѣтствовали бы всѣмъ имѣющимся въ государствѣ сословіямъ. По отношенію къ гимназіямъ этотъ мотивъ можетъ быть формулированъ, какъ желаніе, путемъ созданія школъ, дающихъ непосредственно нужныя для производительнаго класса свѣдѣнія, отвлечь дѣтей этого класса отъ гимназій и университетовъ и тѣмъ удержать ихъ въ прежнемъ состояніи.

Исторія мѣропріятій перваго вида очень не сложна. Еще въ 1826 году Комитетомъ устройства учебныхъ заведеній было рѣшено: учредить при гимназіяхъ пансіоны для дѣтей дворянъ и чиновниковъ съ тѣмъ, чтобы пансіонеры только жили тамъ, но чтобы слушали лекціи въ гимназіи. Это постановленіе Комитета было одобрено Государемъ [1]) и, какъ мы видѣли, вошло въ (новый) уставъ гимназій 1828 года.

Согласно уставу и разъясненію кн. Ливена отъ 1831 года, въ эти пансіоны при гимназіяхъ могутъ быть принимаемы одни только дѣти дворянъ и чиновниковъ, да еще купцовъ 1-й гильдіи [2]).

Однако, разсматриваемый нами пунктъ устава очень недолго дѣйствовалъ во всей своей широтѣ: уже въ 1832 году мы встрѣчаемся съ его нарушеніемъ, главнымъ виновникомъ чего оказался товарищъ министра С. С. Уваровъ.

Встрѣтившись, во время своей ревизіи московскихъ училищъ (по должности товарища министра), съ желаніемъ тамошнихъ дворянъ имѣть для обученія своихъ дѣтей особое заведеніе на манеръ прежняго благороднаго пансіона, цѣль коего была бы, нѣкоторымъ образомъ, приспособлена къ будущему назначенію ихъ въ службѣ, Уваровъ сталъ на сторону дворянъ и согласился о нихъ ходатайствовать

---

[1]) Сборникъ постановленій, т. 2-й, 26.
[2]) Сборникъ распоряженій, т. 2-й, 403.

Въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ, онъ, излагая просьбу московскихъ дворянъ, со своей стороны, заявляетъ, «что рѣзкая граница, отдѣляющая въ гражданскомъ быту сословія между собою, требуетъ, чтобы и воспитаніе по сему мѣрилу распредѣлено было; требуетъ воспитанія спеціальнаго, безъ коего нельзя никогда будетъ дать право гражданства нашимъ учебнымъ заведеніямъ». И, принимая все это во вниманіе, полагаетъ обновить съ нѣкоторыми оттѣнками благородный пансіонъ и превратить первую гимназію въ спеціально дворянское заведеніе.

На докладѣ Николай I-й написалъ: «Не вижу никакого сему препятствія; сверхъ того, можно было бы приготовить проектъ лицея въ Москвѣ, на подобіе и по уставу Царскосельскаго, и представить мнѣ» [1]). Такимъ образомъ, появилась, вопреки уставу, первая исключительно дворянская гимназія.

Получивъ Высочайшее одобреніе и сдѣлавшись министромъ, С. С. Уваровъ въ слѣдующемъ же году далъ вышеуказанной единичной мѣрѣ самое широкое примѣненіе.

По мысли его, изложенной въ циркулярѣ 16 мая 1833 года, рядомъ съ гимназіями 28 года должны стать спеціально-дворянскія сословныя школы—благородные пансіоны или дворянскіе институты. Цѣлью циркуляра отнюдь не было учрежденіе благородныхъ пансіоновъ, какъ «отдѣльныхъ и окончательныхъ мѣстъ для воспитанія, чтобы возвращаясь къ прежнему безпорядку, питомцы оныхъ, получая за поверхностное, энциклопедическое образованіе значительные чины, выходили оттоль прямо въ гражданскую службу, минуя университеты». Однимъ словомъ, это—не прежніе университетскіе пансіоны, это только «пріуготовительныя училища къ слушанію лекцій въ университетахъ».

Приглашая учебныя начальства и дворянство содѣйствовать распространенію благородныхъ пансіоновъ, министръ указываетъ: 1) что въ нихъ долженъ быть курсъ ученія гимназическій, что при введеніи его допускаются «только тѣ измѣненія, которыя, по примѣру предварительнаго образованія Московскаго дворянскаго института, имѣютъ цѣлію или сокращеніе времени, или распространеніе нѣкоторыхъ учебныхъ предметовъ, ближе принадлежащихъ къ образованію высшаго сословія», и 2) что преимущества гимназій по уставу 28 года совершенно достаточны и для дворянскихъ пансіоновъ [2]), т.-е., на ряду съ существующими уже общими гимназіями

---

[1]) Сборникъ постановленій, т. 2-й, 209.

[2]) Сборникъ распоряженій, 430.

министръ основывалъ совершенно такія же, но только исключительно дворянскіе гимназіи-пансіоны.

Уваровъ не даромъ высказывалъ въ своемъ циркулярѣ надежду— заслужить современемъ признательность своего сословія: его реформа пришлась по вкусу ушедшимъ въ свои сословныя предразсудки дворянамъ, и число пансіоновъ стало быстро возрастать.

Къ концу 40 годовъ было открыто 47 благородныхъ пансіоновъ, а общая сумма пожертвованій дворянства на нихъ къ 1843 году превышала 13 милліоновъ рублей [1]). Но большинство благородныхъ пансіоновъ оставалось только воспитательными заведеніями, дополнявшими курсъ гимназій спеціально шляхетскими предметами, въ родѣ фехтованія, музыки и танцевъ.

Правомъ выдѣляться въ самостоятельныя среднія учебныя заведенія, какое давалъ циркуляръ 33 года, дворянство въ общемъ пользовалось мало. Такихъ пансіоновъ-гимназій, извѣстныхъ подъ именемъ «дворянскихъ институтовъ», было очень ограниченное количество. Несмотря на то, что по положенію Комитета Министровъ, утвержденному Государемъ 20 декабря 1837 года, въ такихъ заведеніяхъ курсъ гимназическаго ученія безъ всякаго ущерба для правъ сокращался на годъ [2]), дворянскіе институты были только въ Москвѣ [3]), Петербургѣ [3]), Вильнѣ [4]), Нижнемъ, Пензѣ [5]) и Тифлисѣ.

По крайней мѣрѣ, мы ихъ больше не встрѣчали и уже, во всякомъ случаѣ, надежда, проглядывающая въ циркулярѣ Уварова, что институтовъ будетъ такъ много, что гимназіи съ уѣздными училищами останутся въ пользу прочихъ классовъ [6]), эта надежда почти совершенно не оправдалась.

Потерпѣвъ нѣкоторую неудачу въ созданіи отдѣльныхъ дворянскихъ гимназій, но не отказываясь отъ проведенія въ жизнь принципа сословнаго обученія, Министерство Просвѣщенія, естественно, должно было перейти къ средству второго рода и къ ограниченіямъ, въ результатѣ которыхъ сами общія гимназіи должны были стать дворянскими.

---

[1]) Рождественскій, стр. 280. Особенно быстро шло открытіе пансіоновъ въ тридцатые годы, во второй же половинѣ сороковыхъ годовъ рвеніе дворянства быстро ослабѣваетъ.

[2]) Сборникъ постановленій, т. 2-й, 595.

[3]) Объ нихъ уже упоминалось.

[4]) Сборникъ постановленій, т. 2-й, 650.

[5]) Рождественскій, стр. 281.

[6]) Въ циркулярѣ сказано: „Если дѣти дворянъ преимущественно будутъ поступать въ оные, то гимназіи съ уѣздными училищами останутся въ пользу прочихъ классовъ“.

Если циркуляръ 1833 года былъ личной попыткой Уварова, исходившей отъ его иниціативы, то два другія средства были типичны, не только для трехъ министровъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ данной главѣ, но и, вообще, для всего царствованія Николая I-го.

То и другое средство проявлялись, конечно, одновременно, но для ясности мы будемъ говорить о нихъ раздѣльно и сначала о томъ, какъ правительство старалось отвлекать дѣтей производительнаго класса отъ гимназій, путемъ созданія для нихъ спеціальныхъ школъ и курсовъ.

Стремясь къ сословному разграниченію школъ и стараясь, какъ мы выше говорили, обезпечить каждому классу опредѣленный, подходящій для него кругъ понятій, Николаевское правительство не могло смотрѣть равнодушно на то, что въ александровскихъ гимназіяхъ получали общее образованіе люди всѣхъ сословій и профессій, кромѣ только духовенства, имѣвшаго свою школу. Поэтому нисколько неудивительно, что уже въ 1827 году военные корпуса были совершенно отдѣлены отъ гимназій [1]), въ 1828 г. изъяты изъ нихъ кантонисты [2]), въ 1830 г. при Астраханской гимназіи учрежденъ пансіонъ для дѣтей штабъ-и оберъ-офицеровъ казачьяго войска [3]) и, затѣмъ, образованъ даже особый пансіонъ для дѣтей канцелярскихъ служителей въ Петербургѣ [4]) и отдѣльныя училища для образованія евреевъ [5]).

Еще серьезнѣе опыты образованія особыхъ реальныхъ курсовъ, для отвлеченія отъ гимназій горожанъ, ремесленниковъ и мелкихъ купцовъ. Въ основѣ ихъ лежало, конечно, и естественное стремленіе къ распространенію техническаго образованія, искреннимъ представителемъ чего былъ, напримѣръ, гр. Канкринъ, но со стороны Министерства Просвѣщенія важное значеніе сословныхъ соображеній несомнѣнно.

Первое постановленіе о реальныхъ классахъ относится къ 1836 г., когда было разрѣшено: «при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ тѣхъ городовъ, гдѣ нѣтъ университетовъ, и мѣстныя обстоятельства востребуютъ, учредить отдѣленія реальныхъ училищъ, приспособленныхъ къ главной надобности того мѣста, съ направленіемъ ихъ къ мануфактурной промышленности или торговлѣ» [6]).

---

[1]) Сборникъ постановленій, т. 2-й.
[2]) Тамъ же.
[3]) Сборникъ постановленій, т. 2-й, 125.
[4]) Въ 1831 г. Сборникъ постановленій, т. 2-й, 184.
[5]) Сборникъ постановленій, т. 2-й, 273. 13 ноября 1844 г.
[6]) Тамъ же, 488.

Наиболѣе яркое практическое его осуществленіе относится къ 1839 году, когда при 3-ей Московской гимназіи, на ряду съ классическимъ курсомъ, открыты были и курсы реальные, прямая цѣль которыхъ, какъ говорилось въ указѣ Сенату, была «доставить производительному классу новыя средства къ пріобрѣтенію техническихъ познаній» [1]).

Указанная цѣль достигалась тѣмъ, что, однообразная въ своихъ первыхъ трехъ классахъ, гимназія съ четвертаго раздѣлялась на классическое и реальное отдѣленія. Въ классическомъ доминировалъ все усиливающійся латинскій языкъ, а въ реальномъ подлежали изученію: естественная исторія, химія, технологія, товаровѣдѣніе, бухгалтерія и счетоводство, коммерческое законовѣдѣніе и механика.

Московскій попечитель гр. Строгановъ, представляя докладъ объ открытіи 3-ей гимназіи, пишетъ, что раньше онъ полагалъ открыть въ Москвѣ отдѣльное реальное училище, въ видѣ опыта. Но соображенія экономическаго свойства и опасеніе, что оно будетъ пустовать, такъ какъ среднее сословіе только что начинаетъ чувствовать потребность частнаго торговопромышленнаго образованія—отклонили его отъ этой мысли [2]).

Интересный, со стороны происхожденія идеи двухъ соединенныхъ курсовъ (классическаго и реальнаго) въ одномъ заведеніи, докладъ Строганова еще болѣе интересенъ со стороны его ярко сословной окраски. Въ своей докладной запискѣ въ Государственный Совѣтъ Уваровъ прямо заявилъ, что положеніе о техническихъ курсахъ, о 3-ей Московской гимназіи и о реальныхъ классахъ «клонились къ тому, чтобы удержать низшія сословія Государства въ соразмѣрности съ гражданскимъ ихъ бытомъ, въ отношеніи къ образованію ихъ дѣтей, и побудить ихъ ограничиться уѣздными училищами и обученіемъ, въ этихъ заведеніяхъ доставляемымъ [3]).

По образцу 3-ей гимназіи въ томъ же году были открыты, въ видѣ опыта, реальные классы при гимназіяхъ въ Тулѣ, Курскѣ, Вильнѣ и при уѣздныхъ училищахъ въ Ригѣ и Керчи [4]). Заслуживаетъ вниманія, что реальный курсъ имѣлъ характеръ не образовательный, а чисто техническій, какъ это видно, напримѣръ, было изъ программы 3-ей Московской гимназіи. Общее образованіе для низшихъ классовъ считалось Николаевскимъ правительствомъ вреднымъ. Впрочемъ, съ этимъ мы еще встрѣтимся дальше.

---

[1]) Въ эти же годы введены были, начиная съ III класса, реальные классы въ С.-Петербургской Ларинской гимназіи.

[2]) Арх. Мин. Народн. Просв. д. № 61559, к. 2089.

[3]) Сборникъ постановленій, т. 2-й, 476.

[4]) Сборникъ постановленій, т. 2-й, 687.

Положительныя средства, которыми Министерство даннаго періода старалось притти къ сословной дифференціаціи школъ и, въ частности, къ дворянской окраскѣ гимназій, мы исчерпали, но для полноты картины необходимо то же сдѣлать и по отношенію къ средствамъ, которыя мы опредѣлили, какъ отрицательныя.

Усиленіе этихъ послѣднихъ начинается съ 1837 года. Къ этому времени могло уже выясниться для Уварова, что его циркуляръ 33 года не сможетъ обратить благородные пансіоны въ ихъ массѣ изъ дворянскихъ общежитій въ дворянскія училища, и потому усилившееся въ это время желаніе придать дворянскую окраску всѣмъ, вообще, гимназіямъ вполнѣ естественно. Тѣмъ болѣе, что рѣчами Шишкова и рескриптомъ 27 года почва къ этому была настолько подготовлена, что уже въ 1831 году казанскій попечитель, несмотря на прямой утвердительный отвѣтъ устава, нашелъ нужнымъ запросить министра о пріемѣ въ гимназіи казенныхъ крестьянъ, уволенныхъ отъ общества [1]), слѣдовательно, подчиненные уже въ то время усвоили мысль, что хотя по уставу 28 года гимназіи и всесословны, но, что на дѣлѣ, по волѣ верховной власти, имъ таковыми быть не надлежитъ.

Если настроеніе Николая и его министровъ въ вопросѣ о сословности гимназій высказывалось и отражалось на ихъ составѣ и раньше, то въ 1837 году оно проявляется въ законодательствѣ. Въ этомъ году по Высочайшему повелѣнію былъ образованъ Комитетъ для пересмотра существующихъ постановленій о пріемѣ въ учебныя заведенія людей несвободныхъ состояній. Въ него вошли М. М. Сперанскій, гр. Бенкендорфъ, министры народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, и въ результатѣ работъ этого Комитета явился интересный рескриптъ на имя Уварова отъ 9 мая 1837 года. Этимъ рескриптомъ «въ прегражденіе вредныхъ послѣдствій», происходящихъ отъ того, что содержатели частныхъ заведеній съ общими предметами средней школы, принимая туда людей низшихъ сословій, вводятъ противорѣчіе «въ гражданскомъ положеніи лица съ умственнымъ его образованіемъ»—поручается особенному и самому строгому наблюденію министра:

1) «Чтобы условія перехода изъ училищъ низшихъ въ среднія, а изъ сихъ въ высшія, вездѣ и для всѣхъ состояній съ точностью были исполняемы [2]).

---

[1]) Сборникъ распоряженій, т. 2-й, 420.

[2]) По этимъ условіямъ для мѣщанъ и крестьянъ свободнаго состоянія сверхъ успѣховъ требовалось увольненіе ихъ отъ рекрутской и другихъ обязанностей тѣхъ обществъ, къ коимъ они принадлежали.

2) Чтобы лица крѣпостного состоянія тогда только были допускаемы въ училища среднія и высшія, когда по волѣ ихъ помѣщиковъ они получатъ увольненіе отъ сего состоянія.

3) Чтобы всѣ частные пансіоны, относительно круга ихъ наукъ, раздѣлены были на степени, сообразно общему училищному устройству, и чтобы въ тѣ изъ нихъ, коихъ кругъ ученія соотвѣтствуетъ гимназіямъ, ни подъ какимъ видомъ не были допускаемы лица крѣпостного состоянія.

4) Чтобы въ училищахъ, такъ называемыхъ реальныхъ, гдѣ допускаются лица всѣхъ состояній, кругъ наукъ словесныхъ (т.-е. общеобразовательныхъ) былъ приведенъ въ мѣру училищъ приходскихъ и уѣздныхъ, съ исключеніемъ всего, что принадлежитъ къ кругу училищъ высшихъ и среднихъ и не относится прямо и непосредственно къ наукамъ техническимъ.

5) Чтобы и въ тѣхъ училищахъ, кои нынѣ существуютъ или впредь заведены будутъ помѣщиками, для обученія крѣпостныхъ ихъ людей въ собственныхъ ихъ селеніяхъ, сохраняемы были тѣ же самые предѣлы, какіе, вообще, поставлены для училищъ низшихъ».

Свои мотивы къ указаннымъ мѣропріятіямъ Комитетъ формулировалъ слѣдующимъ образомъ: «Крѣпостные люди хотя по рекрутству и подушной подати принадлежатъ къ состоянію сельскихъ обывателей, но они составляютъ въ немъ особое сословіе, отдѣляющееся отъ прочихъ тѣмъ, что люди сіи не имѣютъ свободы переходить изъ своего сословія въ другое, развѣ будутъ отпущены на волю. Сія неподвижность ихъ состоянія должна была, по необходимости, ограничить и степень ихъ образованія. Какая можетъ быть цѣль расширить кругъ ихъ познаній, когда кругъ ихъ дѣйствія опредѣленъ неподвижными границами крѣпостного состоянія. Необходимымъ весьма естественнымъ послѣдствіемъ сего противорѣчія между умственнымъ образованіемъ и личнымъ положеніемъ должно быть въ однихъ глубокое чувство огорченія, въ другихъ отчаянная предпріимчивость разорвать узы, ихъ тяготящія» [1]).

Для сознавшаго такъ ясно, какъ здѣсь, правительства, что естественное развитіе ума крѣпостного крестьянина неминуемо ведетъ къ протесту противъ узъ рабства,—прямымъ выводомъ должно было быть разбитіе этихъ узъ; всякій иной выходъ является преступленіемъ. Но николаевское правительство, отказавшись отъ всякихъ реформъ и перестроекъ, встало на этотъ второй путь и, вставши,

---

[1]) Протоколъ засѣданія 30 апрѣля 1837 г. Въ бумагахъ Сперанскаго № 1. Арх. М. Н. Пр.

естественно, должно было перенести ограниченія съ крѣпостныхъ крестьянъ и на другія сословія. Такъ, дѣйствительно, и было.

Въ 1840 году Уваровъ, послѣ посѣщенія университета Св. Владимира, обратился къ попечителямъ съ циркуляромъ, въ которомъ, между прочимъ, было заявлено, что, «при пріемѣ студентовъ, необходимо нужно обращать нѣкоторое вниманіе какъ на происхожденіе молодыхъ людей, посвящающихъ себя высшимъ ученымъ занятіямъ, такъ и на открывающуюся предъ ними будущность. *При возрастающемъ повсюду стремленіи къ образованію наступило время пещись о томъ, чтобы чрезмѣрнымъ этимъ стремленіемъ къ высшимъ предметамъ ученія не поколебать нѣкоторымъ образомъ порядокъ гражданскихъ сословій*» [1]).

Въ 1845 году ограниченія съ университетовъ были перенесены и на гимназіи, только они здѣсь выразились иначе—въ формѣ возвышенія платы за ученіе. Увеличеніе платы, по заявленію самого министра, было предпринято «не столько для усиленія экономическихъ суммъ учебныхъ заведеній, сколько для удержанія стремленія юношества къ образованію въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій». Предположенія Министерства не только были утверждены Государемъ (11 іюня 1845 года), но и собственноручно имъ увеличены, и только опасенія Уварова, что значительное увеличеніе платы за ученіе можетъ затруднить Министерству способы удержать за публичнымъ воспитаніемъ въ его заведеніяхъ перевѣсъ надъ воспитаніемъ домашнимъ и частнымъ,—заставили Императора Николая согласиться съ предположеніями Министерства, но и то только на три года. Въ 1848 году плата за ученіе, дѣйствительно, была опять увеличена, хотя все-таки еще въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ первоначально предполагалъ Государь [2]).

Дѣло о платѣ съ учащихся послужило поводомъ и къ другимъ ограниченіямъ. 9 іюня 1845 года на докладной запискѣ министра по данному вопросу Николай I-й написалъ: «*Сообразить, нѣтъ ли способовъ затруднить доступъ въ гимназіи для разночинцевъ*». Результатомъ соображеній явилось въ томъ же году Высочайше утвержденное запрещеніе принимать въ гимназіи безъ увольнитель-

---

[1]) Сборникъ распоряженій, т. 2-й, 434.

[2]) Арх. М. Н. Пр. д. № 124, 249а; к. № 2044. Въ 1845 г. въ столицахъ введена плата по 20 р., Кіевской—17, Одесской и Таганрогской—7 р., во всѣхъ прочихъ по 5 р. с. въ годъ. Въ 1848 г. была увеличена плата въ Одессѣ до 15 р., въ Таганрогѣ до 10 р. и введена вновь въ Сибири по 5 р.

ныхъ свидѣтельствъ дѣтей купцовъ и мѣщанъ [1]). Благодаря этой мѣрѣ, говорилъ Уваровъ въ своей запискѣ: «гимназіи сдѣлаются преимущественно мѣстомъ воспитанія для дѣтей дворянъ и чиновниковъ; среднее же сословіе обратится въ уѣздныя училища» [2]).

Насколько сильно было желаніе Императора Николая I-го, чтобы гимназіи были дворянскими, и настолько бдительно онъ слѣдилъ за этимъ, можно судить по слѣдующимъ двумъ фактамъ. Посѣтивъ въ 1727 году Псковскую гимназію и не найдя тамъ ни одного дворянина, онъ приказалъ закрыть ее впредь до особыхъ распоряженій [3]), а въ 1843 году, найдя составъ 1-ой С.-Петербургской гимназіи слишкомъ демократичнымъ, сказалъ директору: «У васъ все хорошо по наружности, но что за [рожи] у вашихъ воспитанниковъ. Первая гимназія должна быть первая по всему: у нихъ нѣтъ той живости, этой полноты, этого благородства, какими, напримѣръ, отличаются воспитанники 4-й гимназіи» [4]): 4-я—была, очевидно, по преимуществу дворянская.

Можно, конечно, легко себѣ представить, какое впечатлѣніе производили такія замѣчанія на директоровъ училищъ и какъ усиливали ихъ рвеніе.

До чего доходило стремленіе выдѣлять дворянъ изъ другихъ сословій, можетъ показывать Высочайше утвержденная 6 сентября 1826 г. форма для гимназистовъ. Для разночинныхъ пансіонеровъ полагался: «сюртукъ синій однобортный съ бѣлыми мѣдными пуговицами; воротникъ малиновый съ погончиками на плечахъ; панталоны синіе поверхъ сапогъ; фуражка синяя солдатская съ малиновымъ околышемъ», а для благородныхъ пансіонеровъ: «мундиръ по образцу университета, съ бѣлыми пуговицами, съ одною серебряною галунною петлицею на воротникѣ; безъ шпаги, и треугольная шляпа» [5]). Когда не удавался чисто дворянскій составъ въ гимназіи, то хотѣли хотя бы по виду выдѣлить дворянъ изъ смердовъ. Сословной спеси и чванству не задумываясь приносили въ жертву педагогическія соображенія, подсказывавшія явное неудобство и вредъ выдѣленія по происхожденію однихъ передъ другими, ихъ же товарищами.

Уставъ гимназій 28 года, отличавшійся, несмотря на свою сословную окраску, какъ мы писали выше, многими солидными досто-

---

[1]) Исключеніе только для Сибири, гдѣ остался прежній порядокъ. Сбор. распор., т. 2-й (45 г.), 733.

[2]) Сборникъ постановленій, т. 2-й, 305.

[3]) Тамъ же, 52.

[4]) Никитенко, 446—7.

[5]) Арх. М. Н. Пр. Канцел. Министра д. № 127370; к. 15.

инствами — просуществовалъ почти до самаго конца сороковыхъ годовъ, когда въ курсѣ гимназій, благодаря новой реформѣ, произошла значительная перемѣна къ худшему. Разумѣемъ учебный планъ гимназій 21 Марта 1849 года, по которому старшіе классы гимназій раздѣлялись на а) латинское отдѣленіе для готовящихся въ университетъ и б) юридическое—съ курсомъ законовѣдѣнія для поступающихъ прямо на службу.

Имѣя своимъ ближайшимъ иниціаторомъ С.-Петербургскаго попечителя Мусина-Пушкина, эта несчастная реформа нашла подходящую для себя почву въ настроеніи сферъ. Дѣло въ томъ, что революціонное движеніе 48 года всколыхнуло Европу и отразилось во взглядахъ на школьное образованіе. «Съ одной стороны,—по словамъ Шмида,—на изученіе классической древности хотѣли смотрѣть, какъ на дѣло реакціонное; съ другой — считали его несогласнымъ съ принципомъ народности» [1]).

«Мнѣнія такого рода встрѣтили отголосокъ и у насъ. Составилось убѣжденіе, что занятія древними классиками отвлекаютъ молодежь отъ настоящаго пониманія народности, что если молодые люди не уважаютъ законовъ, такъ это происходитъ отъ незнакомства съ ними. Болѣе чѣмъ когда-либо стали утверждать, что знаніе дѣйствующихъ законоположеній крайне необходимо для тѣхъ учениковъ, которые изъ гимназій поступаютъ прямо въ гражданскую службу» [2]).

Классическому образованію стали приписывать способность создавать «обманы воображенія», отрезвить отъ которыхъ могло только реальное образованіе. Эту мысль ясно выразилъ въ 1847 г. кіевскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ въ запискѣ «объ измѣненіи учебнаго направленія». «Было бы полезно,—писалъ онъ,—образованію молодыхъ людей въ учебныхъ заведеніяхъ дать направленіе болѣе матеріальное, которое, занимая умъ ихъ знаніями положительными, не давало бы времени воображенію отвлекать ихъ отъ полезныхъ занятій. Для сего нужны только нѣкоторыя преобразованія въ курсахъ гимназій и училищъ. Дѣятельность матеріальная уничтожила бы обманы воображенія, и успѣхи на этомъ поприщѣ увлекли бы всѣхъ и каждаго» [3]).

Государственному Совѣту въ своей массѣ и Императору Николаю Павловичу встать на точку зрѣнія Бибикова, конечно, было легко (тѣмъ болѣе, что она имѣла охранительныя цѣли), — такъ

---

[1]) „Исторія средн. учебн. заведеній“, стр. 367.

[2]) Тамъ же, 368 стр.

[3]) Рождественскій, стр. 276—277.

какъ образованіе, какъ таковое, для нихъ никогда ничего не значило. Но какъ пошелъ на эту мѣру, задѣвавшую интересы классицизма, классически образованный Уваровъ, можно сказать, этотъ авторъ классическихъ гимназій въ Россіи и исправный ихъ насадитель—это очень удивительно. Согласиться на такое сокращеніе классицизма, какъ 20 часовъ вмѣсто 39 по латинскому языку и 19 необязательныхъ вмѣсто 30 по греческому, для него, несомнѣнно, было не легко. Единственное объясненіе, что, пробывши министромъ 16 лѣтъ въ царствованіе Николая I-го, Уваровъ настолько заразился настроеніемъ царствованія, что и самъ поставилъ сословно-политическія цѣли выше просвѣтительныхъ. Погнавшись же за этимъ зайцемъ, онъ, естественно, упустилъ другого, т. е., преувеличивъ укрѣпленіе классицизма въ Россіи и совершенно не усчитавъ всегдашняго отрицательнаго отношенія русскаго общества къ классицизму, позволилъ себѣ допустить по отношенію къ нему возможность выбора и этимъ въ значительной степени зачеркнулъ прошлую работу почти всей своей жизни.

Что это, дѣйствительно, такъ, мы можемъ убѣдиться, обратившись къ представленію министра по вопросу о бифуркаціи гимназій въ Государственный Совѣтъ. Тамъ же онъ, между прочимъ, пишетъ: «Разграничивая точнѣе и рѣшительнѣе предметы гимназическаго ученія, полезно при этомъ оградить гимназіи отъ умножающагося прилива какъ въ эти среднія, такъ и высшія учебныя заведенія, молодыхъ людей, рожденныхъ въ низшихъ слояхъ общества, для которыхъ высшее образованіе безполезно. Во вновь предполагаемомъ узаконеніи полезно положительнѣе выразить, что гимназіи должны быть доступны тѣмъ изъ сословій, коихъ дѣти не имѣютъ права поступать въ государственную службу (Св. Зак. т. III), сверхъ дѣтей почетныхъ гражданъ, только дѣтямъ купцовъ 2 и 3 гильдій и мѣщанъ, но не иначе, какъ послѣ увольненія ихъ отъ обществъ» [1]).

Третьей цѣлью всѣхъ 3-хъ министровъ Николаевскаго царствованія, какъ мы выше отмѣтили, было укрѣпленіе направленія преподаванія и воспитанія въ духѣ охранительныхъ началъ.

Цѣль эта достигалась прежде всего новой организаціей управленія. Еще въ 1826 году было произведено новое распредѣленіе губерній по округамъ, въ цѣляхъ удобства надзора [2]); въ 1831 г. въ этихъ же цѣляхъ былъ выдѣленъ особый Бѣлорусскій округъ [3]),

---

[1]) Представл. въ Госуд. Совѣтъ. Сбор. пост. т. 2-ой, 476.

[2]) Сборн. Пост., т. 2-й, 25.

[3]) Губерніи: Витебская, Могилевская и Минская, учебныя заведенія Одессы и Бессарабіи.

и сибирскія гимназіи подчинены гражданскимъ губернаторамъ [1]), а въ слѣдующемъ году (изъ губерній Кіевской, Черниговской, Волынской и Подольской) образованъ еще новый округъ—Кіевскій [2]), и, наконецъ, въ 1835 году былъ измѣненъ самый принципъ управленія.

Коллегіальное начало управленія, сохранявшееся какимъ то чудомъ съ 1804 года, теперь было окончательно уничтожено. — Всѣ функціи университета отошли къ попечителю, который и явился теперь единоличнымъ начальникомъ учебныхъ заведеній округа. Какъ главный мотивъ къ этому измѣненію было указано, что профессора, исключительно посвящающіе себя наукамъ, не имѣютъ ни времени, ни надлежащихъ способностей къ практическому управленію и успѣшному обозрѣнію гимназій и училищъ [3]).

Конечно, попечители оказались гораздо болѣе вѣрными проводниками правительственныхъ взглядовъ, нежели университеты. Это и было нужно.

Вслѣдъ за возвышеніемъ попечителей (въ 1837 году) повышена была однимъ классомъ и должность директора (изъ VII въ VI-й).

Параллельно съ новой организаціей управленія идутъ общія мѣры по упорядоченію надзора и рекомендуются частыя ревизіи.

Въ предложеніи управляющаго Министерствомъ къ попечителямъ отъ 27 мая 1833 года рекомендуется обращать особенное вниманіе при обозрѣніи учебныхъ округовъ на слѣдующее:

1. По части нравственной:

1) На нравственное направленіе преподаванія, наблюдая строго, чтобы въ урокахъ профессоровъ и учителей не укрывалось ничего, колеблющаго или ослабляющаго ученіе православной вѣры; чтобы учащіеся посѣщали въ праздничные дни храмъ Божій.

2) Чтобы между лицами, принадлежащими каждому учебному заведенію, при надлежащемъ повиновеніи начальству, водворялись миръ и согласіе.

3) Чтобы въ поведеніи и поступкахъ начальствующихъ лицъ и преподавателей въ учебныхъ заведеніяхъ не было чего-нибудь соблазнительнаго; чтобы между ними не были терпимы какіе-либо безпорядки, лишающіе ихъ уваженія мѣстныхъ начальствъ и довѣренности родителей.

4) Чтобы наблюдались всѣ нужныя мѣры осторожности къ предохраненію учениковъ отъ пороковъ, дурныхъ связей, непри-

---

[1]) Сбор. Пост., т. 2-й, 151.
[2]) Сбор. Пост., т. 2-й, 212.
[3]) Сбор. пост., т. 2-й, 411.

личнаго обращенія и знакомства, чтобы въ книгохранилищахъ, назначенныхъ для употребленія учениковъ, не было книгъ противныхъ вѣрѣ, правительству и нравственности, и чтобы подобныя сочиненія отнюдь не обращались въ рукахъ ихъ.

II. По части учебной:

Рекомендовалось особому вниманію ревизоровъ наблюденіе, обучается ли юношество съ надлежащимъ тщаніемъ россійскому языку и отечественной словесности? внушаются ли ему при всякомъ удобномъ случаѣ преданность къ престолу и повиновеніе къ властямъ? укрѣпляется ли въ сердцахъ питомцевъ любовь къ родинѣ и ко всему отечественному? [1]).

Инструкція, какъ видите, обладаетъ достаточной полнотою,— ничто, даже частная жизнь учителя, не должно проходить мимо взора ревизора,—но въ 1848 году, когда началось извѣстное движеніе у нашихъ западныхъ сосѣдей, и она оказалась недостаточной. Было издано новое, секретное тогда руководство попечителямъ, гдѣ политическій моментъ выдвигался на первый планъ. Вотъ оно.

«Новѣйшія событія на западѣ Европы ознаменовались возстаніемъ противъ законныхъ властей и посягательствомъ на государственный порядокъ. Мятежъ, вспыхнувшій во Франціи, поспѣшно отозвался въ Германіи, угрожая гибельнымъ своимъ вліяніемъ всякому благоустроенному гражданскому обществу.

Чтобы пагубныя мудрованія преступныхъ нововводителей не могли проникнуть въ многочисленныя учебныя заведенія наши, считаю священною обязанностію обратить вниманіе:

1) На духъ преподаванія вообще въ училищахъ и въ особенности въ университетахъ.

2) На поведеніе и образъ мыслей студентовъ университета и воспитанниковъ гимназій.

3) На благонадежность начальниковъ, наставниковъ и воспитателей, употребленныхъ къ образованію юношества и

4) На частныя учебныя заведенія и пансіоны, особенно на содержимые иностранцами.

Конечно, надежнѣйшее средство сохранить юношество отъ заразы вольнодумства есть: во-1-хъ, отчетливое преподаваніе Закона Божія, съ ближайшимъ указаніемъ на прямыя обязанности вѣрноподданныхъ; во-2-хъ, въ недопущеніи, при преподаваніи прочихъ

---

[1]) Сбор. распор., т. 2-й, 433.

учебныхъ предметовъ, ничего такого, что могло-бы въ незрѣломъ еще умѣ юношей поколебать вѣру или уменьшить убѣжденіе въ необходимости и въ пользѣ основныхъ учрежденій нашего правительства, и въ 3-хъ, въ бдительномъ и строгомъ наблюденіи за нравственностью учащихся.

Чтобы достигнуть вполнѣ этой всегда важной, но по настоящимъ обстоятельствамъ еще важнѣйшей цѣли, необходимо Вашему Превосходительству и подчиненнымъ вамъ начальствамъ учебныхъ заведеній, усугубить за ними надзоръ и не упускать изъ виду ни одного обстоятельства, которое могло благопріятствовать къ сохраненію между учащимися добраго духа, покорности властямъ и преданности правительству» [1]).

Со времени изданія этого циркуляра стали поступать къ министру особыя донесенія попечителей «о духѣ и направленіи преподаванія». Трудно сказать, долго ли это продолжалось,—но, во всякомъ случаѣ, во время Министерства Шихматова, мы встрѣчаемся съ особыми всеподданнѣйшими докладами, на основаніи этихъ донесеній [2]).

Ревизіи, конечно, примѣнялись часто и всячески поощрялись: «Начальникъ никогда безъ пользы не посѣщаетъ подчиненнаго», писалъ самъ Николай I-й на одномъ изъ докладовъ Уварова въ 1834 году [3]).

При томъ мѣстнымъ ревизорамъ не особенно довѣряли, предпочитая, особенно въ важныхъ случаяхъ, ревизію изъ Петербурга. Когда, напримѣръ, въ 1848 г., докладывая Императору о мѣрахъ, какія приняты по дѣлу о ранѣ, нанесенной ученикомъ Немировской гимназіи директору,—Уваровъ сообщилъ, что имъ по совѣту съ Бибиковымъ посланъ для ревизіи инспекторъ Кіевскихъ училищъ Могилянскій,—то Николай I-й написалъ: «Вѣрнѣе послать отсюда» [4]).

Вызывала одобреніе и цѣнилась только твердая власть. Устраняя, напримѣръ, отъ должности с.-петербургскаго попечителя кн. Гр. Волконскаго, Государь написалъ: «Въ С.-Петербургскій округъ избрать другого попечителя, извѣстнаго твердостію характера» [5]).

Но и надзоръ попечителей съ твердымъ характеромъ казался въ то время недостаточнымъ.

---

[1]) Арх. М. Н. Пр., д. № 98.004; к. 3315 и Сборн. расп., т. 2-й, 865
[2]) Напр. за 1851—52 т. въ Арх. Мин. Н. Пр.
[3]) Арх. М. Н. Пр.д. № 13055; к. 158.
[4]) Арх. М. Н. Пр. д. № 94349; к. 1250.
[5]) Въ 1845 г. Арх. М. Н. Пр. Бумаги Уварова, № 28.

Гр. Бибиковъ возбудилъ чрезъ шефа жандармовъ въ 1838 году ходатайство, чтобы Кіевскій учебный округъ присылалъ къ нему подвѣдомственныхъ сему округу лицъ для нужныхъ объясненій. А Николай I-й приказалъ, «чтобы Кіевскій, равно какъ и другіе округи учебные, когда принадлежащія къ онымъ лица будутъ соприкосновенны дѣламъ, которыя по существу своему и по общему порядку входятъ въ кругъ власти главныхъ мѣстныхъ начальствъ, оказывали имъ всякое содѣйствіе и, донося о подобныхъ случаяхъ своему непосредственному начальству, не останавливались между тѣмъ въ исполненіи по полицейской части мѣръ, которыя главными мѣстными начальствами признаны будутъ нужными для успѣшнаго хода дѣлъ и для достиженія желанной цѣли» [1],—т.-е. не только исполнилъ желаніе Бибикова, но и сдѣлалъ это общей мѣрой въ государствѣ.

Слѣдствіемъ такого Высочайшаго повелѣнія явились случаи трогательнаго единенія гимназическихъ начальствъ и полиціи, въ родѣ того, напримѣръ, что Чигиринскій земскій исправникъ и старшій учитель 2-й Кіевской гимназіи Березницкій совмѣстно производятъ внезапный обыскъ ученической квартиры Попеля въ м. Златополѣ [2].

Какъ понималъ Бибиковъ свои обязанности, т.-е. насколько онъ ихъ расширилъ, можно видѣть изъ того, напримѣръ, что въ 1839 году онъ запрашивалъ Уварова о его намѣреніяхъ по преобразованію Кіевскаго университета [3], а въ 1848/9 году представилъ записку о реформѣ гимназій.

Въ это время, впрочемъ, Д. Г. Бибикову были уже предоставлены права попечителя [4].

Цѣлью этой странной, на нашъ взглядъ, мѣры, было извѣстное направленіе воспитанія юношества того края и водвореніе въ училищахъ вообще, и особенно въ университетѣ Св. Владиміра, того нравственнаго духа покорности и повиновенія, который долженъ служить основою нашего отечественнаго воспитанія.

Такъ говорилось въ указѣ, такъ понималъ цѣль своихъ полномочій Бибиковъ и потому въ своемъ отчетѣ за 1849 годъ, между прочимъ, писалъ, что согласно указаніямъ Его Величества: «Всякое нарушеніе порядка и неисполненіе введенныхъ правилъ и распоряженій разсматривается, какъ выраженіе непокорности и наказывается удаленіемъ изъ заведеній.

---

[1]) Сообщ. Ст. С. Мордвинова, Арх. М. Н. Пр. д. № 66882; к. 2547 и Бум. Уварова, № 19—тамъ же.

[2]) 26 авг. 1839 г. Арх. М. Н. Пр. д. № 71084; к. 2680.

[3]) Арх. М. Н. Пр. Бумаги Уварова, № 19.

[4]) Выс. указъ 18 ноября 1848 г.

Дабы удаляемые на семъ основаніи изъ училищъ и вообще замѣченные въ чемъ-либо предосудительномъ не могли скрывать своихъ поступковъ, посредствомъ перехода въ другія заведенія, воспрещено принимать въ оныя безъ разрѣшенія главнаго начальника округа.

Вообще терпимость, снисходительность и всякія полумѣры, никогда не приносящія пользы даже тѣмъ, къ кому онѣ относятся, но всегда вредныя для заведеній, исключены изъ системы управленія учебнымъ округомъ.

Учителя—тамошніе уроженцы—переводятся на другія мѣста, а на ихъ мѣста назначаются, непремѣнно, русскіе» [1]).

Когда еще въ 1839 году было доложено Николаю I-му совмѣстное рѣшеніе Уварова и Бибикова дѣлать это постепенно, то онъ написалъ: «Исполнить нынѣ же, переведя тамошнихъ уроженцевъ въ другія мѣста, а на ихъ мѣста перемѣняя русскихъ» [2]).

Данное упоминаніе Бибикова, слѣдовательно, касается фактовъ уже болѣе или менѣе случайныхъ, остатковъ такихъ учителей.

Въ тонъ строгимъ мѣрамъ, о которыхъ выше говорилъ Бибиковъ, былъ усиленъ и надзоръ за учащимися вообще и въ гимназіяхъ, въ частности. Въ 1849 году было, напримѣръ, сдѣлано распоряженіе о наймѣ 3-хъ неделей для надзора за вольноприходящими учениками Кіевской 2-й гимназіи [3]).

Насколько сильно разгорались аппетиты жандармеріи по отношенію къ учебнымъ заведеніямъ въ это темное время, можно видѣть изъ того, что генералъ-маіоръ Фалькенбергъ въ 1842 году просилъ у гр. Бенкендорфа разрѣшенія офицерамъ корпуса жандармовъ посѣщать во всякое время учебныя заведенія въ губерніяхъ, составляющихъ его округъ [4]). Уваровъ не безъ труда отклонилъ эту просьбу, находя, что эта мѣра нарушитъ порядокъ управленія и что она не нужна, поскольку сибирскія губерніи находятся въ вѣдѣніи губернаторовъ. Бенкендорфъ же, очевидно, ничего страннаго въ просьбѣ своего подчиненнаго не видѣлъ и направилъ дѣло изъ III отдѣленія въ Министерство Просвѣщенія [5]).

Да ничего страннаго по тому времени, въ сущности, тутъ и не было.

Полиція согласно Высочайшему повелѣнію 1838 года и такъ

---

[1]) Арх. М. Н. Пр. д. № 99860; к. 3349.

[2]) Въ томъ же дѣлѣ.

[3]) 2 ноября—упоминаетъ Ивановъ-Разумникъ, стр. 143.

[4]) Фалькенбергъ былъ въ Сибири.

[5]) Арх. М. Н. Пр. д. № 130410; к. 143.

могла очень хорошо какъ наблюдать за учебными заведеніями, такъ и вліять на ходъ нѣкоторыхъ ихъ дѣлъ.

Уже на основѣ Высочайшаго повелѣнія создавались такія, напримѣръ, положенія, что министръ народнаго просвѣщенія, прежде чѣмъ успѣвалъ заготовить докладную записку объ извѣстномъ дѣлѣ, получалъ сообщеніе о состоявшемся уже относительно этого дѣла повелѣніи Императора по непосредственному донесенію генералъ-губернатора. Такъ было, напримѣръ, въ 1848 г. по частному дѣлу объ ученикѣ Немировской гимназіи Вольскомъ [1]). 3-го декабря Уваровъ только еще получилъ о немъ добавочныя донесенія чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ и 3-го же статсъ-секретарь Танѣевъ сообщилъ ему о приказѣ Николая I-го: «означеннаго Вольскаго высѣчь розгами предъ всѣми учениками и отдать въ барабанщики въ Оренбургскій округъ» [2]).

Гораздо характернѣе для роли III отдѣленія въ Николаевское время и принципіальнѣе для Министерства Народнаго Просвѣщенія дѣло объ учителѣ Пермской гимназіи Козловскомъ, относящееся къ 1831 году.

Оно началось съ того, что, получивъ частнымъ образомъ свѣдѣніе о томъ, что учитель Козловскій находится въ тѣсныхъ связяхъ съ сосланными въ Пермь поляками, Бенкендорфъ предписалъ Пермскому губернатору сдѣлать Козловскому строгій выговоръ и запросилъ «не полагаетъ-ли губернаторъ нужнымъ удалить его изъ Пермской губерніи».

Изъ Перми получился на это отвѣтъ, что, и по ихъ мнѣнію, «не излишне было бы Козловскаго перевесть изъ Пермской губерніи въ другую; ибо онъ, дѣйствительно, имѣетъ знакомство съ сосланными въ Пермь поляками, и что сія мѣра послужила бы примѣромъ для другихъ».

Бенкендорфъ доложилъ тогда объ этомъ дѣлѣ Государю и получилъ приказаніе спросить мнѣніе министра народнаго просвѣщенія.

Кн. Ливенъ, въ отвѣтъ на запросъ прямо отъ имени Государя, пошелъ еще дальше губернатора и шефа жандармовъ. «Оставаясь въ званіи учителя,—писалъ онъ,—Козловскій можетъ имѣть весьма вредное вліяніе на юношество, не только въ Перми, но и вездѣ. Посему я осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать Вашего Импе-

---

[1]) Вольскій нанесъ перочиннымъ ножемъ рану директору. Послѣдняя ревизія выяснила, что это не больше, какъ частный поступокъ дурного ученика.

[2]) Арх. М. Н. Пр. д. № 94349; к. 1250.

раторскаго Величества повелѣнія: Козловскаго опредѣлить въ другую изъ отдаленныхъ отъ Польши губерній въ гражданскую службу съ утвержденіемъ надъ нимъ строгаго надзора какъ со стороны начальства, къ которому онъ будетъ опредѣленъ, такъ и со стороны полиціи».

Императору Николаю Павловичу, конечно, ничего не стоило исполнить эту просьбу и онъ, дѣйствительно, написалъ: «Отправить въ Якутскъ на службу».

Еще болѣе интересно, что когда все это дошло въ видѣ предписанія директору Пермской гимназіи, то послѣдній сообщилъ казанскому попечителю, гр. Мусину-Пушкину, что предосудительныя связи Козловскаго и сдѣланный послѣднему строгій выговоръ отъ губернатора ему, директору, были неизвѣстны до полученія окончательнаго рѣшенія, ибо по сему предмету губернаторъ имѣлъ секретное предписаніе.

Когда же раздосадованный Мусинъ-Пушкинъ, сообщая объ этомъ своему министру, писалъ: «Долгомъ считаю представить на Ваше, Милостивый Государь, благоусмотрѣніе, что, по мнѣнію моему, о всѣхъ подобныхъ случаяхъ, къ которымъ могутъ быть прикосновенны какіе-либо чиновники по Казанскому учебному округу, гг. гражданскимъ губернаторамъ прилично было бы извѣщать меня, которому все подвѣдомственныхъ лицъ относящееся должно, кажется, быть извѣстнымъ», — то кн. Ливенъ отвѣчалъ, что «требовать сего отъ гг. губернаторовъ нельзя, потому что полиція имѣетъ свой, особенный кругъ дѣйствія, въ который другія начальства во многихъ случаяхъ не могутъ вмѣшиваться» [1]).

Министръ народнаго просвѣщенія, ограждающій кругъ дѣйствія полиціи и ничего не имѣющій противъ надзора III Отдѣленія за собой и своимъ вѣдомствомъ—вполнѣ достоинъ той эпохи.

Еще болѣе ярко проявлялись политическіе и всякіе чуждые образовательнымъ цѣлямъ мотивы въ учебныхъ заведеніяхъ на окраинахъ. Для полноты картины мы позволимъ себѣ сдѣлать здѣсь общій ихъ очеркъ.

Принципіальная подкладка всѣхъ мѣръ по учебной части въ Западномъ Краѣ можетъ быть понята изъ одного доклада Уварова Николаю I въ 1833 году. Въ этомъ докладѣ онъ писалъ: «Дѣйствія Министерства Народнаго Просвѣщенія съ 33 года имѣли цѣлію: во-1-хъ, возстановить въ тѣхъ губерніяхъ (отъ Польши возвращенныхъ) общественныя заведенія для образованія юношества въ надлежащей связи и постепенности.

---

[1]) Арх. М. Н. Пр., д. № 41998; к. 1175.

Во-2-хъ, признавая, что преимущественно направленіемъ умственнаго образованія будущихъ поколѣній можетъ быть приближено желаемое моральное и политическое сліяніе тѣхъ губерній въ общій составъ Государства, слѣдовало возстановить и образовать сіи училища въ духѣ русскомъ, хотя большею частію подъ наружностью прежнихъ наименованій».

«Совершенно согласно съ моими намѣреніями,—написалъ Государь на докладѣ;—строго держаться сего плана, ни въ чемъ не послабляя и отнюдь не удаляясь» [1]), и съ тѣхъ поръ рецептъ Уварова сталъ непрерывно дѣйствовать на окраинахъ во все время царствованія Николая. Впрочемъ, и предшествующія мѣропріятія относительно западныхъ училищъ совершались въ томъ же духѣ,—Уваровъ только ихъ ясно формулировалъ.

Вотъ, для ясности, важнѣйшія распоряженія Министерства, которыми достигалось обрусеніе Западнаго Края—цѣль такъ ясно формулированная Уваровымъ для тамошнихъ учебныхъ заведеній и ихъ начальствъ.

Совершенно справедливо считаясь съ духовными училищами при римско-католическихъ монастыряхъ, какъ со своими противниками въ дѣлѣ обрусенія, Императоръ Николай еще въ 1831 году сдѣлалъ распоряженіе министру—о постепенномъ ихъ уничтоженіи въ Западномъ Краѣ и о преподаваніи на русскомъ языкѣ всѣхъ предметовъ въ долженствующихъ замѣнить оныя свѣтскихъ училищахъ [2]).

Въ томъ же году состоялось секретное Высочайшее предписаніе о мѣрахъ къ уменьшенію и къ постепенному уничтоженію преподаванія польскаго языка въ Бѣлоруссіи. Кн. Ливенъ, стараясь объ исполненіи этого предписанія, наполнялъ тамошнія училища русскими учителями и вводилъ преподаваніе всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ [3]).

Въ 1839 году дѣло о содержателѣ общей ученической квартиры Попелѣ, преподававшемъ своимъ ученикамъ польскую исторію, послужило поводомъ къ ограничительнымъ правиламъ относительно содержателей квартиръ.

Сообщая Уварову о томъ, что постановленіе военнаго суда [4])—«отдать его, Попеля, въ солдаты въ отдѣльный Кавказскій корпусъ, впредь до отличной выслуги»—утверждено Государемъ, генералъ-адъютантъ Бибиковъ писалъ: «По-моему заключенію, одно только

---

[1]) Арх. М. Н. Пр. д. № 130359; к. 158.
[2]) Арх. М. Н. Пр. д. № 103335. Сборн. пост. т. 2-й, 160.
[3]) Сообщеніе его Танѣеву. Арх. М. Н. Пр. д. № 130335; к. 157.
[4]) Попель былъ судимъ военнымъ судомъ по Высочайшему повелѣнію.

совершенное устраненіе отъ всякаго сообщенія учениковъ съ преподавателями польскаго происхожденія какъ въ видѣ учителей, надзирателей и репетиторовъ при казенныхъ заведеніяхъ, такъ и въ видѣ домашнихъ учителей,—можетъ поставить училище въ то направленіе, къ которому стремятся всѣ усилія Вашего Высокопревосходительства, и въ которыхъ заключается спокойствіе и счастіе цѣлаго края».

Уваровъ, почти всегда поддерживавшій начинанія Бибикова, поручилъ помощнику попечителя Кіевскаго округа Карлгофу представить, исходя изъ соображеній Бибикова, проектъ правилъ о квартиросодержателяхъ.

Карлгофъ почему-то съ такимъ проектомъ замедлилъ. Между тѣмъ, 23-го апрѣля 1840 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе стараться вездѣ, гдѣ при училищахъ въ Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ окажется удобность нанимать общія квартиры для учащихся, по соглашенію съ родителями, въ общей платѣ за дѣтей ихъ (родъ пансіоновъ) и на такихъ квартирахъ помѣщать учениковъ, подъ присмотромъ надзирателей изъ русскихъ, которымъ опредѣлять приличное жалованье.

Представленныя кн. Давыдовымъ [1]) на этомъ основаніи правила объ общихъ ученическихъ квартирахъ, 6-го сентября 1840 года были введены въ видѣ опыта на три года [2]).

Русскіе учителя, замѣнившіе въ учебныхъ заведеніяхъ поляковъ, казались, однако, Николаевскому правительству все еще недостаточнымъ ручательствомъ въ благонадежности.

Гр. Протасовъ въ своемъ ревизорскомъ отчетѣ о Кіевскомъ и Бѣлорусскомъ округѣ, исходя изъ представленія объ исторіи, какъ предметѣ близкомъ ко всѣмъ политическимъ вопросамъ сего края, рекомендовалъ на ряду съ природно-русскими учителями—составить еще «особую исторію Россійскую съ пространнымъ дополненіемъ исторіи Литвы и Волыни, въ которой бы показывалось ясно, что край сей составлялъ въ древности коренную часть Россіи, и высказывались въ подробности всѣ вражды и несогласія, столь долго отдѣлявшія Литву отъ Польши». Было это исполнено или нѣтъ, неизвѣстно, но Императоръ Николай, во всякомъ случаѣ, приказалъ: «Имѣть въ виду при будущихъ усовершенствованіяхъ» [3]).

Даже славянскій языкъ и тотъ выдвигался съ политической цѣлью. «Изученіе этого языка, доказывающее единство происхо-

---

[1]) Попеч. Кіевск. округа.
[2]) Арх. М. Н. Пр. д. № 71084; к. 2680.
[3]) Арх. М. Н. Пр. д. № 52636; к. 1891.

жденія россіянъ и поляковъ, я,—писалъ ревизоръ,—признаю сообразнымъ съ настоящимъ направленіемъ воспитанія» [1]).

И, кромѣ всего этого, за исполненіемъ всѣхъ этихъ мѣръ существовалъ еще надзоръ жандармеріи.

Отъ 1843 года сохранилось интересное въ этомъ отношеніи секретное донесеніе штабъ-офицера корпуса жандармовъ, находящагося въ Волынской губ., подполковника Гринфельда, графу Буксгевдену [2]) о публичномъ испытаніи учениковъ Житомирской гимназіи. Тутъ онъ пишетъ о своемъ впечатлѣніи отъ экзаменовъ, отмѣчаетъ нѣсколько лучшіе успѣхи въ русскомъ языкѣ, сравнительно съ прошлымъ [3]), и обращаетъ вниманіе на уменьшеніе учащихся. Буксгевденъ, въ свою очередь, сообщилъ объ этомъ гр. Бенкендорфу [4]).

Параллельно съ этими мѣрами въ Польско-Литовскомъ краѣ и еще раньше того вводился русскій языкъ въ Дерптскомъ учебномъ округѣ. Одно изъ распоряженій въ этомъ родѣ относится еще къ 1826 году [5]). Съ 1834 года лицамъ, окончившимъ гимназіи Дерптскаго округа и оказавшимъ совершенное знаніе языка, сталъ даваться при вступленіи на гражданскую службу чинъ 14 класса [6]).

Отмѣчая наличность идеи обрусенія въ Остзейскомъ краѣ, нужно, однако, замѣтить, что она проводилась здѣсь несравненно сдержаннѣе, чѣмъ въ губерніяхъ литовскихъ и польскихъ. Въ то время, какъ тамъ за чтеніе Мицкевича или какого другого польскаго писателя немедленно увольняли ученика изъ гимназіи [7]), здѣсь нѣмецкая литература изучалась вполнѣ свободно.

Оберегая такъ казенныя заведенія отъ всякаго свободнаго дуновенія со стороны, ограждая ихъ, такъ сказать, тройной стѣной, задаваясь цѣлью дать соотвѣтствующее міровоззрѣніе каждому классу, правительство Николая I-го тѣмъ самымъ не могло оставить безъ

---

[1]) Въ 1840 г. Арх. М. Н. Пр. д. № 72394; к. 2702.

[2]) Начальн. IV окр. корп. жандармовъ.

[3]) Откуда можно заключать, что такія донесенія и наблюденія были и раньше.

[4]) Арх. М. Н. Пр. д. № 88359; к. 3087

[5]) Сборн. расп. т. 2-й, 270.

[6]) Сбор. пост. т. 2-й, 296.

[7]) Въ 1839 году два ученика Житомирской гимназіи были уволены за чтеніе драматическаго сочиненія подъ заглавіемъ: Powstancy w 1833 roku, przez Wrycha, и ученикъ Слуцкаго училища за чтеніе стихотвореній Мицкевича. Арх. М. Н. Пр. д. № 130379; к. 159.

усиленнаго надзора заведенія частныя и, даже больше, не могло быть къ нимъ благожелательнымъ.

И, дѣйствительно, воспользовавшись неблагопріятными слухами въ 1827 году, Министерство произвело тщательную ревизію частныхъ пансіоновъ. Донесенія ревизоровъ показали, что многіе иностранцы содержали пансіоны безъ дозволенія, что весьма многіе обучали, не имѣя нужнаго свидѣтельства, что въ пансіонахъ этихъ русская исторія и русскій языкъ были большей частью «въ великомъ небреженіи» [1]).

Вызвавъ рядъ спеціально направленныхъ противъ этихъ золъ мѣръ, главная изъ которыхъ была—распоряженіе о преподаваніи всѣхъ наукъ на русскомъ языкѣ,—ревизія эта послужила, такъ сказать, только началомъ всякаго рода распоряженій и узаконеній, направленныхъ къ стѣсненію частнаго обученія.

Въ развитіи этихъ стѣснительныхъ мѣръ имѣлъ, конечно, значеніе, дѣйствительно, невысокій уровень частныхъ пансіоновъ, вызвавшій къ себѣ такое осужденіе тогдашнихъ лучшихъ людей общества, что въ этомъ вопросѣ оказались единомышленными А. С. Шишковъ и А. С. Пушкинъ,—но несомнѣнно и то, что видную роль играло тутъ недовѣріе къ ихъ политической благонадежности.

Считая частные пансіоны только едва терпимымъ зломъ, которое мѣшало осуществленію идеи государственнаго обученія, Министерство Просвѣщенія связывало ихъ все туже и туже. Въ 1831 г. кн. Ливенъ сдѣлалъ, напримѣръ, распоряженіе по Петербургскому округу, чтобы ни одинъ пансіонъ не былъ открываемъ безъ согласія министра [2]), а въ 1835 году Уваровъ распространилъ эту мѣру на всю Россію, да еще прибавилъ, что и съ разрѣшенія министра открытіе частныхъ заведеній можетъ состояться только въ крайнемъ случаѣ [3]).

Въ 1834 году было положено штрафовать учителей, которые будутъ преподавать безъ установленныхъ свидѣтельствъ, и содержателей пансіоновъ, гдѣ такіе учителя окажутся [4]).

Положеніе о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, изданное 12 Января 1835 года, требовало отъ учредителей пансіоновъ не только установленныхъ свидѣтельствъ объ ихъ образованіи и самыхъ подробныхъ предположеній о типѣ заведенія и преподаваніи, но и

---

[1]) Арх. М. Н. Пр. д. № 39328.
[2]) Сборн. распор. т. 2-й, 383.
[3]) Сборн. постан. т. 2-й, 58.
[4]) Тамъ же, 349.

удостовѣренія въ ихъ добромъ поведеніи (пар. 2) и русскаго подданства (пар. 3) [1]).

Въ 1842 году было приказано строжайше наблюдать за исполненіемъ всѣхъ этихъ правилъ, нарушителей ихъ за первый разъ штрафовать, а за второй отправлять установленнымъ порядкомъ за-границу [2]). Въ 1846 году, кромѣ прежняго требованія всякихъ удостовѣреній отъ лицъ, открывающихъ пансіоны, приказано также требовать удостовѣренія и въ способностяхъ къ содержанію учебныхъ заведеній [3]).

Усложнивши, такимъ образомъ, условія открытія частныхъ учебныхъ заведеній, съ цѣлію препятствовать ихъ открытію, Министерство старалось, сколько могло, стѣснить и домашнихъ учителей. Въ 1834 году спеціальнымъ Высочайшимъ указомъ Сенату было строго воспрещено «принимать въ домы дворянъ, чиновниковъ и купцовъ иностранцевъ обоего пола, неполучившихъ аттестатовъ отъ русскихъ университетовъ на учительскія, наставническія и гувернерскія званія и неимѣющихъ требуемыхъ указомъ 12 Іюня 1831 г. свидѣтельствъ о нравственномъ поведеніи» [4]). А въ 1843 г. въ исполненіе воли Государя и изъ опасенія, что учителя иностранцы могутъ внести въ Россію нежелательный и опасный духъ, былъ на время совсѣмъ прекращенъ доступъ въ Россію иностранцамъ, желающимъ посвятить себя воспитанію юношества. Гувернеровъ-иностранцевъ, по мысли Николая, должны были замѣнить воспитанники главнаго педагогическаго института [5]).

Не сочувствуя и препятствуя частному обученію въ Россіи, правительство тѣмъ болѣе не могло смотрѣть равнодушно на обученіе за-границей. Еще въ 1831 году былъ изданъ указъ Сенату по этому поводу, въ которомъ Николай Павловичъ приказалъ слѣдующее: «1) Россійское юношество отъ 10 до 18 лѣтъ должно быть воспитываемо предпочтительно въ отечественныхъ заведеніяхъ, или хотя въ домахъ своихъ подъ надзоромъ родителей и опекуновъ, но всегда въ Россіи. 2) Изъятія изъ сего правила могутъ быть дѣлаемы единственно по какимъ-либо важнымъ причинамъ и никогда иначе, какъ съ Нашего разрѣшенія. 3) Юноши моложе 18 лѣтъ не могутъ быть отправляемы въ чужіе края для усовершенствованія въ наукахъ» [6]).

---

[1]) Сбор. распор., т. 2-й
[2]) Сбор. пост., т. 2-й, 140.
[3]) Сбор. распор., т. 2-й, 761.
[4]) Сбор. пост., т. 2-й, 310.
[5]) Тамъ же, 428.
[6]) Сбор. пост., т. 2-й, 156.

Стѣсняя, такимъ образомъ, всякое воспитаніе и среднее образованіе, кромѣ правительственнаго, Министерство избавляло свои гимназіи отъ конкуренціи и волей неволей заставляло помѣщать въ нихъ своихъ дѣтей всякаго, кому было нужно среднее или высшее образованіе.

Послѣдніе 5 лѣтъ царствованія Николая I-го прошли при Министрахъ Ширинскомъ-Шихматовѣ (1850—1853) и Норовѣ (съ 7 Апр. 53 г.). Неподготовленный къ этому трудному посту Ширинскій и безхарактерный Норовъ не могли внести что-либо новое въ учебный міръ и тѣмъ болѣе противостоять Николаю. Тонъ всему еще болѣе, чѣмъ прежде, давалъ самъ Государь. И въ эти послѣднія пять лѣтъ въ учебномъ мірѣ не только сохранились начала, проводившіяся Уваровымъ, — но въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ даже получили дальнѣйшее развитіе.

Изъ наиболѣе крупныхъ мѣропріятій, касавшихся всего строя гимназій, заслуживаетъ упоминанія: «Комитетъ для разсмотрѣнія постановленій и учрежденій по Министерству Народнаго Просвѣщенія» и новые учебные планы гимназій 1852 года.

Комитетъ этотъ, дѣйствовавшій на протяженіи 1850—52 г. г., т. е. въ самомъ концѣ царствованія, важенъ для насъ, какъ своего рода генеральный смотръ всѣмъ распоряженіямъ и мѣрамъ Министерства по учебному дѣлу за проходящее царствованіе, какъ переоцѣнка его цѣнностей, закончившійся въ общемъ новымъ ихъ одобреніемъ и санкціей.—Этимъ замѣчаніемъ мы о немъ и ограничимся, оставивъ подробный очеркъ его работъ для нашей исторіи гимназическаго образованія вообще.

Пока шла эта интересная для историка нашего средняго образованія, но все же больше теоретическая, работа Комитета, Николаемъ I совершенно по случайному поводу было положено начало новому практическому измѣненію въ учебныхъ планахъ гимназій.—Утверждая смѣту на 1852 годъ, представленную товарищемъ министра, А. С. Норовымъ, Государь запросилъ его чрезъ статсъ-секретаря Танѣева, что «не полагаетъ-ли онъ такъ же, какъ Его Величество, что преподаваніе греческаго языка во всѣхъ гимназіяхъ совсѣмъ лишнее? Его же Императорское Величество соизволилъ находить достаточнымъ оставить преподаваніе сего языка только въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, напримѣръ, въ Нѣжинѣ, Таганрогѣ, въ прочихъ же отмѣнить, и засимъ исключить изъ смѣты жалованье учителямъ греческаго языка въ упраздненныхъ мѣстахъ».

Изъ возбужденныхъ этимъ вопросомъ Государя соображеній и отвѣтовъ и выработался новый планъ 1852 года, раздѣлившій въ

учебномъ отношеніи гимназіи на три типа, изъ коихъ одинъ (съ курсомъ законовѣдѣнія) приготовлялъ будущихъ гражданскихъ чиновниковъ, другой, съ болѣе обширнымъ курсомъ математики и курсомъ естественныхъ наукъ, долженъ былъ приготовлять будущихъ военныхъ людей и естественниковъ, наконецъ, третій, съ латинскимъ языкомъ въ большемъ объемѣ и съ греческимъ, долженъ былъ готовить для университета классиковъ.

Практическая цѣль гимназій, постановленная въ 1849 г., въ общемъ оставалась и даже усиливалась, такъ что эти реформы очень часто соединяютъ, въ виду ихъ однородности.

Одновременно съ циркуляромъ о новомъ распредѣленіи предметовъ 52 года было разослано «наставленіе преподавателямъ русскаго языка и словесности въ гимназіяхъ С.-Петербургскаго округа» интересное тѣмъ, что въ немъ особенно сильно выдвигается цѣль гимназій, какъ заведеній самостоятельныхъ—приготовленіе къ жизни.

«Гимназія, какъ среднее учебное заведеніе,—говоритъ циркуляръ,—не только приготовляетъ нѣкоторыхъ изъ своихъ питомцевъ къ изученію высшихъ наукъ въ университетахъ, но многимъ изъ нихъ даетъ и окончательное образованіе, долженствующее служить всему, что необходимо образованному юношѣ для служенія Государю и Отечеству и для нуждъ частной жизни».

Выдѣленіе этой цѣли гимназій на первый планъ для правительства, старающагося всячески ограничивать число лицъ, кончающихъ университетъ, конечно, является вполнѣ послѣдовательнымъ.

Интересно, что въ упомянутомъ наставленіи рекомендуется изучать «исторію отечественной литературы, какъ часть исторіи отечественной образованности, умѣя цѣнить благодѣянія правительства, постоянно старающагося утвердить эту образованность на началахъ христіанской нравственности и своебытной народности». [1]).

Таковы были два наиболѣе крупныхъ явленія въ учебномъ мірѣ за послѣднія 5 лѣтъ царствованія Николая I. Что же касается общаго направленія учебной политики, то оно оставалось прежнимъ во всѣхъ своихъ пунктахъ, развѣ только, что становилось иногда интенсивнѣе. Постараемся дать здѣсь краткій его очеркъ.

Указаніе цѣли и способовъ преподаванія, что мы видѣли въ наставленіи учителямъ русскаго языка, не единственное. Въ томъ же самомъ году была сдѣлана соотвѣтствующая вылазка въ область русской исторіи. Относительно состоятельности Несторовой

---

[1]) Сбор. распор., т. 2-й, 102.

хронологіи возникли въ наукѣ разногласія. Кн. Ширинскій нашелъ необходимымъ вмѣшательство циркуляра въ пользу преп. Нестора и вошелъ по этому поводу съ докладомъ къ Государю. «Того же мнѣнія и Я, ибо такъ ученъ былъ въ свою молодость, и слишкомъ старъ, что-бы вѣрить другому» [1]), написалъ Николай, и этимъ вмѣшательствомъ ученый споръ, по крайней мѣрѣ, въ стѣнахъ нашей средней школы былъ рѣшенъ.

И въ это время такъ же, какъ и раньше, разныя практическія надобности служили поводомъ къ усложненію курса отдѣльныхъ гимназій.

На ряду съ этимъ внѣшняя военная выправка всѣхъ вообще учащихся въ гимназіяхъ получила еще большее значеніе. Впрочемъ, кн. Ширинскій-Шахматовъ, въ угоду Императору, и прежде всегда обращалъ на нее вниманіе.

Возвратившись послѣ осмотра гимназій въ 1850 году, онъ не нашелъ, напримѣръ, ничего болѣе важнаго и въ результатѣ поѣздки обратился къ попечителямъ съ циркуляромъ о желательной военной выправкѣ гимназистовъ [2]).

Циркуляръ этотъ невольно заставляетъ вспомнить Никитенко, говорившаго въ своемъ дневникѣ, что «быть солдатомъ, а не человѣкомъ—вотъ наше единственное назначеніе».

При этой внѣшней выправкѣ старались ввести такой-же порядокъ и также упростить и умственный міръ учащихся. При монополіи Министерства на учебники, когда, кажется, неприкосновенность ихъ и такъ уже была обезпечена, въ 1850 году нашли нужнымъ, кромѣ общей цензуры, подвергать учебники еще «особенному, самому внимательному и строгому разсмотрѣнію», для чего и образовался особый Комитетъ. [3]).

Всѣ прежнія ограниченія и въ центрѣ Россіи и на окраинахъ не только продолжали дѣйствовать, но къ нимъ прибавлялись еще и новыя. Въ 1850 году сдѣлано было распоряженіе, чтобы не принимали въ главный педагогическій институтъ уроженцевъ западныхъ губерній, кромѣ исповѣдающихъ православную вѣру, т.-е. уже сравнительно обрусѣвшихъ [4]), а въ 1852 году опять повторено распоряженіе о повышенной въ 1848 году платѣ за ученіе [5]).

Въ 1853 году кн. Ширинскій-Шихматовъ умеръ. Съ 7 Апрѣля

---

[1]) Сбор. пост., т. 2-й, 653.

[2]) Арх. М. Н. Пр. д. № 100956; к. 3363.

[3]) Сбор. пост. т. 2-й, 533. Въ 1852 и 54 г.г. существованіе его все еще продолжалось. Тамъ же 651, 637.

[4]) Сбор. расп. т. 2-й, 35.

[5]) Сбор. пост. т. 2-й, 105.

министромъ сталъ А. С. Норовъ, но обстоятельства были таковы, что и какой угодно министръ едва-ли бы что сдѣлалъ съ тенденціями властнаго Императора, который за все брался, а тѣмъ болѣе слабохарактерный и добрый Норовъ.

Единственнымъ измѣненіемъ, какое принесло его назначеніе, было усиленіе пріутихшей передъ этимъ дѣятельности Главнаго Правленія училищъ [1]).

Вообще, при усиливавшемся вліяніи реакціонно-настроеннаго Императора и всюду вмѣшивавшихся пяти отдѣленій его Канцеляріи, положеніе министра народнаго просвѣщенія, если бы онъ захотѣлъ преслѣдовать, дѣйствительно, просвѣтительныя, а не политическія цѣли, было бы очень трудно.

«Ни одинъ человѣкъ, глубоко и основательно мыслящій, не согласится теперь принять на себя званіе Министра Народнаго Просвѣщенія,—писалъ въ 53 году одинъ современникъ. Для этого надо имѣть колоссальную силу, какой у насъ никто не имѣетъ» [2]); и это правда, а вмѣстѣ и суровый приговоръ всей антп-образовательной политикѣ Министерства за время царствованія Николая I-го.

Какова была картина гимназіи, въ которой дѣйствовали указанные принципы, каково тамъ жилось, и какъ наши гимназіи за это время развивались—показать это—дѣло ихъ исторіи. Здѣсь же мы ограничимся замѣчаніемъ, что всѣ вышеизложенныя намѣренія и распоряженія правительства осуществлялись на практикѣ.

Обрусеніе на окраинахъ вызывало, напримѣръ, сокращеніе каникулъ (1835 г.), закрытыя учебныя заведенія, а за неимѣніемъ ихъ—общія квартиры и пансіоны съ русскими надзпрателями (1840 г.). Съ точки зрѣнія пригодности для обрусенія выбирались директоры, и это былъ центръ вниманія ревизоровъ [3]).

Бдительно насаждалась дисциплина. Въ отчетахъ ревизоровъ и попечителей всегда указывается на строгость или слабость надзора. Докладывалось министру, напримѣръ, о такой сравнительно мелочи, какъ замѣченная у нѣкоторыхъ воспитанниковъ небрежность въ одеждѣ [4]). Нарушеніе дисциплины, въ чемъ бы то ни было, считалось величайшимъ зломъ,—даже отъ учителей требовалась такая субординація, что, напримѣръ, учителю Уфимской ги-

---

[1]) Сбор. пост. т. 2-й,732.

[2]) Никитенко. 553.

[3]) Ревизія Протасова. Арх. М. Н. Пр. Бумаги Уварова № 13. Сборн. пост. т. 2-й, 28 (40 г.).

[4]) Отчетъ Москов. попеч. 1827 года. Арх. М. Н. Пр. д. № 20596; к. 305.

мназіи Бохановскому въ 1830 г. поставлено было въ вину, что онъ позволилъ себѣ безъ спроса у директора подарить ученику свою книгу. Сообщеніе объ этомъ включено въ донесеніе министру о безпорядкахъ въ Уфимской гимназіи [1]).

Проведеніе сословнаго начала въ гимназіи, можно сказать, удалось. Въ этомъ убѣждаетъ насъ какъ множество дворянскихъ пансіоновъ, такъ и преимущественно дворянскій составъ учащихся въ гимназіяхъ. У насъ нѣтъ здѣсь точныхъ цифровыхъ данныхъ о всѣхъ округахъ, но, думаемъ, достаточно краснорѣчивы и цифры, относительно Петербургскаго округа, приведенныя Вороновымъ.

Изъ нихъ видно, что въ 1853 году въ Петербургскомъ округѣ изъ 2.831 учащихся въ гимназіяхъ было 2.263 человѣка дворянъ [2]), т.-е. 80%.

Много было сдѣлано и для того, чтобы были школы, соотвѣтствующія каждому сословію и состоянію, гдѣ каждый нашелъ бы опредѣленный ему кругъ понятій.

Кромѣ уѣздныхъ училищъ, предназначенныхъ для мѣщанъ и мелкихъ купцовъ, кромѣ приходскихъ училищъ для крестьянъ и духовенства, у котораго еще раньше были свои школы, въ Николаевское царствованіе появились школы у каждаго вѣдомства. Военное имѣло кадетскіе корпуса, юнкерскія и другія спеціальныя для образованія офицеровъ и, кромѣ того, много школъ для кантонистовъ,— послѣднихъ въ одномъ Петербургѣ было 25.

У Морского Министерства были свои кадетскіе корпуса и свои школы кантонистовъ.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, помимо спеціальныхъ-медицинскихъ училищъ, имѣло еще училища для дѣтей канцелярскихъ служителей (въ 1834 году уже 34) и даже особыя отдѣленія при гимназіяхъ для приготовленія писцовъ.

Вѣдомство двора устраивало сельскія уѣздныя училища, вѣдомство горныхъ инженеровъ—заводскія школы [3]) и т. п. Однимъ словомъ, чуть не каждая ступень общественнаго положенія располагала своей школой.

Конечно, при такомъ увлеченіи сословностью пришлось забыть возглашенное въ началѣ царствованія единообразіе, какъ и многое другое.

Даже по сравненію съ прошлымъ царствованіемъ, когда только что устраивались гимназіи, этотъ періодъ слишкомъ бѣденъ пред-

---

[1]) Арх. М. Н. Пр. д. № 13425; к. 471.
[2]) Вороновъ. Ист. обозрѣніе Спб. округа 1829—1853 г., стр. 285.
[3]) Таблицы учебныхъ заведеній 1838 г.

писаніями и мѣрами чисто педагогическими, равно какъ мало объ этомъ говорятъ и отчеты послѣ ревизій.

Все вниманіе сосредоточивалось на томъ, чтобы создать «удобныхъ» и не опасныхъ для существующаго строя подданныхъ. Однако, несмотря на массу затраченной съ этой цѣлью энергіи, жизнь оказалась сильнѣе всѣхъ предписаній.

Учебная политика Николая I-го, какъ и все его царствованіе, оказалось ошибкой. «Возставая цѣлыхъ 29 лѣтъ противъ мысли, онъ не погасилъ ее, а сдѣлалъ оппозиціонной» [1]). При первомъ же лучѣ свѣта, освѣтившемъ немного Русь въ слѣдующее царствованіе, для всѣхъ, даже и для правительства, стала ясной невозможность такой учебной системы вообще и гимназій, въ частности,—и начата была новая ихъ реформа.

Царствованіе Александра II-го. Первая половина.

Послѣ смерти Николая I-го, съ воцареніемъ Александра II-го (19 февраля 1855 г.) сразу же стало дышать свободнѣе. Новое царствованіе принесло небывалую у насъ свободу мнѣній, повѣяло свѣжимъ духомъ, наступило общее оживленіе.

Несчастная Севастопольская Кампанія показала всѣмъ ясно несостоятельность сословно-рабскаго строя; необходимость коренныхъ реформъ сознавалась всѣми. Уязвленное самолюбіе искало причинъ позора и безъ труда въ числѣ ихъ находило отсутствіе образованія. На ряду съ общимъ оживленіемъ наступило и небывалое еще оживленіе педагогическое.

Въ 9 книжкѣ «Морского Сборника» за 1856 годъ появились «Вопросы жизни, отрывокъ изъ забытыхъ бумагъ, выведенныхъ въ свѣтъ неоффиціальными статьями Морского Сборника о воспитаніи» проф. Н. И Пирогова. Въ противоположность царившей въ Николаевское время мелкой сословно-профессіональной цѣли образованія, Пироговъ выдвинулъ вѣчную цѣль всякаго обученія—образованіе человѣка. Главная мысль статьи талантливо выражена Пироговымъ въ эпиграфѣ: «Къ чему вы готовите вашего сына?»—кто-то спросилъ меня. — Быть человѣкомъ,—отвѣчалъ я.—«Развѣ вы не знаете, сказалъ спросившій,—что людей собственно нѣтъ на свѣтѣ: это одно отвлеченіе, вовсе не нужное для нашего общества. Намъ необходимы негоціанты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди». Правда это или нѣтъ?—Отвѣтомъ на этотъ вопросъ и служатъ «Вопросы жизни».

Необходимость общечеловѣческаго воспитанія для всякаго пока-

[1]) Никитенко, т. II, 137.

зана была такъ ярко, вопросъ былъ выдвинутъ настолько талантливо и рѣзко, что «Вопросы жизни» сдѣлались настоящимъ событіемъ, ихъ основная мысль была подхвачена всѣми и стала лозунгомъ предстоящей школьной реформы, а самъ авторъ получилъ возможность осуществлять свои мысли на дѣлѣ.

Съ легкой руки Н. И. началось оживленное обсужденіе въ прессѣ и другихъ педагогическихъ вопросовъ. Ему же удалось, напримѣръ, поставить вопросъ о классическомъ и реальномъ образованіи, которому такъ и не суждено было окончиться чуть не до нашихъ дней. Самъ Пироговъ сталъ на сторону классицизма, связывая съ нимъ гуманитарное образованіе вообще, и нашелъ себѣ въ лицѣ властителя думъ тогдашняго учащагося юношества, Т. Н. Грановскаго, блестящаго союзника, а въ лицѣ К. Д. Ушинскаго талантливаго противника и поборника реальнаго образованія.

Оживленіе педагогическихъ интересовъ въ прессѣ и обществѣ захватило собой Министерство Народнаго Просвѣщенія и отразилось тамъ какъ въ приготовленіяхъ къ школьной реформѣ, такъ и непосредственно въ жизни учебныхъ заведеній.

Въ основѣ реформы и отдѣльныхъ распоряженій легла та-же охватившая все реакція противъ Николаевской политики и та-же гуманитарная цѣль образованія человѣка.

Въ отношеніи къ гимназіямъ дѣятельность Министерства такъ же проявлялась, какъ стремленіе къ пересозданію устава на новыхъ, чисто педагогическихъ началахъ и какъ желаніе, не дожидаясь новаго устава, осуществлять эти начала при всякомъ отдѣльномъ удобномъ случаѣ. По этой двойной дѣятельности Министерства очень удобно и раздѣлить очеркъ гимназій данной эпохи.

Подготовительныя работы къ новому уставу начались еще при А. С. Норовѣ (въ 1856 году), велись при его непосредственныхъ преемникахъ Е. П. Ковалевскомъ и гр. Е. В. Путятинѣ и закончились только въ 1864 году при А. В. Головнинѣ.

Излагать здѣсь подробно исторію гимназической реформы 1864 г. намъ нѣтъ никакой надобности, хотя она и очень любопытна.

Для нашей цѣли достаточно отмѣтить, что съ самаго-же начала она приняла оппозиціонный по отношенію къ Николаевскимъ мѣрамъ характеръ. Уже А. С. Норовъ въ своихъ предварительныхъ предположеніяхъ достаточно обнаружилъ это.

Считая цѣлью работъ Министерства приведеніе на будущее время въ ясность основныхъ началъ и окончательное устройство цѣлой системы народнаго образованія, Норовъ не только осудилъ, какъ вредное, соединеніе въ одномъ заведеніи общаго образованія со спеціальнымъ, но и высказался противъ самой Николаевской

школьной сѣти разъединенныхъ учебныхъ заведеній, подчиненныхъ всѣмъ вѣдомствамъ, настаивая на необходимости сосредоточенія всѣхъ общеобразовательныхъ заведеній въ Министерствѣ Просвѣщенія [1]).

А если припомнить, что Николаевская сѣть явилась результатомъ сословнаго разграниченія учащихся, то будетъ ясно, что докладъ Норова подкапывается подъ основную артерію школьной политики прошлаго царствованія.

На основѣ указаній Норова, одобренныхъ новымъ Императоромъ, въ февралѣ 1860 года появился первый проектъ новаго гимназическаго устава. Новый духъ его, по сравненію съ прошлымъ, виденъ съ перваго же разу. Это ясно уже изъ того, что цѣлью гимназій ставится общее образованіе, не осложняемое никакими профессіональными цѣлями, и что всякія сословныя, вѣроисповѣдныя и національныя ограниченія имъ уничтожаются.

Возникшій на чисто педагогической почвѣ, новый проектъ пошелъ необычнымъ и небывалымъ путемъ и, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, вмѣсто путешествія по разнымъ бюрократическимъ учрежденіямъ, онъ былъ отданъ на предварительное обсужденіе Педагогическихъ Совѣтовъ и опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе. Это было при Е. П. Ковалевскомъ.

Передѣланный по этимъ отзывамъ, онъ А. В. Головнинымъ снова былъ подвергнутъ обсужденію въ Россіи и за-границей и только послѣ учета всѣхъ этихъ указаній пошелъ чрезъ Государственный Совѣтъ на утвержденіе Высочайшей власти. Ясно, что послѣ такого пути, должно было явиться нѣчто значительное.

И, дѣйствительно, уставъ 1864 года выводилъ гимназіи на торную дорогу.

Гуманный характеръ, увеличеніе штатовъ и уже то одно, что въ основѣ его не лежало никакой чуждой образованію цѣли, высоко поднимало его надъ всѣми Николаевскими реформами. Предоставленіе самой жизни рѣшить кардинальный вопросъ о классической или реальной основѣ средняго образованія, выразившееся въ двоякомъ типѣ гимназій—тоже должно быть истолковано, какъ плюсъ.

Вообще эпоха всеобщаго либеральнаго воодушевленія, вызванная уничтоженіемъ русскаго историческаго грѣха, всколыхнула застоявшееся было болото средней школы. Хоть не надолго, да появился чисто просвѣтительный уставъ. И если-бы не вмѣшательство Д. А. Толстого съ его реформой, то, можетъ быть, жизнь и опредѣлила-бы тотъ искомый еще и теперь типъ средней школы, какой нуженъ намъ, русскимъ.

---

[1]) Сбор. пост. т. 3-й, 44.

Мы прослѣдили, хотя и очень кратко, какъ шло въ эпоху великихъ реформъ постепенное освобожденіе нашей средней школы въ законодательномъ порядкѣ. Это собственно дѣятельность Министерства по отношенію къ гимназіямъ пока чисто теоретическая, кабинетная: тамъ только готовилась реформа, которая должна была охватить всѣ стороны гимназической жизни и сообщить имъ новый духъ. Но было-бы очень странно, если-бы Министерство Народнаго Просвѣщенія, приготовлявшее рѣзко расходившійся со старымъ уставъ, въ это самое время не проводило отдѣльныхъ распоряженій и мѣропріятій, парализовавшихъ старое и являвшихся подготовкой къ новому. Въ этомъ отношеніи разсматриваемый нами періодъ очень удобно дѣлится на двѣ половины: а) управленіе Министерствомъ Норовымъ, Ковалевскимъ и Путятинымъ—время постепеннаго, хотя и не всегда послѣдовательнаго, освобожденія отъ Николаевской политики и б) управленіе А. В. Головнина—время преобразованій.

Въ началѣ царствованія чувствовался уже новый духъ, но слуги были старые. Министръ Просвѣщенія А. С. Норовъ перешелъ сюда изъ Николаевскаго царствованія, но при своей безыдейности и безхарактерности [1]) подчинился новому направленію, хотя, конечно, стать идейнымъ сторонникомъ реформъ не могъ. Преемники его — такой-же безхарактерный Е. П. Ковалевскій (23 марта 1858—61 гг.) и типичный отрывокъ отъ послѣднихъ лѣтъ Николая I-го, гр. Е. В. Путятинъ (съ 28 іюня по 25 декабря 1861 г.), тоже не могли создать рѣзко опредѣленнаго направленія. Если-же прибавить сюда еще колебанія въ настроеніи самого Александра II-го, характерно обозначенныя Валуевымъ: +—+ [2]), то будетъ совершенно ясно, почему ликвидація всего Николаевскаго въ учебномъ дѣлѣ вообще и гимназій, въ частности, идетъ впередъ не особенно твердо; впрочемъ, новыхъ распоряженій въ духѣ прежняго царствованія почти нѣтъ: неувѣренность и раздумье выражается только въ сохраненіи стараго строя.

Изъ всего матеріала за этотъ періодъ мы, напримѣръ, можемъ указать только одну Николаевскую мѣру, а именно, секретное предписаніе Норова попечителямъ отъ 1856 года о томъ, чтобы преподаватели, уволенные изъ одного вѣдомства, не принимались въ другое безъ предварительныхъ конфиденціальныхъ справокъ [3]). Всѣ-же остальныя свидѣтельствуютъ хотя о медленной, но въ общемъ неуклонной ликвидаціи прежняго школьнаго или, лучше, школьно-политическаго режима.

---

[1]) Никитенко, т. I, 554, 561, 567, 571, 577; т. II, 8, 10, 32 и др. стр.

[2]) Дневникъ его. „Вѣстникъ Европы". 1907 г. Январь, мартъ.

[3]) Арх. Мин. Нар. Просв. Канцел. министра, д. № 130543; к. 164.

Вотъ въ краткомъ видѣ обнаруженія этого новаго теченія. Въ 1855 году закрыты землемѣрные классы при Виленской и Минской гимназіяхъ [1]); въ дальнѣйшее время, если и допускались какія-либо отклоненія отъ гимназическаго курса, то по просьбѣ туземныхъ жителей, а не по какимъ-либо политическимъ соображеніямъ [2]).

Изъ области сословныхъ ограниченій въ 1859 году было отмѣнено распоряженіе о томъ, чтобы лицъ податного состоянія ни въ какомъ случаѣ не освобождать отъ платы за ученье и приказано руководиться, относительно ихъ, общими для всѣхъ вообще учащихся постановленіями [3]).

Въ 1857/8 годахъ показался нѣкоторый просвѣтъ и въ жизни частныхъ учебныхъ заведеній.—Въ 1857 году по ходатайству С.-Петербургскаго и Московскаго попечителей было разрѣшено открывать частныя заведенія, не ограничивая числа ихъ [4]), а въ слѣдующемъ году было предоставлено давать право на ихъ открытіе попечителямъ округовъ, тогда какъ раньше было необходимо разрѣшеніе министра [5]). Интересна мотивировка въ пользу первой мѣры въ журналахъ Главнаго Правленія училищъ: частныя учебныя заведенія, читаемъ тамъ, способствуя и благосостоянію содержимыхъ правительствомъ заведеній тщательнымъ приготовленіемъ въ оныя учащихся, въ то-же время имѣютъ важное значеніе для воспитанія въ дѣтскомъ возрастѣ, сохраняя въ значительной степени характеръ домашняго воспитанія, и, наконецъ, разрѣшеніе открывать вновь частные пансіоны и школы послужитъ къ улучшенію сихъ самыхъ заведеній, возбужденіемъ благороднаго соревнованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ устранитъ попытки принимать для обученія дѣтей безъ испрошенія на то, установленнымъ порядкомъ, дозволенія начальства [6]). Это, какъ видите, не только прямое признаніе, что прошлая политика Министерства по отношенію къ частнымъ заведеніямъ была ошибочна,—но и первое, за все время существованія Министерства, сознательное допущеніе конкуренціи съ казенными гимназіями.

Кромѣ всѣхъ этихъ отдѣльныхъ распоряженій, какъ главную особенность новаго времени, надо отмѣтить многія чисто педагогическія мѣры, вообще необычайныя и рѣдкія для Николаевскаго вре-

---

[1]) Сборн. пост. т. 3, 13.

[2]) Изъ такихъ отклоненій извѣстны, напримѣръ, введеніе англійскаго языка вмѣсто нѣмецкаго въ Иркутской гимназіи въ 1857 г. и преподаваніе естественныхъ наукъ въ II гимназіи. Сборн. пост. т. 3, 104 и 178.

[3]) Сборн. распор. т. 2, 337.

[4]) Сборн. пост. т. 3-й, 81.

[5]) Предложеніе С. С. Уварова отъ 7 дек. 1835 г.

[6]) Сбор. пост. т. 3-й, 81.

мени. Въ этомъ отношеніи, конечно, первое мѣсто принадлежитъ попечителю сначала Одесскаго (3 сен. 1856—18 іюля 1858 г.г.), потомъ Кіевскаго учебнаго округа (1853—13 марта 1861 г.), Н. И. Пирогову—этой первой ласточкѣ начинавшейся тогда въ учебномъ мірѣ весны.

Пирогову удавалось оставлять замѣтный слѣдъ даже и въ той области, гдѣ власть попечителя, казалось-бы, могла значить немного. Разумѣемъ его распоряженія, направленныя къ смягченію сословной замкнутости учебныхъ заведеній, раньше общихъ распоряженій по этому поводу. Изъ нихъ можно указать, напримѣръ, на дозволеніе, благодаря его ходатайству, принимать въ пансіонъ при Херсонской гимназіи дѣтей купцовъ 1-й гильдіи и почетныхъ гражданъ [1]) и солдатскихъ дѣтей въ уѣздныя училища [2]).

Областью, гдѣ была сознана въ данное время неправильность Николаевской политики, было еще приготовленіе учителей. Въ этомъ отношеніи полонъ интереса докладъ Главному Правленію Кіевскаго попечителя ст. с. Ребиндера, представленный имъ въ 1857 году. «Университеты,—писалъ онъ въ этомъ докладѣ,—не могутъ процвѣтать, если въ нихъ будутъ поступать молодые люди, недостаточно подготовленные для высшаго ученія въ среднихъ училищахъ-гимназіяхъ, но послѣднія, въ свою очередь, не въ состояніи доставить молодежи нужное для университета образованіе и развитіе, не имѣя сами вполнѣ образованныхъ учителей. Одно другимъ обусловливается; но какъ учителя образуются исключительно въ историко-филологическихъ и математическихъ факультетахъ, то прежде всего требуется, чтобы процвѣтали эти факультеты, иначе они будутъ производить одну посредственность. Справедливость этого замѣчанія подтверждается, по крайней мѣрѣ, по Кіевскому округу тѣмъ, что молодые люди, выпущенные изъ университета Св. Владимира до 1849 году, по образованію своему гораздо выше учителей, обучавшихся въ немъ позже подъ вліяніемъ направленія, даннаго университетамъ въ 49 году, съ цѣлью положить преграды общему и всестороннему образованію.

«Едва-ли благоразумно скрывать отъ молодыхъ людей многое, что невозможно препятствовать имъ узнавать другими путями, часто въ превратномъ видѣ. Тайна и запрещеніе подстрекаютъ только любопытство и окружаютъ скрываемые предметы призракомъ соблазна и очарованія.

«Замѣчаніе это, разумѣется, относится болѣе къ университетамъ,

---

[1]) Арх. М. Н. Пр. д. № 133496; к. 3749.

[2]) Арх. М. Н. Пр. д. № 133629; к. 3750.

откуда изгнаны не только философія и исторія философіи, но даже намеки на нѣкоторыя политико-экономическія системы [1]), несмотря на то, что несостоятельность послѣднихъ вполнѣ обнаружена временемъ и свободной отъ всякаго пристрастія и предубѣжденія критикой ученыхъ. Но и на гимназическомъ преподаваніи нынѣшняя система ограниченія преподаванія въ университетахъ историческихъ и словесныхъ наукъ отразилась неблагопріятно. Правительство, желая предупредить направленіе воспитанія въ духѣ современныхъ идей, замкнуло и гимназическое преподаваніе въ тѣсныя рамки сухихъ учебниковъ, сдѣлало его механическимъ, формальнымъ дѣломъ одной памяти, исключивъ изъ него совершенно участіе мыслящей способности. При такомъ способѣ ученія нельзя требовать умственнаго развитія гимназистовъ и ожидать успѣха отъ дальнѣйшаго научнаго образованія ихъ въ университетѣ, тѣмъ болѣе, что и тутъ обученіе приняло чисто школьный характеръ». Идеи Ребиндера оказались сознанными и другими. 22-го января 1860 года Главное Правленіе постановило возстановить философію въ университетахъ въ прежнихъ правахъ, и Государь 22-го февраля это утвердилъ [2]).

Вышеприведенными распоряженіями и мѣрами исчерпывался въ главныхъ чертахъ періодъ трехъ нерѣшительныхъ министровъ. Съ назначеніемъ А. В. Головнина (1861 г. 25-го декабря—1866), настаетъ время оживленной преобразовательной дѣятельности. Конечно, тутъ, кромѣ личности самого министра, очень много значилъ общій подъемъ, вызванный освобожденіемъ крестьянъ.

«Паденіе крѣпостного права знаменовало явный поворотъ исторіи Россіи рабской въ другую, противоположную сторону свободы. Если народная масса радовалась, непосредственно ощущая на себѣ духовныя и матеріальныя блага великаго законодательнаго акта 19-го февраля, то лучшая часть образованнаго общества сливалась въ общемъ восторгѣ съ народомъ, привѣтствовала въ освободительной хартіи упраздненіе застарѣлой вѣковой неправды и начало всеобщаго обновленія русской жизни во всѣхъ сферахъ и направленіяхъ. Значеніе крѣпостного права въ русской жизни, по общему признанію, было универсально; это право, или вѣрнѣе отрицаніе права, обусловливало всѣ стороны быта, начиная съ крупныхъ и кончая самыми мелкими. Оно было тормазомъ, рѣшительно препятствовавшимъ развитію Россіи. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права, Россія вступила въ новую эпоху развитія» [3]).

---

[1]) Въ это время философія была въ университетахъ, въ видѣ жалкихъ остатковъ логики и психологіи, въ рукахъ проф. богословія (Выс. пов. 1850 г.).

[2]) Арх. М. Н. Пр. д. № 123366; к. 3616.

[3]) Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ. Москва. 1900 г. 8 изд., стр. 114.

«Благодаря такому всеобъемлющему значенію крестьянской реформы, она сдѣлалась точкою отправленія для цѣлой системы послѣдующихъ реформъ» и не могла не отразиться и на мірѣ учебномъ. Даже больше. «Освобожденіе крестьянъ не только выдвинуло извѣстныя реформы, но и оказало прямое вліяніе на направленіе, въ которомъ онѣ были разрѣшены» [1]). Въ предыдущей главѣ мы видѣли, какой размахъ придало оно вмѣстѣ съ Головнинымъ въ области подготовки гимназическаго устава; теперь-же надо убѣдиться, каково было его вліяніе на непосредственно практическую дѣятельность Министерства за это время. Въ этой области придется констатировать многое и прежде всего оживленіе педагогической самодѣятельности и интереса въ педагогическомъ персоналѣ гимназій и другихъ заведеній.

По отношенію къ учащимся у новаго Министерства замѣтны тоже иные, чѣмъ прежде, взгляды; съ одной стороны, здѣсь допускается большая свобода, а съ другой—повышаются и предъявляемыя къ нимъ требованія. Такъ, напримѣръ, по докладу управляющаго Министерствомъ въ 1862 году воспитанникамъ гимназій было разрѣшено посѣщать И. П. библіотеку [2]) и имъ же самимъ было дважды подтверждено, чтобы выпускные, а потомъ и всѣ вообще экзамены производились съ надлежащею строгостію и даже рекомендовалось командировать для присутствія на экзаменахъ профессоровъ университетовъ [3]).

Если новое направленіе въ Министерствѣ сразу же отразилось на учебномъ и воспитательномъ дѣлѣ вообще, то тѣмъ болѣе это нужно сказать относительно пунктовъ, въ которыхъ Николаевская школьная система проявлялась особенно ярко, т.-е.—сословности обученія, благородныхъ пансіоновъ и частныхъ учебныхъ заведеній. Не дожидаясь отмѣны прежнихъ распоряженій закономъ въ уставѣ, Министерство старалось парализовать ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Въ гимназіи постепенно вводился всесословный элементъ: въ открытую, напримѣръ, въ 1861 году Новочеркасскую принимались «дѣти чиновниковъ и казаковъ безъ всякаго различія», и предоставлялась свобода обученія для дѣтей посторонняго вѣдомства [4]), а въ 1863 году вообще во всѣ гимназіи допущены кантонисты, уволенные изъ военнаго вѣдомства [5]) и сыновья исключенныхъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 117.

[2]) Сбор. пост. т. 3-й, 390.

[3]) Тамъ же, 504 и 648. Одно въ 1863 г., другое въ 1864 г.

[4]) Сбор. пост. т. 3-й, 314.

[5]) Тамъ же, 550.

придворныхъ служителей [1]); въ 1865 году были закрыты пятиклассныя дворянскія уѣздныя училища въ г.г. Оршѣ, Мстиславлѣ, Рогачевѣ, Лепелѣ и Полоцкѣ [2]). Однимъ словомъ, брешь, пробитая въ дворянско-сословной школѣ, мало-по-малу расширялась.

Эта неуклонно совершавшаяся эволюція въ пользу всесословности средняго образованія еще болѣе замѣтна на отношеніи Министерства къ пансіонамъ, бывшимъ въ прошлое царствованіе главнымъ оплотомъ дворянства. Въ 1862 году была даже попытка, прежде неудачная, покончить съ ними законодательнымъ путемъ. Если-же гдѣ обнаруживалось мѣстное теченіе противъ пансіоновъ, то учебное начальство вездѣ охотно шло ему навстрѣчу. Такъ, напримѣръ, закрыты были пансіоны при Минской и Гродненской гимназіяхъ въ 1862 году [3]), при Нѣжинской, Таганрогской—въ 1863 г. [4]), въ 1864 году—при Вологодской [5]) и т. д. Не были пощажены даже такія заведенія, какъ Пензенскій и Виленскій дворянскіе институты [6]). Упадку пансіоновъ, конечно, много способствовало измѣнившееся, съ освобожденіемъ крестьянъ, матеріальное положеніе дворянства, но и правительство этому помогало, отказывая имъ въ поддержкѣ и идя навстрѣчу ихъ разрушенію, что было бы немыслимо прежде.

Въ отношеніи къ частнымъ заведеніямъ А. В. Головнинъ продолжалъ начатую его предшественниками политику раскрѣпощенія. Въ одномъ 1862 году съ его разрѣшенія возникли вновь, или превратились изъ низшихъ училищъ, три частныхъ гимназіи (Стоюнина, Видемана и Цинкаловскаго) [7]); въ 1864 году появилась 7-классная гимназія Шакѣева [8]), а въ 1865 г.—Мая [9]).

Допуская конкуренцію съ казенными гимназіями частныхъ учебныхъ заведеній, Министерство Головнина впервые допустило и конкуренцію учебниковъ. Монополія Министерства въ этомъ отношеніи была признана уже излишней и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже вредной. 27 февраля 1864 года было Высочайше разрѣшено Министерству ликвидировать издательское дѣло (т.-е. сложить съ учеб-

---

[1]) Тамъ же, 554.

[2]) Сборн. пост. т. 4-й, 69.

[3]) Сбор. пост. т. 3-й, 450.

[4]) Тамъ же, 487 и 527.

[5]) Арх. М. Н. Пр. д. № 146290; к. 3095.

[6]) Сбор. пост. т. 3-й, 536, 555 и 560. Пензенскій—по недостатку средствъ, Виленскій—по той-же причинѣ и вслѣдствіе политическихъ смутъ.

[7]) Сборн. пост. т. 3, 415, 439 и 457.

[8]) Тамъ-же, 582.

[9]) Тамъ-же, т. 4, 80.

ныхъ заведеній числящіяся недоимки, остатки учебниковъ изъ магазина Министерства разослать по учебнымъ заведеніямъ) и предоставить снабженіе казенныхъ заведеній учебными книгами и пособіями книгопродавцамъ, безъ производства, какой-бы то ни было, переписки съ департаментомъ. Издавать учебники, представлявшіе раньше собственность Министерства Просвѣщенія, съ этого времени могли всѣ желающіе [1]). На составленіе учебниковъ для гимназій по естественнымъ наукамъ, химіи и физикѣ, былъ объявленъ конкурсъ [2]).

Такимъ образомъ, дѣло продажи учебниковъ было всецѣло предоставлено свободной конкуренціи книгопродавцевъ и издателей. Министерство перестало навязывать свои учебники; оно съ этого времени стало только разсматривать издаваемые вновь учебники въ Уч. Комитетѣ и публиковать отзывы послѣдняго во всеобщее свѣдѣніе. Принятіе или непринятіе этихъ руководствъ зависѣло отъ попечительскихъ, педагогическихъ совѣтовъ и начальства учебныхъ заведеній.

Поставивъ цѣлью средней школы только образованіе, изгнавъ въ новомъ уставѣ и раньше того ослабивъ на практикѣ внесенные Николаевскимъ царствованіемъ политическіе мотивы, въ чемъ, несомнѣнно, главная заслуга даннаго періода, Министерство Головнина на окраинахъ продолжало, однако, прежнюю обрусительную политику.

Интересенъ въ этомъ отношеніи циркуляръ, разосланный въ 1865 году директорамъ западныхъ гимназій попечителемъ Кіевскаго округа. «Въ настоящее время,—читаемъ тамъ,—когда по всѣмъ частямъ управленія Юго-Западнымъ краемъ принимаются мѣры для гражданскаго и общественнаго развитія этого края, въ духѣ и интересахъ русской народности, нельзя не сознавать всей важности и необходимости мѣръ по части учебной. Школа, существующая въ краѣ, который и по происхожденію господствующаго въ немъ населенія, и по своей исторіи, и по своему настоящему политическому положенію есть край русскій, не только не должна дѣлать въ своихъ правахъ и обычаяхъ никакихъ уступокъ въ пользу меньшинства жителей, считающихъ себя поляками, но, напротивъ, должно прямо и сознательно въ своихъ мѣрахъ и распоряженіяхъ стремиться къ тому, чтобы съ своей стороны содѣйствовать правительству, въ дѣлѣ упроченія въ этомъ краѣ торжества русскихъ интересовъ и русской народности» [3]).

Для этой цѣли рекомендовалось даже Законъ Божій римско-

---

[1]) Обзоръ дѣят. М. Н. Пр. за 1862—64 гг., стр. 19.

[2]) Сборн. распор. т. 3, 45 (1865 годъ).

[3]) Арх. М. Н. Пр. д. № 146571; к. 3105.

католическаго исповѣданія преподавать на русскомъ языкѣ, въ сношеніяхъ съ родителями употреблять русскій языкъ, смотрѣть за учениками, чтобы они въ гимназіи и дома говорили по-русски, на выпускныхъ экзаменахъ главное вниманіе обращать на русскій языкъ, слѣдить, чтобы квартирные хозяева были русскіе и т. п. [1]).

Не менѣе сильно проявлялась обрусительная политика въ Литвѣ и Польшѣ. Тамъ примѣнялись всѣ указанныя мѣры, и особенно бдительно слѣдилось за тѣмъ, чтобы поляки не проникали въ учителя.

«Смотря на поляковъ Западнаго края,—писалъ въ 1864 году (Корниловъ) Виленскій попечитель А. В. Головнину,—какъ на людей почти исключительно враждебныхъ правительству и не сочувствующихъ русскимъ интересамъ, главный начальникъ края признаетъ опаснымъ выдвигать ихъ при содѣйствіи гимназической службы и общественной, а главно воспитательной дѣятельности, особенно въ настоящее время. Онъ признаетъ необходимымъ опереться въ здѣшнемъ краѣ на одинъ лишь народъ, православное духовенство и русскую администрацію» [2]).

Дѣйствительно, какъ видно изъ указаннаго дѣла, гимназіи въ уѣздныхъ городахъ Западнаго края только тамъ и были оставлены, гдѣ находилось это полезнымъ или допустимымъ въ политическомъ смыслѣ.

Указанная политика въ Западномъ краѣ вызывалась общегосударственными соображеніями и политическими событіями въ краѣ и потому не можетъ быть поставлена въ укоръ именно Министерству А. В. Головнина, представляющему въ исторіи нашихъ гимназій наиболѣе свѣтлую страницу.

Министерство Толстого-Делянова.

Съ назначеніемъ министромъ народнаго просвѣщенія Д. А. Толстого начинается новый, очень длинный и темный періодъ въ исторіи нашихъ гимназій, какъ и въ исторіи просвѣщенія вообще.

Короткое время просвѣта, когда на гимназіи смотрѣли только, какъ на просвѣтительныя заведенія, съ наступленіемъ реакціи кончилось. На школу опять была возложена тенденціозно-политическая миссія. Д. А. Толстому вмѣстѣ съ его сначала сподвижникомъ, а потомъ и преемникомъ, И. Д. Деляновымъ, за ихъ долгое управленіе Министерствомъ пришлось сыграть плохую службу русскому просвѣщенію. Оба они, несмотря на сильное различіе въ характе-

[1]) Тамъ-же.

[2]) Арх. М. Н. Пр. д. № 146138; к. 3097.

рахъ, благодаря той исторической преемственности, въ какую поставила ихъ жизнь, оказались тормазами просвѣщенія.

Что касается Д. А. Толстого, съ которымъ сначала намъ придется имѣть дѣло, то онъ, за все время управленія русскими школами, гораздо болѣе былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а пожалуй даже шефомъ жандармовъ, чѣмъ министромъ просвѣщенія.

Образованіе, какъ таковое, онъ все время считалъ своимъ врагомъ и боролся съ нимъ, не жалѣя силъ и не разбирая средствъ [1]).

Сдѣлавшись министромъ, такой человѣкъ не могъ быть довольнымъ уставомъ гимназій 19 ноября 1864 г., и, дѣйствительно, съ 1-го же года своего управленія онъ началъ дѣло объ его измѣненіи. Но, пока тянулись подготовительныя работы, ему приходилось все таки продолжать введеніе въ дѣйствіе Головнинскаго устава.— Безъ комментаріевъ ясно, въ какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ оказался упомянутый уставъ. Не раздѣляя многихъ его положеній, Толстой, получивъ въ руки исполнительную власть, постарался парализовать все, что ему не нравилось.

На самыхъ же первыхъ порахъ опредѣлились симпатіи новаго Министерства. Онѣ были на сторонѣ: 1) безусловнаго преобладанія классическаго типа средней школы; 2) точной регламентаціи учебныхъ плановъ и программъ и 3) на сторонѣ установленія тѣсной связи между образовательной и воспитательной функціями средней школы, путемъ сохраненія и дальнѣйшаго развитія пансіоновъ. Все, какъ видите, прямо въ разрѣзъ съ прошлымъ Министерствомъ.

Эти три опредѣленныя тенденціи Толстого и должны были лечь въ основу задуманной имъ реформы.

Подготовительныя работы къ измѣненію устава гимназій 19 ноября 1864 года начались съ осени же 1866 года, когда были запрошены мнѣнія попечителей о его недостаткахъ. Съ самаго начала и до конца онѣ шли бюрократическимъ путемъ, безъ всякой даже тѣни гласности. Вмѣсто прессы и всевозможныхъ ученыхъ и публицистовъ, привлеченныхъ къ участію въ реформѣ учебныхъ заведеній Головнинымъ, здѣсь встали единомышленники и вдохновители Толстого — Леонтьевъ и Катковъ,—а вмѣсто всякихъ педагогическихъ совѣтовъ университетовъ и гимназій—проф. Георгіевскій [2]).

---

[1]) Къ характеристикѣ его можно кратко указать на слѣдующіе два факта: въ 1869 году онъ не придалъ никакого значенія и не повѣрилъ жалобѣ на обременительность гимназическаго курса для учащихся, несмотря на то, что она была подписана видными лицами и подтверждена С.-Петербургскимъ попечителемъ (Арх. М. Н. Пр. д. № 153797; к. 3825),—а анонимному доносу на директора Вятской гимназіи далъ ходъ (Арх. М. Н. Пр. д. № 153415; к. 3136).

[2]) Участіе послѣдняго въ составленіи и проведеніи новаго устава гро

Даже соображенія попечителей и ихъ совѣтовъ требовались какъ будто для формы: отъ нихъ потребовали только мнѣніе о недостаткахъ вводившагося еще устава, и дальше они ничего не знали,— все происходило въ стѣнахъ Министерской Канцеляріи.

Обезопасивъ себя отъ всякаго вліянія извнѣ, Толстой предложилъ собранные отъ попечителей матеріалы на обсужденіе Ученаго Комитета и Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія, предварительно усиливъ ихъ нужными ему людьми, въ лицѣ академика П. Л. Чебышева, Л. М. Леонтьева, А. И. Георгіевскаго и А. П. Серно-Соловьевича.

Въ результатѣ совѣщаній, какъ и слѣдовало ожидать, было постановлено: реальныя гимназіи въ ихъ тепершнемъ видѣ—уничтожить, оставивъ только одинъ типъ гимназій классическихъ, преподаваніе въ нихъ древнихъ языковъ усилить, уменьшить число учебныхъ часовъ по русскому языку и словесности, по математикѣ и физикѣ, по чистописанію и черченію; изъ новыхъ языковъ сдѣлать обязательнымъ одинъ, рисованіе отмѣнить [1]).

Всѣ ограниченія относительно пансіоновъ, конечно, отмѣнялись.

Объ имѣющихъ открыться реальныхъ училищахъ говорилось, что они «имѣютъ цѣлью доставлять учащемуся въ нихъ юношеству образованіе, непосредственно приспособленное къ практическимъ занятіямъ торговлей и различными отраслями промышленности». Выхода въ университетъ они не имѣютъ [2]).

Эти заключенія Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія въ 1870 г. (26 марта) поступили въ особую комиссію, составленную частію изъ членовъ Государственнаго Совѣта, частію изъ лицъ, выбранныхъ Толстымъ [3]), и, послѣ одобренія ихъ со стороны послѣдней, они представлены были въ Государственный Совѣтъ [4]), какъ проектъ измѣненій въ гимназическомъ уставѣ 19 ноября 1864 года.

По основному вопросу — должны-ли существовать на ряду съ классическими реальныя гимназіи съ выходомъ въ университетъ — и въ особомъ присутствіи, и въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта вышло раздѣленіе.

мадно: всякую бумагу, откуда-бы она не исходила, Толстой отправлялъ сначала на соображеніе Георгіевскаго, и большинство докладовъ въ черновомъ видѣ написано его рукой.

[1]) Деп. Н. Пр. д. № 153783, ч. 1-ая; к. 3823.

[2]) Деп. Н. Пр. д. № 153783, ч. 1-ая; к. 3823.

[3]) Сбор. пост. т. IV, 536.

[4]) 27 февраля 1871 г.

6 членовъ особаго присутствія противъ 8 — стали противъ гр. Толстого, на почвѣ Головнинскаго устава [1]).

Въ такомъ своемъ видѣ, т.-е. при двухъ предположеніяхъ, почти исключающихъ другъ друга, журналъ особаго присутствія поступилъ въ общее собраніе, и тамъ предположенія Толстого и 8 членовъ были отклонены большинствомъ 29-ти противъ 19-ти [2]).

Оставшись, такимъ образомъ, въ меньшинствѣ, толстовская партія, несмотря на сочувствіе такихъ лицъ, какъ Цесаревичъ, великій князь Константинъ Николаевичъ, Принцъ Ольденбургскій и гр. Строгановъ, не была увѣрена въ исходѣ борьбы и потому пустила въ ходъ всѣ закулисныя средства. Такъ, напримѣръ, гр. С. Строгановъ, пользуясь своимъ вліяніемъ, чрезъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, великаго князя Константина Николаевича, параллельно съ общимъ докладомъ представилъ Императору Александру II свою конфиденціальную записку. Въ запискѣ этой онъ, указавъ на положеніе дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ и изложивъ кратко доводы въ пользу меньшинства, между прочимъ, писалъ: «Сознавая всю важность поднятаго въ Государственномъ Совѣтѣ вопроса, я рѣшаюсь обратить вниманіе Вашего Императорскаго Величества на журналъ общаго собранія, въ надеждѣ, что просвѣщеніе въ Россіи не подвергнется во второй разъ съ 50-хъ годовъ колебаніямъ, за которыми повторятся и печальныя явленія среди нашего поколѣнія. Не могу не остановить вниманія Вашего Величества еще на одномъ обстоятельствѣ—это невозможность для гр. Толстого оставаться во главѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, если ему суждено будетъ приводить въ исполненіе проектъ, противный его убѣжденіямъ и системѣ общаго образованія, зрѣло обдуманной, и отъ которой зависитъ участь цѣлыхъ поколѣній».

Государь на письмѣ великаго князя Константина Николаевича написалъ: «Я утвердилъ мнѣніе меньшинства, безъ всякаго измѣненія» [3]), а на журналѣ Государственнаго Совѣта: «Исполнить, по мнѣнію 19 членовъ». 6—18 іюня 1871 г. въ Эмсѣ [4]).

26-го іюня 1871 г. Толстой оповѣстилъ уже всѣхъ попечителей

---

[1]) Арх. Госуд. Совѣта. Журн. особ. присут. Г. С. 1, 8, 12, 16 и 23 апр. 71 г. № 1.

[2]) Арх. Г. С. Журн. Общ. Собр. 15 мая 1871 г.

[3]) Письма Строганова, великаго князя и собственноручная помѣтка Государя лежатъ въ Архивѣ Гос. Совѣта при дѣлѣ о реформѣ гимназій 71 года въ особомъ конвертѣ съ надписью: „секретныя бумаги“. Конвертъ этотъ былъ раньше запечатанъ, и только фонъ-Плеве, въ бытность его Государственнымъ Секретаремъ, вскрылъ конвертъ и приказалъ больше не запечатывать.

[4]) Арх. Гос. Совѣта. Исторія. Особ. часть. 1871 г.

о своей побѣдѣ особымъ циркуляромъ [1]). 30-го-же іюля 1871 года и на измѣненномъ, согласно мнѣнію Толстого и 19-ти, новомъ уставѣ гимназій появилось «Быть по сему». Наша гимназія стала исключительно классической.

Физіономію гимназіи 71 года, ея преимущественно грамматическій характеръ всѣ отлично знаютъ. Многіе также понимаютъ и то, что не одна любовь къ классицизму руководила Толстымъ.

Далеко не малымъ стимуломъ было тутъ желаніе воспитать благонадежное поколѣніе. Грамматическій матеріалъ, какъ совершенно безыдейный, не очень простой, слѣдовательно отнимающій время — и легко поддающійся контролю, конечно, былъ находкой. Отсюда его усиленіе. Отсюда и сокращеніе другихъ общеобразовательныхъ, непосредственно-просвѣщающихъ предметовъ. Эти мотивы Толстого не скрыты и въ его докладѣ Государственному Совѣту.

Тамъ онъ говоритъ, напримѣръ, что «матеріалъ обученія можетъ быть таковъ, что онъ или дѣйствуетъ на всѣ стороны человѣческаго духа, облагораживая его и возвышая (таковымъ именно оказывается изученіе классическихъ языковъ и ихъ литературы), или же онъ развиваетъ учащихся односторонне и, не оказывая вліянія ни на ихъ нравственное, ни на ихъ эстетическое образованіе, привлекаетъ ихъ вниманіе исключительно и преждевременно или къ вопросамъ политическимъ и соціальнымъ (таково, безъ сомнѣнія, вліяніе курса законовѣдѣнія), или же къ вопросамъ міра матеріальнаго (курсъ естествознанія). Наконецъ, при обученіи древнимъ языкамъ такъ же, какъ отчасти и математикѣ, вся совокупность познаній учениковъ подлежитъ непрерывной и почти безошибочной провѣркѣ, препятствующей развитію въ ученикахъ самомнѣнія, тогда какъ надлежащее пониманіе учениками преподаннаго имъ изъ всѣхъ другихъ наукъ, особенно же изъ естествознанія, почти уходитъ изъ подъ учительскаго контроля, почему здѣсь и возможно, съ одной стороны, развитіе крайняго самомнѣнія, а съ другой—самыхъ превратныхъ воззрѣній».

Здѣсь ясно чувствуется опасеніе, чтобы изъ гимназій не выходили люди со вкусомъ къ политикѣ. Тѣ-же соображенія скрываются и за рекомендаціей Толстого при изложеніи исторіи избѣгать подробностей, а равно и «общихъ отвлеченныхъ воззрѣній, большею частію превратно понимаемыхъ незрѣлыми молодыми людьми».

Одержавъ эту побѣду, Толстой захотѣлъ поскорѣй закрѣпить ее и въ другой области и потому въ 71-же году представилъ свой проектъ реальныхъ училищъ со спеціальной технической окраской.

---

[1]) Арх. М. Н. Пр. д. № 153783.

Оставшійся въ меньшинствѣ въ Государственномъ Совѣтѣ [1]), такъ же, какъ и уставъ гимназій, проектъ Толстого все-же былъ 15 мая 1872 года Высочайше утвержденъ. Гимназическая реформа гр. Толстого, такимъ образомъ, была вполнѣ обезпечена.

Говоримъ—гимназическая потому, что наличность общей системы во всѣхъ этихъ отдѣльныхъ проектахъ у Толстого несомнѣнна, равно какъ несомнѣнно и служебное положеніе въ ней реальныхъ училищъ. Въ этомъ убѣдится всякій, кто захочетъ обратить вниманіе на положеніе общеобразовательныхъ предметовъ въ курсѣ реальныхъ училищъ 1872 года и на ихъ права.—Будучи по состоянію общеобразовательныхъ элементовъ средними школами весьма низкой пробы и давая очень ограниченный выходъ—реальныя училища, по мысли Толстого, должны были незамѣтно удерживать среднія сословія въ соотвѣтствующихъ имъ рамкахъ.

Намъ нѣтъ нужды теоретически подробно доказывать существованіе этой мысли у гр. Толстого, такъ какъ мы имѣемъ возможность подтвердить это документально.

Гр. Толстой въ докладѣ о преобразованіи 3 классическихъ гимназій и 2-хъ прогимназій Варшавскаго округа [2]) въ реальныя, между прочимъ, писалъ: «Польза этого преобразованія заключается въ томъ, что съ увеличеніемъ числа реальныхъ гимназій въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, съ прекращеніемъ въ нихъ наравнѣ съ реальными заведеніями, существующими въ другихъ округахъ Имперіи, преподаванія латинскаго языка и съ лишеніемъ по сему воспитанниковъ права поступленія въ университеты, обратитъ значительную часть населенія края къ полезной технической дѣятельности. Вслѣдствіе сего учащимся затрудненъ будетъ доступъ какъ въ университеты Имперіи, въ коихъ признано уже и такъ необходимымъ ограничить число студентовъ изъ польскихъ уроженцевъ, такъ и въ будущій Варшавскій университетъ, что весьма важно, въ видахъ предупрежденія слишкомъ большого накопленія въ немъ студентовъ, которое могло бы имѣть весьма вредныя для преуспѣянія университета послѣдствія» [3]).

Трудно яснѣе выказать свою настоящую мысль. Если вспомнить всегдашнее отношеніе русскаго общества къ классицизму (который, кстати, никогда не стоялъ въ нашихъ гимназіяхъ на над-

---

[1]) Въ данномъ случаѣ даже въ гораздо большей степени: въ особомъ присутствіи въ меньшинствѣ 6 противъ 9 и въ общемъ собраніи—19 противъ 27 членовъ. Арх. Гос. Сов. Ж. 3. Апр. 1872 г.

[2]) Гимназіи: 3 и 4 Варшавскую и Люблинскую; прогимназіи: Сандомирскую и Пултусскую.

[3]) Арх. М. Н. Пр. д. № 153752; ак. 3822.

лежащей высотѣ), или хотя-бы большинство замѣчаній на Головнинскій проектъ, то будетъ вполнѣ понятно, почему Толстовскій уставъ гимназій былъ встрѣченъ всѣмъ и всѣми крайне недружелюбно.

Не говоря уже о дружномъ негодованіи всей прессы, кромѣ Каткова [1]), общественное неудовольствіе по поводу реформы прорывалось вездѣ.—На земскихъ собраніяхъ говорились рѣчи, въ которыхъ жаловались «на классическій кошмаръ, который давитъ и сушитъ учениковъ» [2]); сами преподаватели гимназій ставили печатно вопросъ: «Законно-ли не допускать учениковъ въ университетъ за двѣ или за три грамматическія ошибки», и рѣшили его отрицательно [3]); всякая удачная выходка противъ классицизма подхватывалась публикой и приводила ее въ восторгъ. Въ Москвѣ, напримѣръ, въ Маломъ театрѣ куплетъ:

„У насъ сильное вниманіе
На одно обращено:
Чтобы наше воспитаніе
Ведено было умно.
И теперь ужъ есть надежда,
Что чрезъ нѣсколько годовъ,
Выйдутъ круглые невѣжды
Изъ классическихъ головъ“...

вызываетъ такой неистовый восторгъ публики, что по этому поводу возникаетъ цѣлое дѣло, и Императорскому театру приказываютъ куплетъ этотъ снять [4]).

Такъ дружно и рѣзко выраженное неудовольствіе гимназической реформой не произвело, однако, желаемаго дѣйствія на ея автора. Совсѣмъ не въ духѣ Толстого было считаться съ общественнымъ мнѣніемъ. Онъ противопоставлялъ нападкамъ однѣ только репрессіи, гдѣ это было возможно, и продолжалъ послѣдовательно упрочивать свою систему.

Отстоявъ чистый классическій типъ средней школы въ своемъ Министерствѣ, Толстой заботился о томъ, чтобы и среднія школы другихъ вѣдомствъ не отличались отъ него рѣзко. Съ этою цѣлью въ 1873 году было произведено со стороны Министерства Народ-

---

[1]) Особенно сильные нападки на проектъ и вообще на Толстовскую реформу были въ „Голосѣ“ и „Спб. Вѣдомостяхъ“. Противъ нихъ возбуждалось министромъ даже преслѣдованіе. Арх. М. Н. Пр. д. № 153783.

[2]) Арх. М. Н. Пр. д. № 154710; к. 3863. Дѣло объ этой рѣчи.

[3]) Напр., статья преп. 2-й М. г. Скандовскаго, „Голосъ“ 1872 года, № 162. Арх. М. Н. Пр. д. № 155581; к. 3880.

[4]) Оперетка „Чайный цвѣтокъ“. Дѣло объ этомъ Арх. М. Н. Пр. д. № 155554; к. 3879.

наго Просвѣщенія давленіе на духовное начальство, чтобы побудить его къ скорѣйшему уравненію общеобразовательнаго курса духовныхъ семинарій и училищъ, по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшихъ предметахъ (т.-е. классическихъ!) съ курсомъ гимназій [1]). Уставъ духовныхъ семинарій 1884 года, какъ извѣстно, исполнилъ это желаніе.

Упрочивъ классическую систему въ гимназіи и лишивъ ее всякой конкуренціи, чтобы обществу не осталось даже возможности сравненія, Толстой, за весь длинный періодъ своего управленія Министерствомъ, сдѣлалъ дальше только одно существенное нововведеніе,—разумѣемъ учрежденіе VIII класса въ 1875 году, который замѣнилъ собой второй годъ VII класса по уставу 1871 года [2]).

Также мало законодательныхъ измѣненій дѣлали и его преемники, или собственно И. Д. Деляновъ (1882—1897), — такъ какъ Сабуровъ (24-го апрѣля 1880—21-го марта 1881 г.) и баронъ Николаи (24-го марта 1881—16-го марта 1882 г.) управляли Министерствомъ слишкомъ краткое время. Всѣ измѣненія въ школьномъ законодательствѣ, собственно, исчерпывались разрѣшеніемъ, выхлопотаннымъ бар. Николаи, открывать реальныя училища въ 4-классномъ составѣ [3]) и новыми учебными планами реальныхъ училищъ и гимназій при Деляновѣ въ 1888 и 1890 годахъ.

Новый планъ реальныхъ училищъ представляетъ изъ себя не что иное, какъ вынужденное самой жизнью, хотя все еще неясное для новыхъ реформаторовъ, признаніе истинности положенія А. В. Головнина въ его отдѣльномъ мнѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ о томъ, что соединеніе въ одномъ заведеніи общеобразовательнаго и спеціальнаго курса ненормально и вредно, потому что такія заведенія плохо обслуживаютъ и ту, и другую свою цѣль.

Присматриваясь къ этимъ новымъ перемѣнамъ въ уставѣ реальныхъ училищъ, получаешь впечатлѣніе какой-то половинчатости. Съ одной стороны, самъ министръ замѣчаетъ, что техническія отдѣленія съ большею пользою могутъ быть замѣнены средними техническими заведеніями, но съ другой—тутъ-же сохраняетъ на будущее время отдѣленія коммерческія; съ одной стороны, увеличивается общеобразовательный курсъ, а съ другой—попрежнему кончившимъ реальныя училища не дается доступа въ университетъ и даже затрудняется доступъ въ спеціальныя высшія училища, такъ какъ дополнительный VII классъ сохраняется только при нѣкоторыхъ училищахъ. Та-

---

[1]) Сбор. распор. т. V, 271.
[2]) Сбор. пост. т. VI, 232.
[3]) Сбор. пост. т. VIII, 10.

кая реформа понятна лишь при допущеніи мысли, что проводящее ее правительство неблагосклонно относится къ высшему образованію и потому, путемъ устройства такихъ безправныхъ училищъ, хочетъ его сузить.

Учебный строй гимназій подвергся измѣненію только въ 1890 году, т.-е. чрезъ 19 лѣтъ послѣ Толстовской реформы. И. Д. Деляновъ, будучи такимъ же, какъ и Толстой, сторонникомъ классическаго образованія, былъ вынужденъ приступить къ измѣненію плановъ гимназій, такъ какъ увидѣлъ, что Толстовская гимназія своими слабыми успѣхами, даже въ древнихъ языкахъ, подрываетъ престижъ классической системы. «Я не могу,—говорилъ онъ въ представленіи Государственному Совѣту въ 1889 году,—умолчать о нѣкоторыхъ, обнаружившихся за эти 18 лѣтъ (1871—89 г.), неправильностяхъ и нѣкоторой односторонности въ примѣненіи распоряженій Министерства Народнаго Просвѣщенія по учебной части, что отразилось неблагопріятно на успѣхѣ преподаванія отдѣльныхъ предметовъ. Такъ, напримѣръ, въ преподаваніи древнихъ языковъ, говоря вообще, возобладало до нѣкоторой степени одностороннее грамматическое направленіе, такъ что прохожденіе подробнаго курса грамматики и упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на древніе отдѣльныхъ фразъ и искусственно составленныхъ отрывковъ оттѣснили на второй планъ чтеніе и объясненіе писателей, и самые тексты писателей нерѣдко служили главнѣйше какъ-бы матеріаломъ для устныхъ и письменныхъ упражненій въ этимологическихъ формахъ и синтаксическихъ оборотахъ» [1]). Устраненіе господствующаго «односторонне-грамматическаго направленія» и было главной цѣлью новой таблицы недѣльныхъ уроковъ. Для достиженія этой цѣли, объемъ грамматическаго матеріала по обоимъ языкамъ былъ, по возможности, сокращенъ, переводамъ съ русскаго языка на греческій придано значеніе лишь дидактическаго пріема, главнѣйшимъ же предметомъ занятій по древнимъ языкамъ постановлено чтеніе и толкованіе авторовъ. Были сдѣланы нѣкоторыя перемѣны и въ другихъ предметахъ.

Представляя изъ себя значительное улучшеніе Толстовской гимназіи, измѣненіе въ уставѣ 1890 года, уже въ силу своей узости и частичности, не могло избавить ее отъ всѣхъ недостатковъ и сдѣлать совершенной. При слѣдующемъ же министрѣ (Боголѣповъ, 1898—1901 г.) недостатки гимназіи встали опять предъ всеобщимъ сознаніемъ съ такою яркостію, что всѣми была снова сознана необходимость коренной реформы гимназій. При Боголѣповѣ-же и было приступлено къ реформированію нашего средняго образованія, но такъ

[1]) Рождественскій, стр. 635.

какъ эта реформа, введенная спорадически, путемъ неожиданныхъ и часто противорѣчащихъ другъ другу поправокъ, не закончилась, въ сущности, и теперь, то, какъ все длящееся и находящееся въ процессѣ развитія, она не можетъ быть предметомъ исторіи.

Но Толстовско-Деляновскій періодъ въ жизни нашихъ гимназій былъ-бы далеко не ясенъ, если-бы мы ограничились только изложеніемъ основной реформы и ничего не сказали о той обстановкѣ и способахъ, при какой и какими она проводилась. Характеристикѣ общаго фона Толстовско-Деляновской политики и будутъ посвящены наши заключительныя строки.

Отстоявъ желательный ему типъ гимназій и закрѣпивши его законодательнымъ путемъ, гр. Толстой съ необычайнымъ рвеніемъ принялся за его проведеніе. Всѣ тенденціи, только намѣченныя въ уставѣ, оказались у него развитыми настолько сильно и умѣло, что его времени въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ могла позавидовать сама Николаевская эпоха.

Вообще это время, по духу своему, вполнѣ Николаевское.—Для осуществленія своихъ реакціонныхъ стремленій, оно даже не изобрѣло своихъ мѣръ, а примѣняло практиковавшіяся въ царствованіе Николая I-го, конечно, только въ смягченномъ и болѣе тонкомъ видѣ. Что касается преемниковъ Толстого по Министерству, то Сабуровъ и бар. Николаи были слишкомъ непродолжительное время, а Деляновъ—иногда шелъ дальше даже самого Толстого.

При насажденіи классицизма въ такой дозѣ, въ какой призналъ это нужнымъ Толстой,—прежде всего было очень трудно обезпечить гимназіи необходимымъ контигентомъ учителей древнихъ языковъ. Для обезпеченія гимназій въ этомъ отношеніи, на протяженіи всего періода предпринимался цѣлый рядъ очень дорого стоющихъ государству мѣръ.

Университеты и педагогическіе курсы не могли давать достаточное количество классиковъ, они еще обслуживали и другіе предметы. Издавна практиковавшаяся мѣра—приглашеніе въ учителя гимназій и, между прочимъ, въ учителя древнихъ языковъ кандидатовъ академій была по существу временной, хотя въ 1867 году, съ назначеніемъ для кандидатовъ духовныхъ академій особыхъ экзаменовъ на учителя, она и получила болѣе закономѣрную постановку [1]). Толстой, конечно, очень хорошо понималъ все это и позаботился создать особый типъ учителей-классиковъ. Для этой цѣли въ 1867 г. былъ учрежденъ въ С.-Петербургѣ Императорскій историко-филоло-

---

[1]) Сбор. пост. т. 4, 186; въ 1868 г. Выс. повелѣніе о допущеніи кандид. дух. акад. въ учителя гимназій было подтверждено. Тамъ-же, 288.

гическій институтъ [1]). «Приготовленіе учителей древнихъ языковъ, русскаго языка и словесности и исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія» было поставлено прямой его цѣлью [2]). Несмотря на то, что новому институту были присвоены большія, по сравненію съ историко-филологическимъ факультетомъ, права [3]), и несмотря на казенныя стипендіи, онъ не сразу привлекъ къ себѣ достаточное количество учащихся По крайней мѣрѣ, въ 1867 году было разрѣшено принимать въ него людей, не учившихъ греческій языкъ [4]), и въ 1874 году еще дѣлалось спеціальное предложеніе начальствамъ учебныхъ округовъ о приглашеніи учениковъ гимназіи въ Императорскій историко-филологическій институтъ [5]). При изобиліи желающихъ, полагаемъ, та и другая мѣра были-бы излишни.

Въ томъ же 1874 году появилось, однако, второе такое заведеніе: лицей кн. Безбородко былъ преобразованъ въ историко-филологическій институтъ [6]).

На ряду съ этимъ продолжали вызываться для занятія мѣстъ учителей древнихъ языковъ чехи и славяне, и была устроена при Лейпцигскомъ университетѣ Лейпцигская русская филологическая семинарія, на содержаніе которой отпускалось 17.500 руб. въ годъ [7]) Семинарія эта прекратила свое существованіе только въ 1888 г. [8])

Какъ-бы то ни было, а проведеніе въ жизнь устава 1871 года этими мѣрами Толстой обезпечилъ: въ 1877 году, напримѣръ, греческій языкъ преподавался уже во всѣхъ гимназіяхъ, кромѣ гимназій Тобольской и Томской, и во всѣхъ классахъ [9]).

Гр. Толстой, какъ мы видѣли выше, въ первые-же годы управленія Министерствомъ заявилъ, что онъ не раздѣляетъ точку зрѣнія своего предшественника, отдавшаго распредѣленіе гимназическаго курса на волю педагогическихъ совѣтовъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ въ слѣдующій-же годъ за годомъ утвержденія Устава издалъ самые подробные планы преподаванія предметовъ гимназическаго курса. Въ виду того, что они, въ силу своего недавняго дѣйствія, не представляютъ рѣдкости и легко мо-

---

[1]) Указъ Сенату о его учрежденіи 22 іюня 1867 г.

[2]) Пар. 1 Устава И. Ист.-фил. института.

[3]) Всѣ кончившіе истор.-филол. институтъ получаютъ права кончившихъ университетъ по I-му разряду.

[4]) Сборн. пост. т. 4, 427 (13 окт.).

[5]) Сборн. расп. т. 6, 25.

[6]) Сборн. пост. т. VI, 129.

[7]) Тамъ-же, т. VIII, 367.

[8]) Тамъ-же, т. X, 617.

[9]) Извлеченіе изъ отчета М-ра за 1877 г., стр. 44.

гутъ быть добыты всякимъ желающимъ, мы воздержимся отъ подробнаго ихъ изложенія и остановимся только на древнихъ и русскомъ языкахъ и исторіи, своеобразная постановка которыхъ придавала особую окраску Толстовской гимназіи.

Уроки русскаго языка въ первыхъ трехъ классахъ (12 часовъ шли на изученіе русской грамматики и синтаксиса, при чемъ объяснительная записка требовала, чтобы преподаваніе русской грамматики въ трехъ низшихъ классахъ было соглашено съ преподаваніемъ грамматики латинской, т.-е., «чтобы каждая отдѣльная статья грамматики была объясняема примѣнительно сначала къ русскому языку, а затѣмъ къ латинскому». [1]); въ IV классѣ изучалась грамматика церковно-славянская (3 урока); въ V—кратко излагалась логика (3 часа) и только VI и VII классы — всего 6 уроковъ отводили на чтеніе и разборъ литературныхъ образцовъ. Незначительное число часовъ, посвященныхъ изученію литературы, требовали ограниченія изучаемаго матеріала; это, дѣйствительно, и было сдѣлано Министерствомъ съ большимъ наклономъ къ литературѣ и письменности древней: новѣйшая дальше Гоголя и Лермонтова не шла. Цѣль разбора литературныхъ произведеній, по объяснительной запискѣ, состоитъ «не въ томъ, чтобы выучить гимназистовъ критикѣ, а въ томъ, чтобы помощію основательнаго сужденія о литературномъ образцѣ разъяснить его достоинство». Собственные критическіе опыты гимназистовъ, по мнѣнію Министерства, могутъ внушить «лишь смѣшное и вредное самомнѣніе», почему изъ круга письменныхъ задачъ и исключены задачи, «требующія отъ гимназиста самостоятельныхъ разборовъ, самостоятельнаго приложенія критическихъ началъ къ читаемымъ сочиненіямъ» [2]).

Для изученія исторіи полагалось два курса: а) курсъ краткій эпизодическій, въ III и IV классахъ, и б) курсъ систематическій, въ V, VI и VII классахъ. Въ обоихъ курсахъ отечественная исторія излагалась параллельно со всеобщею. Въ преподаваніе должны были входить, «главнымъ образомъ, факты изъ внѣшней исторіи, изъ бытовой исторіи вводятся только самыя крупныя явленія».

Не трудно представить себѣ, какую сухую груду фактовъ при такой постановкѣ должна была представлять изъ себя исторія,—и, дѣйствительно, въ одномъ эпизодическомъ курсѣ (т.-е. всего при 4-хъ урокахъ) ученикамъ предъявлялось, напримѣръ, 316 хронологическихъ датъ [3]). Интересно, что объяснительная записка реко-

---

[1]) Сборн. пост. и распор. по гимназіямъ и прогимназіямъ вѣдомства М. Н. Пр. СПБ. 1874 г., стр. 195.

[2]) Сборн. пост. и расп. по гимназіямъ, стр. 206—7.

[3]) Сборн. пост. и распор. по гимназ., стр. 246—279.

мендуетъ, напримѣръ, «явленія и событія свѣтлыя излагать болѣе подробно, темныя—кратко» [1]).

Древніе языки изучались, главнымъ образомъ, со стороны грамматической. Злоупотребленія гр. Толстого въ этомъ отношеніи были настолько велики, что въ 1889 году, какъ мы выше видѣли, противъ него выступилъ даже такой преданный ему человѣкъ, какъ Деляновъ. По планамъ 1872 года изъ 49 часовъ, назначенныхъ на изученіе латинскаго языка, спеціально на грамматику съ письменными упражненіями шло $26^1/_2$ часа, на чтеніе хрестоматіи и авторовъ только $22^1/_2$ часа, а изъ 36 положенныхъ на греческій — $14^1/_2$ употреблялось на изученіе грамматики и $21^1/_2$ на хрестоматію и авторовъ. «Такъ какъ основательное знаніе грамматики,—говорится въ объяснительной запискѣ къ учебнымъ планамъ,—имѣетъ существенное значеніе и, съ другой стороны, представляетъ много трудностей для учащихся, то въ предполагаемомъ учебномъ планѣ изученіе грамматики проводится чрезъ всѣ классы, т.-е., отъ начала изученія того и другого древняго языка до конца гимназическаго курса; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно расположено такъ, что сначала проходится изъ грамматики только самое необходимое для того, чтобы учащіеся, какъ можно скорѣе, могли приступить къ чтенію текстовъ, а затѣмъ, въ слѣдующихъ классахъ, все пройденное повторяется съ необходимыми дополненіями и болѣе широкимъ развитіемъ тѣхъ частей, полное изложеніе которыхъ въ низшихъ классахъ было бы не по силамъ учащимся» [2]).

Усложняя, такимъ образомъ, курсъ каждаго слѣдующаго класса новыми грамматическими тонкостями и требуя при чтеніи авторовъ и тѣмъ болѣе хрестоматіи обстоятельнаго грамматическаго и синтаксическаго разбора [3]), Толстой добился того, что на протяженіи всего гимназическаго курса въ изученіи древнихъ языковъ центромъ, заслоняющимъ собой все богатое содержаніе древняго міра, оказывалась грамматика. Частыя письменныя работы и extemporalia, дѣлающія легкимъ для ревизоровъ контроль, препятствовали преподавателю поставить древніе языки интересно и болѣе раціонально, даже если бы онъ этого захотѣлъ.

Изъ другихъ предметовъ гимназическаго курса математика яв-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 254.

[2]) Сбор. пост. и расп. по гимназ., стр. 228.

[3]) При чтеніи авторовъ,—говоритъ, напримѣръ, записка,—должно требовать твердаго знанія словъ и при спрашиваніи ихъ обращать вниманіе на точное ихъ значеніе, указывая и на ихъ происхожденіе; затѣмъ, слѣдуетъ тщательно разъяснять синтаксическія соотношенія словъ. Избранныя мѣста, кромѣ того, рекомендуется учить наизусть.

лялась трудной для многихъ по ихъ природнымъ особенностямъ и, во всякомъ случаѣ, требовала къ себѣ вниманія; географія по самому свойству матеріала требуетъ не мало работы памяти, да и новый языкъ, если онъ не изучался съ дѣтства, являясь пятымъ по счету (русскій, церковно-славянскій и два древнихъ) тоже могъ представлять для многихъ затрудненіе. Принимая же еще во вниманіе, что въ учебныхъ планахъ, какъ гласитъ объяснительная записка, «указано только наименьшее, что можетъ быть сдѣлано по каждому предмету въ каждомъ классѣ»,—нельзя не видѣть всей обременительности Толстовскаго курса для учащихся. А если еще вспомнить, что съ такими предметами, какъ исторія и словесность, сдѣлано все, чтобы они перестали быть интересными, то будетъ ясно, что, вмѣстѣ съ утомленностью и забитостью, у гимназиста должно было являться и отвращеніе къ гимназическому курсу вообще.

Обременительность программъ и вообще гимназическаго курса еще болѣе увеличивалась изданными въ 1872 году правилами объ испытаніяхъ учениковъ, которыми предусматривалась всякая мелочь, и на полицейскій характеръ которыхъ многократно обращала вниманіе и наша печать вообще, и художественная литература, въ частности. Для насъ въ данномъ случаѣ достаточно отмѣтить, что правилами этими вводился контроль за самими преподавателями; благодаря имъ, преподаватели вынуждались тщательно проходить Толстовскіе планы, согласны они съ ними или нѣтъ, безразлично. Что это такъ, ясно видно изъ слѣдующихъ параграфовъ.

«Каждому преподавателю вмѣняется въ непремѣнную обязанность постоянно и строго слѣдить за успѣхами, вниманіемъ, прилежаніемъ и поведеніемъ каждаго ученика, означая оные сколь можно чаще соотвѣтственными отмѣтками въ классномъ журналѣ (пар. 5). Сверхъ того, каждый преподаватель четыре раза въ годъ, чрезъ равные, по возможности, промежутки времени, установленные Педагогическимъ Совѣтомъ, представляетъ начальнику заведенія срочныя по своему предмету вѣдомости. Въ этихъ вѣдомостяхъ отмѣчаются установленными цифрами: а) успѣхи каждаго ученика, б) его вниманіе и в) его прилежаніе (§ 6)».

На тотъ случай, если бы директоръ оказался слабъ и не настаивалъ на исполненіи указанныхъ параграфовъ, существовала другая возможность контроля,—изъ переходныхъ экзаменовъ вездѣ на первый планъ поставлены письменные. Во избѣжаніе какихъ-либо сдѣлокъ преподавателя съ воспитанниками, тема для письменнаго испытанія выбиралась директоромъ изъ предложенныхъ раньше преподавателемъ или даже предлагалась имъ отъ себя, въ классѣ

передъ самымъ началомъ испытанія (§ 27). Эти работы прочитывались преподавателемъ, директоромъ или инспекторомъ и вторымъ преподавателемъ того же или сроднаго предмета (§ 28). Троимъ сговориться труднѣе, да трудно на это и рѣшиться, потому что письменная работа—документъ,—ее всегда можетъ потребовать ревизоръ. Еще подъ болѣе строгій контроль были поставлены выпускные экзамены на аттестатъ зрѣлости. Тамъ темы присылались изъ округа въ закрытыхъ конвертахъ съ надписью: «Вскрыть въ присутствіи членовъ испытательной комиссіи и учениковъ передъ самымъ началомъ письменнаго испытанія по предмету»; для латинскаго и греческаго экстемпорале само окружное начальство обозначало даже, какія именно слова должны быть сказаны экзаменующимся (§ 52). Кромѣ того, рекомендовалось участіе въ испытаніяхъ на аттестатъ зрѣлости особаго депутата отъ округа, по возможности, изъ лицъ, вполнѣ свѣдущихъ въ древнихъ языкахъ (§ 39). Письменныя работы, послѣ оцѣнки ихъ мѣстной комиссіей, поступали къ этому депутату или же, за отсутствіемъ его, представлялись прямо попечителю учебнаго округа (§ 56).

При такомъ контролѣ, по необходимости, надо было сначала изучить тотъ minimum, который обозначался планами 1872 г.; но когда преподаватель брался за него добросовѣстно, то оказывалось, что minimum-то и забиралъ все учебное время.

Если къ этому прибавить еще, что за исполненіемъ вышеизложенныхъ правилъ все время бдительно слѣдили ревизоры и дѣлали замѣчанія за мало-мальски снисходительную оцѣнку [1]), то будетъ ясно, что и ученикъ, и учитель Толстовской гимназіи всѣми этими правилами и планами были стянуты крѣпко. Маленькой иллюстраціей къ тому, какъ шли выпускныя испытанія, можетъ служить «отчетъ о ходѣ испытаній зрѣлости въ гимназіяхъ Оренбургскаго учебнаго округа за 1874/5 учебный годъ». Изъ этого отчета оказывается, что въ 4-хъ гимназіяхъ Оренбургскаго округа экзаменовалось 43 человѣка, выдержало 25, и попечитель считаетъ все-таки испытанія удовлетворительными [2]).

Ко всему этому надо прибавить, что ученики гимназій, согласно циркулярному предложенію министра отъ 7 января 1873 года, не были оставлены безъ дѣла и лѣтомъ [3]). На это время полагались особыя лѣтнія задачи. Циркуляръ рекомендуетъ, правда, не обременять учащихся этими работами. Но даже и въ той умѣренной

---

[1]) Напримѣръ, попечитель Московскаго округа Ширинскій-Шихматовъ въ Владимірской губ. въ 1871 г. Арх. М. Н. Пр. д. № 154613; к. 3860.

[2]) Арх. М. Н. Пр. д. № 153783; к. 3823.

[3]) Сборникъ распоряженій т. V-й, 264.

дозѣ, какую рекомендуетъ циркуляръ, они являлись уже лишеніемъ настоящаго отдыха: ученика, по крайней мѣрѣ, старательнаго и лѣтомъ преслѣдовали все время зимніе призраки, въ видѣ подписныхъ іотъ и другихъ ужасовъ. Послѣднее, т.-е., постоянный тонкій психическій контроль за ученикомъ, пожалуй, даже было въ цѣляхъ гр. Толстого, всячески старавшагося приготовлять изъ гимназистовъ смиренныхъ обывателей и оберегавшаго ихъ отъ всякаго сторонняго вліянія.

Насколько далеко заходили охранительныя тенденціи и боязнь всякой живой мысли въ Толстовской школѣ, можно судить по дѣйствіямъ попечителя Московскаго учебнаго округа кн. Ширинскаго-Шихматова, ревизовавшаго въ 1871 году Владимирскую гимназію. «Прочитывая всѣ сочиненія учениковъ VII класса,—писалъ онъ въ отчетѣ,—я не могъ не обратить вниманія на ту рѣзкость выраженій, на то неуваженіе къ авторитетамъ, которое ясно выразилось въ разборѣ сочиненій Карамзина «О счастливѣйшемъ времени жизни». Преподаватель Завьяловъ (одинъ изъ хорошихъ учителей), давъ такую тему, имѣлъ въ виду *вызвать* учениковъ на откровенное изложеніе ихъ воззрѣній и, осмѣявъ въ присутствіи класса дикія тенденціи малообразованныхъ юношей критиковать писателя, столь чтимаго въ литературѣ, въ особенности возсталъ противъ той пошлости, которую они проявили въ своихъ сужденіяхъ».

Попечитель не только не былъ шокированъ пользованіемъ сочиненіями съ такой цѣлію, но самъ спеціально поручилъ директору, инспектору и преподавателямъ русскаго языка,—«слѣдить, какъ можно внимательнѣе, за направленіемъ учащихся въ старшихъ классахъ, въ особенности стараясь знакомиться съ ними чрезъ сочиненія», и только предложилъ окончательно отказаться отъ темъ характера критическаго. Чтобы лучше гарантировать благонадежный характеръ темъ, «я предложилъ,—пишетъ дальше кн. Шихматовъ,—чтобы темы на сочиненія избирались впредь законоучителемъ совмѣстно съ учителемъ русской словесности. Критика направленія сочиненія будетъ принадлежать, главнымъ образомъ, законоучителю; а оцѣнка сочиненія со стороны слога и проч. падаетъ на обязанность наставника. Я буду самъ слѣдить за результатами этого распоряженія и думаю, что соединенныя усилія законоучителя и преподавателя могутъ благотворно подѣйствовать на складъ ума и на воззрѣнія воспитанниковъ, очевидно обязанныхъ такимъ направленіемъ вліяніямъ общественнымъ и семейнымъ по преимуществу» [1]).

[1]) Арх. М. Н. Пр. д. № 154613; к. 3860.

инціатива котораго исходила изъ III-го отдѣленія и отъ министра юстиціи, которымъ признавалось необходимымъ, «чтобы учебныя начальства о всѣхъ случаяхъ исключенія воспитанниковъ за дѣйствія, носящія на себѣ политическій характеръ, не возбуждая сами судебныхъ преслѣдованій, немедленно доводили до свѣдѣнія мѣстныхъ административной и судебной властей [1]).

Такъ заботясь о благонадежности учащихся и такъ старательно оберегая ихъ отъ всякой свободной мысли въ учебныхъ предметахъ, Министерство Просвѣщенія должно было хорошо сорганизовать надзоръ за учащимися и въ не-урочное время. И оно, дѣйствительно приняло мѣры въ этомъ направленіи. Утвержденныя министромъ 4 мая 1874 г. правила для учениковъ гимназій и прогимназій представляютъ изъ себя такую мельчайшую и точную регламентацію всей жизни и каждаго шага гимназиста, что будь онъ хоть исправнѣйшимъ изъ исправнѣйшихъ, все равно всего ему было не выполнить [2]). Также разнообразны и многочисленны и наказанія, опредѣляемыя одновременно вышедшими «правилами о взысканіяхъ» [3]). Слѣдить за исполненіемъ всей этой массы предписаній, которая окутывала учащихся въ гимназіяхъ, кромѣ инспекціи, должны были вновь учрежденные уставомъ 1871 года классные наставники и ихъ помощники; почему къ скорѣйшему проведенію въ жизнь этого института Министерство и побуждало очень часто и охотно подчиненныя ему учебныя начальства [4]).

Болѣе благопріятныя условія для надзора при томъ недовѣрчивомъ отношеніи къ обществу и семьѣ, какое, несомнѣнно, было и у Толстого, и у Делянова, представляли пансіоны, и потому о развитіи ихъ заботился и тотъ, и другой. Не ограничиваясь одной санкціей пансіоновъ въ уставѣ 71 года, гр. Толстой побуждалъ къ увеличенію пансіоновъ при гимназіяхъ учебныя начальства [5]), но усилія его не увѣнчались успѣхомъ; съ одной стороны, образованные классы общества не совсѣмъ раздѣляли его точку зрѣнія, съ другой — экономическое положеніе дворянства не благопріятствовало открытію пансіоновъ. Деляновъ также всячески способствовалъ развитію пансіоновъ и въ 1891 году, въ цѣляхъ воздѣйствія на дво-

---

[1]) Сборникъ распоряженій т. VI-й, 150 (въ 1875 г.).

[2]) Правила эти см. Сборникъ постановленій и распоряженій по гимназіямъ, стр. 503.

[3]) Тамъ-же, стр. 516.

[4]) Напримѣръ, въ 1876 г. Сборникъ распоряженій т. VI, 57; въ 77 г. т. VII, 130.

[5]) Напримѣръ, циркуляръ 77 года. Сборникъ распоряженій т. VII, 88.

рянство, добился даже Высочайшаго одобренія [1]), но все-таки достигнутые имъ въ этомъ отношеніи результаты были не блестящи, и, во всякомъ случаѣ, пансіоны никогда уже не достигали такого развитія, какое они имѣли во время дѣйствія устава 28 года.

Министерство, такъ старательно оберегающее учениковъ гимназій, по возможности, отъ всего, что внѣ школы и учебниковъ, и отъ всякаго проблеска критицизма, будучи послѣдовательнымъ, тѣмъ самымъ вынуждалось быть очень осторожнымъ и относительно учителей. И дѣйствительно, въ 1877 году было предписано, напримѣръ, прежде назначенія учителей сноситься съ мѣстнымъ губернаторомъ объ ихъ политической благонадежности [2]); всякое проявленіе отрицательнаго отношенія къ распоряженіямъ учебнаго начальства съ ихъ стороны вело за собой немедленное увольненіе. Можно указать напримѣръ, на увольненіе преподавателя 2-й Московской гимназіи, Н. Скандовскаго, за статью въ «Голосѣ» за 1872 годъ, направленную противъ Толстовскаго классицизма [3]). Вышевыясненная сложная система надзора за преподаваніемъ также не говоритъ за довѣріе Министерства учителямъ.

Насколько охотно оставались учителя гимназій въ такой обстановкѣ можно судить по тому, напримѣръ, что по статистическимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ Министерствомъ въ 1870 г., было 374 учителя, служившихъ менѣе 5 лѣтъ, на 631, прослужившихъ пять лѣтъ и болѣе [4]).

Идя по путямъ николаевской политики, царствованіе Императора Александра III въ концѣ-концовъ пришло и къ сословнымъ ограниченіямъ. На необходимость для правительства слѣдовать въ открытіи новыхъ училищъ строго обдуманному плану, приноровленному къ потребностямъ сословій, и на вредъ гимназическаго образованія для низшихъ классовъ, особенно если у нихъ нѣтъ средствъ довести его до конца, было впервые открыто указано Деляновымъ въ 1885 году [5])

Черезъ два года, 11 апрѣля, былъ уже прямо закрытъ доступъ въ гимназіи для дѣтей лицъ, занимающихся предосудительными профессіями [6]), и признано за лучшее совершенное упраздненіе приготовительнаго класса съ будущаго 1888—9 учебнаго года, съ цѣлью «*отвлеченія отъ гимназій такихъ учениковъ, которымъ по усло-*

---

[1]) Сборникъ постановленій т. XII, 24.
[2]) Сборникъ распоряженій т. VII, 221.
[3]) Арх. М. Н. Пр. д. № 155581; к. 3880.
[4]) Арх. М. Н. Пр. д. № 153783; к. 3823.
[5]) Въ Госуд. Совѣтѣ. См. сборн. пост. т. X, 41.
[6]) Сборн. пост. т. X, 402.

віямъ быта ихъ родителей совершенно не слѣдуетъ стремиться къ среднему гимназическому образованію» [1]).

Не довольствуясь указанными мѣрами, Деляновъ въ томъ-же 1887 году, послѣ совѣщанія съ министрами внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ, финансовъ и оберъ-прокуроромъ Св. Синода, испрашивалъ у Александра III-го предварительнаго разрѣшенія на внесеніе въ Комитетъ Министровъ представленія «о допущеніи впредь въ гимназіи и прогимназіи дѣтей лишь нѣкоторыхъ сословій—не ниже купцовъ 2-й гильдіи». Императоръ нашелъ, однако, эту мѣру несвоевременной и неудобной и поручилъ войти въ соображенія для достиженія этой цѣли другими способами. Результатомъ этихъ новыхъ соображеній было: возвышеніе платы за ученіе, разъясненіе начальствамъ гимназій и прогимназій, «чтобы они принимали въ эти учебныя заведенія только такихъ дѣтей, которыя находятся на попеченіи лицъ, представляющихъ достаточное ручательство въ правильномъ надъ ними домашнемъ надзорѣ, и въ предоставленіи имъ необходимаго для учебныхъ занятій удобства», и процентная норма для евреевъ.

Министръ народнаго просвѣщенія въ своемъ Всеподданнѣйшемъ докладѣ выражаетъ увѣренность, что при неуклонномъ соблюденіи этихъ правилъ и, особенно второго, «гимназіи и прогимназіи освободятся отъ поступленія въ нихъ дѣтей кучеровъ, лакеевъ, поваровъ, прачекъ, мелкихъ лавочниковъ и тому подобныхъ людей дѣтямъ коихъ, за исключеніемъ развѣ одаренныхъ геніальными способностями, вовсе не слѣдуетъ стремиться къ среднему и высшему образованію» [2]).

Конечно, было-бы заблужденіемъ думать, что указанныя мѣры гр. Делянова упали какъ-то ex abrupto, по сравненію съ прошлыми годами даннаго періода. Почва къ этому подготовлялась и раньше. Еще въ 1877 году въ своемъ отчетѣ гр. Толстой отмѣчалъ, что въ распредѣленіи учащихся по сословіямъ, въ общемъ итогѣ, преобладаютъ дѣти дворянъ и чиновниковъ (больше половины всѣхъ учащихся), и что это преобладаніе особенно увеличивается въ старшихъ классахъ [3]). Толстой говорилъ, что послѣднее всецѣло объясняется болѣе благопріятными домашними условіями, но тутъ могло быть и что-либо другое.

Въ Западномъ краѣ просвѣщеніе въ этотъ періодъ такъ же, какъ

---

[1]) Высочайше утвержденный доклалъ Делянова. Сборн. пост. т. X, 407.
[2]) Докладъ министра. Сборн. пост. т. X, 434.
[3]) Извлеченіе изъ отчета за 1877 г., стр. 36—7.

и въ прошлые, конечно, служить цѣлямъ обрусенія и, пожалуй, еще болѣе интенсивно [1]).

Заключая этотъ, послѣдній въ нашей работѣ, періодъ, нельзя не отмѣтить, что темная, но крѣпкая—въ силу сложившихся обстоятельствъ—сила все время виситъ надъ гимназіями даннаго времени

Внѣшней силѣ не сдержать, конечно, духа жизни, и потому всѣ укрѣпленія Толстого и Делянова оказались разбитыми, но все это не прошло даромъ для нашей правительственной школы. Въ результатѣ столѣтнихъ экспериментовъ, она оказывается въ такомъ состояніи, что излеченіе ея является одною изъ труднѣйшихъ задачъ нашего времени.

---

[1]) Распоряженія по этому поводу: Сборн. пост. т. IV, 208 и 406; т. V, 201; т. VI, 10. Арх. М. Н. Пр. д.д. № 153411, к. 3136 и № 153752а; к. 3822 и др.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка*	*Напечатано*	*Слѣд. чит.*
3	15 сверху	де-Маріево	де-Мириево
5	6 снизу, прим. 2-е.	д. № 9. 195	д. № 9. 195, к. 203.
13	16 сверху	редакція	реакція
14	3 сверху	коехъ	конхъ
20	1 снизу	1863	1868
37	8 сверху	1727	1827
57	21 сверху	образованія	—образованіе

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

НОВАЯ КНИГА

ТОГО-ЖЕ АВТОРА

ИСТОРІЯ

ГИМНАЗИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ РОССІИ.

Изданія журнала „РУССКАЯ ШКОЛА“.

1) Анастасіевъ, А. И. Вниманіе и интересъ при обученіи. 1903 г. Ц. 40 к.
2) Брейтманъ, И. Я., д-ръ. Школьная гигіена (по Котельману). Изд. 2-ое. 1907 г. Ц. 40 к.
3) Бывалькевичъ В. И. Гигіена письма. 1908 г. Ц. 10 к.
4) Бѣлецкій, Н. В. Вопросъ объ образованіи русскихъ евреевъ въ царствованіе Императора Николая I. 1894 г. Ц. 1 р.
5) Готлибъ, А. Г. Очеркъ народнаго образованія Швейцаріи. Съ прилож. статист. табл. 1907 г. Ц. 80 к.
6) Гриневичъ В. С. Избранныя книги для дѣтей отъ 2—15 лѣтъ. 1908 г. Ц. 30 к.
7) Гуревичъ, Я. Г. Къ вопросу о реформѣ средняго образованія, въ особенности-же классическихъ гимназій. Изд. 2-е. 1906 г. Ц. 30 к.
8) Гуревичъ, Я. Я. (Я. Крюковской). Повѣсти и разсказы. Ц. 1 р.
9) Дидо. Замѣтки и наблюденія сельскаго учителя. 1902 г. Ц. 50 к.
10) Каптеревъ, П. Ѳ. Педагогическій процессъ. 1905 г. Ц. 75 к.
11) Коноплевъ, В. Введеніе въ методику грамоты. 1905 г. Ц. 20 к.
12) Красевъ, А. А. Что могутъ и должны давать народу наши начальныя народныя училища. 1906 г. Ц. 75 к.
13) Ланге, Н. Н. Душа ребенка въ первые годы жизни. Двѣ лекціи. 1892 г. Ц. 40 к.
14) Локкъ, Джонъ. Мысли о воспитаніи, перев. съ англ. П. Вейнберга. 1891 г. Ц. 1 р.
15) Луи Ліаръ. Французскіе университеты наканунѣ Великой революціи. Перев. А. Готлиба. 1905 г. Ц. 50 к.
16) Мижуевъ, П. Г. Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. 1893 г. Ц. 80 к.
17) Его-же. Очерки развитія и современнаго состоянія народнаго образованія въ Англіи. 1896 г. Ц. 30 к.
18) Его-же. Вліяніе народнаго образованія на народныя богатства, здоровье, нравственность и другія стороны общественной жизни. 1897 г. Ц. 80 к.
19) Его-же. Очеркъ развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Англіи. 1898 г. Ц. 80 к.
20) Его-же. Вопросъ о реформѣ школы во Франціи. 1902 г. Ц. 80 к.
21) Его-же. Средняя школа въ Германіи. 1903 г. Ц. 60 к.
22) Его-же. Начальное и среднее образованіе въ Швеціи. 1903 г. Ц. 25 к.
23) Его-же. Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Германіи. 1905 г. Ц. 60 к.
24) Нечаевъ Александръ. Очеркъ психологіи для воспитателей и учителей. Ч. II. Воспитаніе воли и чувства. Спб. 1908 г. Ц. 65 к.
25) Песковскій, М. Л. Обязательный минимумъ образованія. 1895 г. Ц. 80 к.
26) Пироговъ, Н. И. О еврейскомъ образованіи. Неизданная записка. Вступл. С. Я. Штрейха. 1907 г. Ц. 20 к.
27) Скворцовъ, Ир. Пол., проф. Гигіена воспитанія и образованія. 1906 г. Ц. 1 р.
28) Соболевъ, Аполлосъ. Критическій обзоръ способовъ обученія правописанію. 1902 г. Ц. 60 к.
29) Страхова, М. И. Очерки современнаго состоянія начальнаго образованія въ Западной Европѣ. 1899 г. Ц. 50 к.
30) Тростниковъ, М. А. Обученіе чтенію правильному, сознательному и выразительному. 1901 г. Ц. 25 к.
31) Его-же. Обученіе грамматикѣ русскаго литературнаго языка. 1903 г. Ц. 25 к.
32) Его-же. Обученіе грамотѣ. 1905 г. Ц. 20 к.
33) Успенскій, М. И. Нѣмецкая и русская методика ариѳметики за текущее столѣтіе. 1899 г. Ц. 40 к.
34) Фармаковскій, В. И. Начальная школа Мин. Нар. Просвѣщенія. 1900 г. Ц. 1 р.
35) Хеленіусъ, Алли-Трюксъ и Хеленіусъ, Матвѣй. Вліяніе алкоголя. 1905 г. Ц. 20 к.
36) Шохоръ-Троцкій, С. И. Цѣль и средства преподаванія низшей математики съ точки зрѣнія общаго образованія. 1892 г. Ц. 60 к.
37) Яновскій, К. П. Мысли о воспитаніи и обученіи. 1900 г. Ц. 2 р.

Складъ всѣхъ этихъ изданій въ книжномъ магазинѣ Стасюлевича. СПБ. Вас. остр., 5 линія, д. 28.

5 Та
774

2052

Продолжается подписка на 1908 годъ.

(19-ый годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ ШКОЛА",

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Я. Я. ГУРЕВИЧА.

Журналъ выходитъ ЕЖЕМѢСЯЧНО книжками, не менѣе ПЯТНАДЦАТИ печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—СЕМЬ рублей въ годъ, съ доставкою СЕМЬ рублей пятьдесятъ коп.; для иногородныхъ съ пересылкою ВОСЕМЬ рублей; съ пересылкой за границу ДЕВЯТЬ рублей. Земства, выписывающія непосредственно изъ редакціи не менѣе 10 экз. журнала, пользуются уступкой въ 15%. Книжные магазины удерживаютъ за коммиссію 5%. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ и обращающіеся непосредственно въ контору журнала, могутъ получить его за ШЕСТЬ рублей въ годъ, и притомъ съ разсрочкой уплаты въ два срока: при ПОДПИСКѢ и къ 1 іюля по ТРИ рубля.

Въ „Русской Школѣ" принимаютъ участіе слѣд. лица: Н. Я. Абрамовичъ, Г. В. Аграевъ, Х. Д. Алчевская, М. А. Андріенко, Ц. П. Балталонъ, проф. Е. Ѳ. Буде, И. А. Бѣлозерскій, И. П. Бѣлоконскій, В. П. Вахтеровъ, П. И. Вейнбергъ, П. Б. Вейнбергъ, А. С. Виреніусъ, Е. М. Гаршинъ, А. Г. Готлибъ, Д. Д. Галанинъ, проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, проф. И. М. Гревсъ, Я. Я. Гуревичъ, Л. Я. Гуревичъ, А. Я. Гуревичъ, А. Я. Заксъ, С. А. Золотаревъ, Г. Г. Зоргенфрей, К. Н. Деруновъ, О. А. Добіашъ, П. В. Евстафьевъ, К. В. Ельницкій, И. П. Житецкій. К. А. Ивановъ, проф. Д. Н. Кайгородовъ, П. Ѳ. Каптеревъ, проф. Н. И. Карѣевъ, В. А. Келтуяла, Н. П. Казанцевъ, Н. И. Кашинъ, П. А Конскій, Н. И. Коробка, Н. М. Книповичъ, А. А. Красевъ, проф. Н. Н. Ланге, И. И. Лапшинъ, М. К. Лемке, Б. А. Лезинъ, А. А. Локтинъ, А. Л. Липовскій, проф. П. Ф. Лесгафтъ, Э. Ф. Лесгафтъ Э. Э. Лямбекъ, Ѳ. С. Матвѣевъ, А. Мощанскій, П. Г. Мижуевъ, А. В. Мезіеръ, А. П. Налимовъ, А. П. Нечаевъ, А. Новиковъ. А. В. Овсянниковъ, Ф. Ф. Ольденбургъ, проф. И. Г. Оршанскій, С. А. Острогорскій, Ѳ. И. Павловъ, О. Х. Павловичъ, проф. А. Л. Погодинъ, Н. И. Позняковъ, В. Подстепянскій, С. Н. Поляковъ, Ѳ. И. Рогова, Г. П. Роковъ, В. Л. Розенбергъ, Н. А. Рубакинъ, Я. И. Рудневъ, С. Ѳ. Русова, Е. П. Рѣпина, С. И. Савоновъ, М. Н. Салтыкова, Л. С. Севрюкъ, проф. И. А. Сикорскій, А. С. Симоновичъ, проф. Ир. П. Сиворцевъ, А. Ѳ. Соколовъ, Н. М. Соколовъ, М. И. Страхова. проф. Сумцовъ, А. И. Тарнавскій, М. А. Тростниковъ, К. А. Тюлеліевъ, А. М. Тютрюмовъ, В. И. Чарнолускій, Н. В. Чеховъ, В. И. Фармаковскій, А. П. Флеровъ, В. А. Флеровъ, проф. В. М. Шимкевичъ, д-ръ В. Ф. Якубовичъ, А. И. Яцимирскій, С. И. Шохоръ-Троцкій, Н. С. Шохоръ-Троцкая и нѣкот. др.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (СПБ., Лиговская 1, гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-Издатель **Я. Я. Гуревичъ.**

10 96.

341247

5 Ta
774